

Александр
Буриан

БЛОКНОТ
В
“Norton Commander”

*Избранные заметки
из записных книжек
Том 5
Шестое издание*

Кишинэу
2023

Избранные заметки из записных книжек. Том 5. Шестое издание.

УДК 821.135.1(478)-94

Б 913

**DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII
DIN REPUBLICA MOLDOVA**

Буриан, Александр.

Блокнот в "Norton Commander" : Избранные заметки из записных книжек. Том 5. / Александр Буриан. – 6-е изд. – Кишинэу : CEP USM, 2023 – . – ISBN 978-9975-71-537-9.

[Том] 5. – 2023. – 466 p. – 500 ex. ISBN 978-9975-158-26-8.

821.135.1(478)-94

Б 913

ISBN 978-9975-71-537-9

ISBN 978-9975-158-26-8

Copyright©Александр Буриан, 2023.

Все права автора защищены.

Ни одна часть этого издания не может быть воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения автора.

<https://doi.org/10.61753/ISBN978-9975-158-26-8>

Содержание:

Предисловие к шестому изданию.....	5
Вступительное слово.....	6
Из цикла <i>Конфликт цивилизаций</i>	13
Из цикла <i>Поколение „беби-бумеров“</i>	41
Из цикла <i>Мои университеты</i>	49
Из цикла <i>Лабиринты правды</i>	72
Из цикла <i>Ключ на старт</i>	80
Из цикла <i>Как обнять необъятное</i>	89
Из цикла <i>Да неужели, в самом деле</i>	94
Из цикла <i>Нарочно не придумаешь</i>	103
Из цикла <i>Премудрости политики</i>	106
Из цикла <i>Писательские будни или стычки с Музой</i>	109
Из цикла <i>Путешествие в прошлое</i>	127
Из цикла <i>Страсти по стрелам Амура</i>	139
Из цикла <i>Честь шахматной короны</i>	158
Из цикла <i>Ученье - свет</i>	173
Из цикла <i>Через тернии к знаниям</i>	194
Из цикла <i>Запах неспелой айвы</i>	199
Из цикла <i>Хорошо ли быть полиглотом</i>	205
Из цикла <i>Великий русский язык</i>	208
Из цикла <i>Прелести жизни</i>	216
Из цикла <i>Дороги, которые нас выбирают</i>	225
Из цикла <i>Если друг оказался вдруг</i>	237
Из цикла <i>Конфликт поколений</i>	249
Из цикла <i>Жизненные круговороты</i>	262
Из цикла <i>Нам вождя не доставало</i>	270
Из цикла <i>Индеец, Джон Белая рубашка и новые «бледнолицые»</i> ...	273
Из цикла <i>Реквием</i>	283

Избранные заметки из записных книжек. Том 5. Шестое издание.

Из цикла <i>Незабываемое</i>	296
Из цикла <i>Лошадина профессия</i>	305
Из цикла <i>Интимные отношения</i>	309
Из цикла <i>Парковка по немецки</i>	313
Из цикла <i>Товарищи ученые</i>	322
Из цикла <i>Муки познания</i>	339
Из цикла <i>Свободу Попугаю</i>	345
Из цикла <i>Поколение пепси</i>	348
Из цикла <i>Встречи с Папой. Римским, разумеется</i>	352
Из цикла <i>Сколько живу, столько удивляюсь</i>	366
Из цикла <i>Заграница, заграница</i>	370
Из цикла <i>Латиноамериканские страсти</i>	383
Из цикла <i>Нет, ребята, все не так</i>	411
Из цикла <i>Времена и нравы</i>	417
Из цикла <i>Тяга к перемене мест</i>	424
Из цикла <i>Бродят по свету люди разные</i>	444
Из цикла <i>Бывает ведь такое</i>	457
<i>Биография автора</i>	462

Предисловие к шестому изданию

Шестое издание «Блокнота в "Norton Commander"» выходит одним томом, в виде избранных заметок из записных книжек, изданных в 2013, 2014, 2015, 2017 и 2021 гг. в четырех разных томах, в Кишиневе и Ростове-на-Дону.

Исходя из того, что тираж всех предыдущих изданий полностью исчерпан, а спрос, как это не удивительно - есть, я решил выпустить пятое издание «Блокнота», внося лишь некоторые поправки в текст, и исключив некоторые рассказы, дав тем самым *карт-бланш* читателю, не имевшему возможность ознакомиться с сей публикацией ранее, с тем, чтобы высказаться по поводу написанного.

Не ручаюсь, и на этот раз, что мой выбор записок, внесенных в настоящий том удачен, но, как говорится, чем богаты, тем и рады.

*Автор
Кишинев,
Октябрь 2023 года.*

Вступительное слово к первому изданию

Меня часто спрашивали, а буду ли я писать мемуары? Я неизменно отвечал, что писать мемуары не буду. Не тот калибр, так сказать. Или уровень, если использовать язык старой номенклатуры.

Но мне не верили, и сразу же поступал следующий вопрос, а почему? И добавляли: другие ведь, пишут!

Сначала это меня удивляло. Потом смущало. Потом веселило. Потом начало раздражать.

Но, со временем, я перестал обращать внимание на эти вопросы, оставляя их без ответа, так как они не просто перестали удивлять, смущать и, тем более, веселить.

Они - перестали раздражать.

А ведь, на самом деле, почему бы и не спросить? Ведь, действительно, пишут же другие!

Пишут. Но я - не буду.

И то, что предлагается Вам в этой книге – не мемуары, а простое изложение увиденного, простая попытка изложить на бумаге некоторые мысли и рассуждения, которые посещали меня на разных этапах жизни.

Правда, это изложение во многом автобиографично, вместе с тем, это не мемуары, так как мемуаристы пытаются осмыслить исторический контекст собственной жизни, описывая свои действия как часть общего исторического процесса, я же делаю упор лишь на мое личное восприятие увиденного.

Предполагаю, что литераторы набросятся на меня, обвинив в невежестве и хамстве, а также в попытке нарушить их, идеально, в их понимании, сконструированный литературный мир, разделенный на прозу, драматургию и поэзию, и дальше, дальше, по категориям и подкатегориям...

Они, наверняка найдут место в этой, своей схеме, и моей писанине.

А, может, и не найдут. А, может, вообще, ничего не скажут.

Пусть. Меня это не волнует.

Я называю то, что пишу – записками, и заниматься этим начал еще во время службы в армии, благо была такая техническая возможность, печатать на машинке и спрятать напечатанное в стол, которая, умноженная на духовную потребность, и начала давать, со временем, какие-то результаты.

Результаты, мягко говоря, не ахти-какие, так как изложенные мною факты и события - отрывочные, и не представляют собой общую картину всего увиденного, а так, какие-то обрывки, какие-то мозаики.

В принципе, ничего страшного, так как сама жизнь состоит из обрывков и мозаик, собрать которых, в единое целое, не удалось пока никому.

Поэтому, успокоимся на этом, и посчитаем, что отказ от мысли не писать мемуары была бы неправильной, поэтому, то, что предлагаем Вам сейчас – лишь робкая попытка изложить публике некоторые свои мысли и размышления.

Слухи о том, что я веду какие-то записные книжки, в которых фиксирую все и вся, бытовали давно, преследуя меня еще с армейских времен, но доказательств того, что

я действительно что-то пишу, не было, и это одних успокаивало, а других, наоборот, будоражило.

Бывали моменты, когда меня просили показать, что же я пишу.

И я показывал.

Не всегда. Не всем. Но показывал.

И слушал отзывы.

Если давали, конечно, поскольку бывали случаи, когда упорно молчали, даже не вспоминая о том, что взяли рукопись на прочитку.

Но это, ведь, тоже отзыв, если молчат.

Главное – правильно расшифровать молчание, а в остальном – то же самое, что и при письменных или устных отзывах и рецензиях.

Иногда спрашивали, а почему *Блокноты в “Norton commander”*», и что это за страсть, к заокеанским названиям?

Дело в том, что систематизировать свои «записки», которые начал писать еще в армейские времена, я начал позже, в конце восьмидесятых, на своем первом персональном компьютере, операционная система которого так и называлась: “Norton commander”, пере-набрал тексты, ранее набранные мною на печатных машинках.

Эти тексты так и остались в этой программе, хотя последующие я стал набирать в уже более современных и удобных компьютерных программах семейства “Windows”.

Вместе с тем, я очень часто стал возвращаться к старым записям, систематизированным по «блокнотам» в “Norton commander”, поскольку там были имена, даты и прочая другая информация, позволяющая с большей точностью вести свои записи.

Это и породило идею назвать всю работу «Блокнотами», естественно, в "Norton commander".

Я долго и упорно не хотел публиковать свои записки.

Выглядело это, скажем прямо, немножко смешно, так как до сих пор я успел опубликовать более пятидесяти книг, и выпустить еще одну – не такое уж и геройство.

Но, это был другой жанр - научные публикации: монографии, учебники и курсы лекций для университетов, а то, что собирался (вернее, долго не собирался) публиковать – совсем другое.

И вот, в канун своего шестидесятилетия, я решился, все-таки, опубликовать некоторые из своих записок.

Повторюсь, что это не чисто автобиографические рассказы, хотя в них и отражена часть моей жизни, и абсолютное большинство из описанных мною событий, имели место в действительности.

Возможно, у некоторых читателей возникнет вопрос, почему я публикую свои записки на русском, а не на государственном языке, то есть, молдавском.

У нас есть такие.

К большому сожалению.

Их не интересует сам язык и его развитие. Их не интересует его история, его настоящее, его будущее. Их интересует, лишь *кто, почему, как посмел, и кто позволил?*

Больше – ничего!

Ну, и Бог с ними.

Дело в том, что начал я писать эти записки именно на русском, поскольку в то время он был моим рабочим языком.

Хотя, со временем, стали появляться записки и на молдавском, а позже – и на испанском.

В зависимости от времени и места тех или иных событий, которые я описывал, а также от языка, который использовался участниками событий.

Во всяком случае – в том, что я пишу на русском, нет ни политики, ни идеологии.

Акцентирую этот момент, поскольку, уж слишком много полуграмотных *грамматеев* появилось на нашей земле в последнее время.

Не исключено также, что многим не понравится то, что в книге встречается и ненормативная лексика.

Но, во-первых, без этой лексики - невозможно передать смысл, реальность, комичность и пикантность тех, или иных ситуаций.

Во-вторых, такая лексика, хотим мы этого, или нет, присутствует как в обычной жизни, так и в процессе деятельности любых организаций, вплоть до международных, не говоря уж, об армии, парламенте и других, не менее важных институций и заведений. Это зафиксировано в различных стенограммах, которые, кстати, публикуются и цитируются даже в научных и публицистических изданиях.

В-третьих, это не мемуары, о чем я уже отмечал выше, где я бы постарался «пристегнуть» себя к историческому процессу, показывая свою «роль и значение» в происходящем и, в которых, я должен был бы «держать марку» умудренного жизнью государственного мужа.

Это свое, субъективное, видение некоторых событий, зафиксированное в *Записках* и *Блокнотах*, которые я решил опубликовать.

Я так воспринял то или иное событие, так записал, и так и публикую это.

Не говоря уж о том, что эти ненормативные слова отражают не мое видение, и не мою оценку тех или иных

Александр Буриан. Блокнот в "Norton commander".

событий или ситуаций, а представляют собой лишь пересказ чьих-то слов, чьих-то мыслей, чьих-то взглядов. Я просто это заметил, и зафиксировал.

Может, кому-то это и не понравится.

Что ж, пусть читает что-то другое. Или, пусть сам напишет.

В большинстве случаев я использовал, с документальной точностью, не только имена и фамилии действующих лиц, но и названия организаций, институций, министерств, ведомств, войсковых частей и других заведений, как государственных, так и общественных, не говоря, уже, о спецификациях различных типов вооружений и техники, а также относительно их различий, характеристик и специфики.

В других же случаях, я отказывался от такого подхода.

Отчасти, от нежелания ставить в неловкое положение определенных людей, а отчасти и от того, что еще не пришло время назвать все вещи своими именами.

Бывает и такое в дипломатии и в политике.

Да и в обычной жизни, то же.

Ну, и, разумеется, есть и художественный вымысел.

Чуть-чуть, но есть.

Куда же, без него?

*Автор
Кишинев,
январь 2013 года.*

Из цикла „Конфликт цивилизаций“

*Ах, милый Ваня! Я гуляю по Парижу -
И то, что слышу, и то, что вижу, -
Пишу в блокнотик, впечатлениям вдогонку:
Когда состарюсь - издам книжонку.*

*Про то, что, Ваня, мы с тобой в Париже
Нужны - как в бане пассатижи.*

*Я сам завел с французенкою шашни,
Мои друзья теперь - и Пьер, и Жан.
Уже плевал я с Эйфелевой башни
На головы беспечных парижан!*

*Проникновенье наше по планете
Особенно заметно вдалеке:
В общественном парижском туалете
Есть надписи на русском языке!*

Владимир Высоцкий
«Письмо к другу, или Зарисовка о Париже»

Париж, 1988 год.

Командировка во Францию. Обмен опытом между службами протокола.

До этого у нас такие командировки бывали лишь в соцстранах. Я уже ездил в Прагу, в Будапешт, в Берлин по такой же тематике.

Другие наши ребята побывали в Ханое, Пхеньяне, Софии, Варшаве.

Но началась перестройка, мы ищем контакты с Западом, а они с нами, и вот, Париж.

Группа небольшая, нас всего четверо, и я глава делегации.

Я занимаюсь общими делами протокола, особенно их официальной частью, а мои напарники обмениваются опытом относительно гостиничного и ресторанного хозяйства.

Французы сдержанны, но приветливы и гостеприимны.

Они уже были у нас, и все это мы им показывали. Вплоть до Кремлевского дворца.

Сейчас их очередь, и они нам также все показывают. Вплоть до Версальского дворца.

Правда, кое-что еще.

Начиная с Эйфелевой башни и Елисейских полей и кончая, разумеется, площадью Пигаль и знаменитым скандальным кабаре Мулен-Руж.

Нам это нравится, поскольку впервые в Париже.

Но, все-таки, не рискуем сеять *свои семечки* на чужих *Елисейских полях*, как пел когда-то Высоцкий. Не говоря уж о тех же действиях на площади Пигаль, поскольку в Москве, показав французам Красную площадь, Алмазный фонд и Грановитую палату, мы так и не рискнули свозить их на улицу Горького, около Манежа, место, которое ничем не уступало площади Пигаль.

Ни по смыслу, ни по содержанию, ни по классификации и профессиональному опыту жриц, постоянно околачивающихся на этом приметном месте.

Ни тогда, ни сейчас.

Хотя, такие крамольные мысли кое у кого из нас и возникали.

Но, вовремя остановились, и вот: французы нас опередили, *обув в галоши*, и в будущий их приезд нам придется что-то *сварганить* такое, чтобы сквитаться с ними.

И мы, это сделаем! Будьте спокойны.

Вместе с тем, предложенная французами программа, довольно обширная и растянута, аж до середины будущей недели, так что на субботу и воскресенье мы остаемся свободными, без каких-либо официальных дел и программных мероприятий.

Надо сказать, что суббота и воскресенье во Франции действительно выходные, не то что у нас, и на эти дни все уматывают из города на свои дачи и загородные дома, начиная от президента и премьер-министра, и кончая самой зашудалой машинистки из службы протокола.

Поэтому, мы оказались не только свободными на эти дни, но и одинокими, с явным ощущением, что нас бросили, так как прикрепленные к нам сопровождающие

также рванули на дачи, оставив нас на попечение какой-то переводчице.

- На всякий случай, - объявили нам в службе протокола факт передачи нашей группы на попечение симпатичной и элегантной молодой женщины, которая восприняла эту весть без явной радости.

Ей было около тридцати, самый прекрасный возраст девушки, когда у них, помимо разнообразных женских начал, приобретенных с самого рождения, появляется и разум, который, умноженный на приобретенный уже ею опыт, дает очень даже неплохой вариант *хомо сапиенс* женского рода.

Однако, предсказанный начальством «всякий случай» предвещал, что может и не быть, так как у переводчицы был *бойфренд*, с которым у нее была запланирована встреча, аккурат в эту субботу и это воскресенье.

Притом, *бойфренд* был не из Парижа, а из Люксембурга, и ей предстояло ехать к нему, намереваясь оставить нас, самим по себе, в вечном городе.

Сделала бы она это пораньше, рванув к своему *бойфренду* загодя, и начальство так и не нашло бы ее для того, чтобы прикрепить к нам.

Но не успела она, а может, не додумалась, *урвать* с работы пораньше, и вот, стоит перед нами и переживает.

- Мне, непременно надо ехать в Люксембург, к своему другу! - решительно смотрит она на нас.

Но мы молчим, в нерешительности, так как понятия не имеем что можно ей сказать и, не встречая поддержки с нашей стороны, она пускается в плач.

Настоящий, не театральный плач. Со слезами и прочими соответствующими причиндалами.

- Если не поеду - он бросит меня и найдет какую-то местную *потаскушку*, - ревет она, орошая все вокруг

своими слезами и объясняя нам причины своего расстройтва.

А также и наши, очень сумбурные, перспективы пребывания в незнакомом нам Париже, на выходные, без сопровождающего.

- А, давайте, поедете и вы в Люксембург, - вдруг заблестели у нее глаза.

Даже плакать перестала от такой неожиданной мысли.

- А что, слабо? – провокационно смотрит она на нас, не до конца понимая нашу замедленную реакцию.

- Но, у нас нет люксембургских виз, - возражает кто-то из нас.

- А они, и не нужны, - сверкает она уже высохшими от слез глазами. - Там, на границе, проверяют лишь одну машину из ста.

- Вот, наша и окажется сотой, - ворчу я.

- Да нет, - возражает переводчица, - проскочим.

Впрочем, не так уверенно, как раньше.

У наших ребят загорелись глаза, но я невозмутимо отрицательно качаю головой.

Но они уже настроились на поездку, и все втроем пытаются уламывать меня, чтоб и я согласился.

Я же, довольно ясно предполагаю, чем все это может кончиться, особенно для меня, как главы делегации, и не горю желанием обзавестись приключениями.

Но к моим напарникам примыкает и переводчица, моментально создавая мощную коалицию, и давление на меня все усиливается и усиливается.

Видя, что я не подаюсь, напарники вдруг объявляют, что если я не поеду, то они сами туда *рванут*, без меня, поскольку, *хрен его знает*, если им удастся еще когда-нибудь увидеть Люксембург.

Я пытаюсь им втолковать, что может произойти, и чем все это обернется, для каждого из нас, на Родине, по возвращению.

Но их это не кольшет.

В Союзе полным ходом идет *перестройка*, и все перестали бояться каких-либо репрессий.

Наоборот, некоторые даже жаждут их, чтоб был мотив пожаловаться на начальство, а то - и выступить на каком-нибудь митинге.

У них сверкают глаза, они невероятно взбудоражены и наверняка уже видят себя *гулящими ходоками* по люксембургским улицам.

Я понимаю, что их уже не остановить, поскольку в их мозгах какая-то задвижка переключилась на поездку, и ничто уже это решение не изменит.

А остаться в Париже, когда часть делегации, главой которой я являюсь, *мотанула* без виз в соседнюю страну, притом без меня, не менее глупо, чем самому поехать туда, вместе со всей делегацией.

Тем более, что только у меня дипломатический паспорт, а у них, у всех троих – служебные, и их запросто могут закрыть в какую-нибудь каталажку, если поймают, до выяснения обстоятельств.

Мое же присутствие может хоть как-то спасти положение, в случае чего, так как дипломатические паспорта выдаются, все-таки, не кому попало, и в любом случае это означает, что его обладатель - официальное лицо государства

Поэтому, скрепя сердцем, я соглашаюсь.

Переводчица, на девятом небе от счастья, выводит нас на улицу к своему автомобилю, на котором нам предстоит нарушить границу суверенного Люксембурга.

Автомобиль хороший, нет слов, Фольксваген-букашка, но там свободно могут разместиться лишь четверо, включая водителя, а нас пятеро.

Но переводчица не падает духом и вспоминает, что у нее есть подруга, которая недавно разругалась со своим парижским *бойфрендом*, и давно жаждет обзавестись люксембургским сердцеедом.

Может, в отместку, а может, в Люксембурге какие-то особые *бойфренды*, мелькает у меня мысль, но не успеваю высказать ее вслух, так как переводчица звонит подруге, и та загорается желанием составить нам компанию.

Мы двигаемся в гостиницу, сдаем свои номера и заказываем такие же, на сутки, в Люксембургском «Пульмане», собираем кое-какие свои шмотки, которые берем с собой, а остальные сдаем в камеру хранения, и спускаемся к автопарковке, где нас уже ждет подруга переводчицы, возбужденно шагающая возле своей «Букашки» розового цвета.

Наш «Фольксваген-букашка» серого цвета, что соответствует правилам службы протокола, где трудится наша переводчица.

Мы знакомимся с подругой, садимся по машинам и трогаемся в путь.

Плана – никакого.

Боле того, в спешке, получилось так, что мои напарники, втроем, сели в «Букашку» подруги, а я оказался в машине переводчицы, так что обсудить ситуацию и наметить, как нам вести себя в той или иной обстановке, не представляется возможным.

Приближаемся к французскому пограничному пропускному пункту на границе Франции и Люксембурга.

Граница открыта, как ворота в Кремле, как пел когда-то Владимир Высоцкий.

Автомобили так и прут, и с одной, и с другой стороны, и стоящий с важным видом пограничник даже и не думает их остановить и проверить наличие виз у пассажиров и водителей.

Он хмуро разглядывает их, ритмично качаясь с пяток на носки, поправляя иногда фуражку, переставляя для этого жезл регулировщика из одной руки в другую.

Мы приближаемся, и уже мелькает надежда, что проскочим, но пограничник, ни с того, ни с сего, прекращает качание с пяток на носки, выправляется, и уверенным жестом жезла указывает нашему автомобилю, в котором нахожусь я и переводчица, остановиться и припарковаться на специальной стоянке, где как обычно проходит проверка документов и автотранспорта.

Как он высчитал нас – одному Богу известно!

Мы сворачиваем к указанному месту, а следующая за нами розовая «Букашка» подруги переводчицы, вместе с моими напарниками, следует дальше, к люксембургской границе, как ни в чем не бывало, так как пограничник не проявляет к ней никакого интереса.

Он подходит к нам, козыряет, и просит документы на машину и личные документы.

Переводчица предъявляет ему техпаспорт машины и свое удостоверение протокольной службы.

Пограничник хмыкает, берет на козырек, возвращая их владелице, и устремляет свой взгляд на меня.

Я протягиваю ему свой зеленый дипломатический паспорт, *Союза нерушимого*, и у пограничника сразу же исчезает с лица состояние безразличия, которое до сих пор там присутствовало.

Он становится каким-то подтянутым, внимательным, цепким, и оценивающим взглядом смотрит на меня.

А, вдруг, *Штирлиц*, собственной персоной?

Мало ли?

Сличает фотографию в паспорте с моей физиономией, листает страницы, находит французскую визу, удовлетворенно хмыкает, достает из кармана целлофановый пакетик, в котором штемпельная подушка и какие-то штемпели, выбирает один из них, дует на него, и старательно *бахает* его в мой паспорт.

Аккурат на ту страницу, где французская виза, и где красуется штамп о том, что-такого-то числа я въехал во Францию, добавляя, тем самым, такой же штамп, что я выехал из страны.

Потом собирает в комок целлофановый пакетик, сует его обратно в карман, выпрямляется, протягивает мне паспорт и, с улыбкой, берет на козырек.

Мы киваем в ответ и трогаемся с места в сторону люксембургской границы.

- Ну вот, а ты – боялся, - хихикает переводчица.

Я хмуро гляжу на нее и тяжело вздыхаю, не проронив ни слова.

- Ну, ты же беспокоился, что он задержит тебя, а все обошлось, - уже серьезно смотрит она на меня.

Даже и не заметила, как перешла на «ты».

- Остановись на минутку у обочины, поразмышляем, чуть-чуть, - выдавливаю я из себя, отметив в зеркале заднего вида, что французский погранпост уже далеко, а через ветровое стекло, что уже виден люксембургский пост.

- Не мог меня задержать французский пограничник, - говорю я через паузу, - потому что у меня есть, вернее, была, однократная въездная-выездная виза во Францию.

И еще через паузу:

- И я легально въехал во Францию, и так же легально покинул ее территорию.

Она с непониманием смотрит на меня.

- Но я уже не смогу завтра вернуться во Францию, так как у меня нет визы, она была однократная и уже использована. А переговоры еще не закончились, и мне надо бы еще и подписать протокол о сотрудничестве. Ты представляешь, что все это значит, и чем все это для меня может закончиться?

Она притихла и лишь временами сморкает носиком.

- Это, во-первых, - продолжаю я.

- А, во-вторых, вот сейчас мы подедем к люксембургскому пограничному пункту, и выйдет оттуда пограничник, и попросит документы.

Тебя пустит, поскольку у вас безвизовый режим, а меня - не пустит, и будет прав, поскольку у меня нет люксембургской визы.

И останусь я здесь, на *нейтральной полосе*, на которой даже нет *цветов необычайной красоты*, как пел Высоцкий, а сплошной асфальт.

И, «*ни туды, и ни сюды*», поскольку у меня нет визы ни во Францию, ни в Люксембург, и буду здесь *куковать*, как до второго пришествия.

Она уже испуганно смотрит на меня, но молчит и даже перестала сморкаться.

- Смотрела фильм «Невероятные приключения итальянцев в России»?

Она утвердительно кивает головой.

- Помнишь, как того субъекта не пускали ни в Италию, ни в Россию, потому что у него украли паспорт?

Она опять кивает головой.

- А у меня, хоть и есть паспорт, но нет визы, что почти одно и то же.

Она, осознав ситуацию, почти плачет, и я, пытаясь ее успокоить и подбодрить, шучу:

- Ничего, устрою себе шалаш, как Ленин в Разливе, и буду коротать деньки на природе, как наши далекие предки.

И, с ухмылкой:

- Передачи, будешь носить?

- Буду, - машинально отвечает она.

И, буквально через секунду, взрываясь:

- Какие, к черту, передачи? Я тебя, не оставлю одного здесь!

- А как же, *бойфренд*? – поднимаю я левую бровь.

- Да пошел он! – в сердцах выдает она. – Любил бы, по настоящему, сам бы приехал ко мне, а так, выпендривается, будто *супермен* какой-то! – и машет рукой, злобно сверкая глазами.

Я молча сжимаю плечи, так как нет охоты вникать в ее сердечные дела, и устанавливается минутная тишина.

- У тебя могут быть серьезные проблемы на работе из-за этого? – интересуется она, пытливо глядя на меня.

И, не ожидая ответа, добавляет:

- У меня, кстати, то же!

- Да, - хмыкаю я. – Меня в Сибирь, а тебя – в Бастилию. Так нам, и надо!

- Да, уж, - кивает она головой, сморкая носиком.

И, через паузу:

- Так, что же будем делать?

- А что делать? – удивленно смотрю я на нее. – Прорываться, *лазутчиками*, на чужую территорию. Знаешь, что означает слово *лазутчик*?

- Знаю, - сморкает она носиком. – Вражеский агент, тайно проникший на территорию чужого государства.

- Во-во, - подтверждаю я. – Наши то, *лазутчики*, ведь, прошли уже, беспрепятственно, оба пограничных пункта.

Розовой «Букашки», на самом деле, не видно, что означает, что мои напарники и ее подруга уже в Люксембурге.

- Не можем же мы, оставить их одних, *в тылу врага*, - делаю я круглые глаза.

- Люксембург – не враг, - поправляет она меня.

- Да, уж, *друзья*, - хмыкаю я, - *нато-вцы, недобитые*, и *буржуи, недорезанные*.

- Франция, кстати, вышла из военного союза НАТО, - наставительно сообщает она мне, будто я не знаю об этом, давным-давно.

- Ну, тем более, - хмыкаю я. – Ты прекрасная кандидатка на современную *Мата Хари*. Что-то, давно у вас *штиёнок* не ловили! Пора бы!

Она лишь хлопает глазами, не находя что сказать в ответ, а я продолжаю:

- Провозишь, ведь, безвизового индивидуума на своем авто, в святая-святых *Западной цитадели*, даже и не задумываясь о возможных последствиях для *свободного мира и мировой демократии*. А безвизовый индивидуум, между прочим, из-за *железного занавеса!*

И делаю серьезную мину.

Она сначала косится на меня, напряженно, но потом взгляд добреет, понимая, что я шучу.

- Ну, насчет НАТО и *Мата Хари*, это ясно, ты пошутил. А насчет *буржуев*, что ты имел в виду?

И, невинно, смотрит на меня.

- То, и имел в виду. Смотри, какой бардак развели. Сами не понимают, что творят.

Она опять напрягается, и я объясняю:

- Я понимаю, когда *граница на замке*. Всех проверяют, и пускают только тех, у кого есть визы. Это – правильно. Я понимаю, когда *граница открыта настежь*, как ворота в Кремле по воскресеньям, когда туда ломятся туристы со всего света. Всех пускают, без разбору. Это – тоже правильно.

И еще больше распоясываюсь:

- А это, что за порядки, когда одного проверяют, а 99 нет? Педагогика? Учить, что так нельзя? Так, такая педагогика очень даже неэффективна, потому что учат только одного, а 99 остаются неучеными. Коэффициент – 0,001%!

Она весело хмыкает:

- Тебе бы, в нашем парламенте. В оппозицию. Цены бы не было!

- А тебе бы, в нашу Тамбовскую губернию, а оттуда, каждое воскресенье, на Курилы, к *бойфренду*! – парирую я.

Она о чем-то соображает, наверное, представляет себе карту, и ищет там Тамбов и Курилы.

- А почему к *бойфренду* на Курилы? – робко интересуется она.

- А почему в Люксембург? – ехидно спрашиваю я.

- Потому, что дура! – взрывается она.

- Ну-ну..., - пытаюсь я возразить, но она решительно машет рукой:

- Ладно, меня успокаивать! Это, на самом деле так.

И через паузу:

- Может и хорошо, что так случилось. Сделаю какие-то выводы для себя, а то, все по течению, по течению...

И тяжело вздыхает.

Я молчу.

- Ладно, - резюмирует она. - А если нас остановят, что будем делать?

- Если остановят, будем действовать по обстановке, - говорю я. - Не ждать же здесь вечно. К тому же, обратно, во Францию, сейчас нет резона даже пытаться возвращаться. Ведь, пограничник, скорее всего, запомнил нашу машину. И непременно остановит, чтобы удостовериться, не мы ли, снова, возвращаемся обратно. Уже без визы!

- Поэтому, - продолжаю я, - путь один - вперед! Тем более, что наши уже там, и ждут - не дождутся нас.

Она согласно кивает головой, заводит двигатель, ждет проезжающую колонну машин в сторону люксембургского пограничного пункта и умело вклинивается в эту колонну, пытаясь не выделяться из общей массы.

Это ей удастся, и мы проскакиваем без каких-либо проверок границу Люксембурга, увидев метров через сто от погранпоста наших заждавшихся друзей, которые смотрят во все глаза в нашу сторону.

Мы обмениваемся новостями и впечатлениями, садимся в машины и двигаемся к уже доступному Люксембургу.

Там размещаемся в гостинице, и каждый приступает к своей отдельной программе.

Переводчица и ее подруга идут на *рандеву* со своими *бойфрендами*, а мои напарники робко предлагают мне прогуляться с ними по городу, полюбоваться, так сказать, его достопримечательностями.

До них даже сейчас не дошло серьезность ситуации, и они по-деловому, собираются в город.

Я отказываюсь составлять им компанию, так как нет никакого желания, вместе с ними, *плевать на головы беспечных люксембуржцев* с какой-нибудь колокольни или башни, и они отправляются в самостоятельный *вояж* по городу.

Пытаюсь анализировать ситуацию и прогнозировать возможный ход событий, но это почти то же самое, что гадать на кофейной гуще, поэтому машу рукой на все, и также отправляюсь в город.

Город великолепен, но у меня нет абсолютно никакого настроения, радоваться открывшимся возможностям ознакомиться с его достопримечательностями, поэтому, молча и задумчиво, разглядываю памятники, скверы и здания, которые действительно уникальны и неповторимы, не переставая думать о предстоящем возвращении во Францию.

Если удастся, разумеется.

И как добраться обратно, до Москвы, если это не удастся.

Возвращаюсь в гостиницу, и нахожу там своих напарников.

Они уже нагулялись и, довольные, обмениваются впечатлениями.

Будто, и не *нелегалы* здесь. Будто, находятся в обычной туристической поездке.

- Надписи оставили? – интересуюсь я.

- Какие надписи? – округляют они глаза.

- Какие-какие, - ворчу я. – «Здесь был Вася!»

- Нет, не сделали. . . , - растерянно бормочет один из них.

- А зря! – нравоучительно вздыхаю я. - А то, кто же поверит, что вы были здесь? Печати то, в паспорте, нет! За что, боролись?

Они, молча, глазеют на меня.

- Надо было нацарапать что-то, хотя бы на монументе Золотой Даме – символе города, - снова, издевательски, задеваю я их.

Но они не нарушают тишину, лишь сморкаясь, временами, и пуча на меня глаза.

- Ну, вы не расстраивайтесь, - деловито советую я им. – Можно еще все исправить. Например, оставить такую надпись в туалете. Не в гостиничном, конечно, потому что здесь вас высчитают, а в общественном, в городе.

Они смотрят на меня недовольно, но продолжают молчать, потому что понимают, что я отдуваюсь на них, из-за идиотского положения, в которое я попал, благодаря их легкомыслию и неумному желанию хватануть, по-жлобски, то, чего не положено.

- Это все, из-за переводчицы, - подает голос один из них.

- Это все – из-за вашей дурусти и из-за вашего жлобства, - возражаю я. – У переводчицы, какие-никакие, но были веские аргументы, которые оправдывают ее приезд сюда. А у вас, какие аргументы? И как вы будете их отстаивать, в Москве, если завтра вас остановят и задержат?

И, не прощаясь, хлопаю дверь, удаляясь в свой номер.

Утром, позавтракав и побеговав в город за сувенирами, мы собираемся обратно, во Францию.

На этот раз держим совет и вырабатываем тактику, как пройти незаметными через погранпосты.

Мои напарники, наконец, поняли суть ситуации и нешуточно испуганы. И до них дошло, что если остановят, то непременно задержат, а если задержат, то *каюк*.

- А что, могут и посадить, за безвизовый въезд?

- И за въезд, и за выезд. Смотря кто поймает, французы, или люксембуржцы, - хмыкаю я. - И впаяют лет по 15 каждому, в Бастилию. Без права переписки.

Лица у них удлиняются, а глаза становятся стеклянными.

- Ну, 15 лет, конечно, не дадут, - возражает переводчица. - Но задержат, непременно задержат, до выяснения обстоятельств.

- А как они выяснятся? - интересуется один из моих напарников.

- Ну, Александра то, не задержат. - объясняет она. - Вот он и растрезвонит в ваше посольство, а может и в Москву, про ваше задержание, а те включатся с разными протестами, нотами, адвокатами.

- А почему это, его не задержат? - возмущается один из инициаторов безвизового посещения Люксембурга.

И все трое смотрят на меня, как на предателя и врага народа.

- Потому, - хмыкаю я, с сарказмом, - что в Бастилии нет свободных мест, а в Сибири - сколько угодно. Особенно в Магадане, и в Воркуте.

Переводчица, хотя и оценивает мой юмор, деловито объясняет им:

- Потому, что у него дипломатический паспорт, а дипломатов не задерживают, а объявляют *персоной нон грата*.

Они косо смотрят на меня, но я развожу руками:

- *Се ля ви*, мальчишки. Был я *персоной грата*, а из-за вас, любителей безвизовых путешествий, могу стать *нон грата*. Так что, хватит разводиться ахиною и давай, обсудим, как проскочить оба контрольных пункта.

Мы начинаем совещаться, прямо как в *Филлах*, перед *Бородинским сражением*, и вырабатываем план действий, как пробраться, невидимыми и, главное, нетронутыми, обратно, в вечный город.

Как ни странно, нам это удастся, и к вечеру мы снова в Париже.

Мои напарники снова уверены в себе, так как у них визы во Францию не просрочены и могут находиться на ее территории вполне легально еще несколько дней.

А доказать, что они нелегально были в Люксембурге, вряд ли кто уже сможет, даже если и попытается использовать, как доказательство, гостиничные фактуры или показания свидетелей.

Мало ли, однофамильцев, живут по разным гостиницам мира?

И мало ли, фальшивых свидетельских показаний было сделано с момента сотворения мира?

И даже, насчет надписей, на русском языке, в общественных туалетах, мало ли кто их сделал? Может, сам Высоцкий?

Короче, они беззаботно смотрят в завтрашний день.

Мои же перипетии еще не закончились, так как я, в отличие от них, теперь являюсь *нелегалом* на территории Франции.

Не в том, классическом смысле, *нелегала*, который общеизвестен.

То есть, *нелегально легализованного* индивидуума, простите за тавтологию, у которого есть местный паспорт и вид на жительство, как обычно фальшивые, и который тайно проник сюда по заданию своего правительства с целью узнать или выведать какие-то секреты.

Я являюсь *нелегалом*, поскольку *нелегально* проник на территорию Франции без визы, или, с уже погашенной

визой, у которой срок действия еще не истек, но от этого мое пребывание здесь не становится более или менее легальным. Хотя и не интересуют меня никакие их секреты.

И тот факт, что у меня дипломатический паспорт, и усугубляет, и облегчает ситуацию одновременно, поскольку, с одной стороны, нахожусь здесь по приглашению французского правительства, с другой же стороны, вроде бы и покинул страну, хотя и нахожусь, пока, на ее территории, и срок, на который была выдана виза, это позволяет.

Короче, каламбур.

Тем не менее, за оставшиеся три дня удалось полностью выполнить программу пребывания и подписать протокол о дальнейшем сотрудничестве.

И вот, стою в парижском аэропорту Шарль де Голь перед стеклянной будкой пограничного контроля, и протягиваю свой паспорт молодой и красивой француженке, одетую в форму лейтенанта пограничной службы Франции.

- Вы, уже выехали из Франции, - отчеканивает она, просмотрев мой паспорт.

- Да вот, я, здесь! – бодро возражаю, хотя чувствую себя очень даже неуверенно.

Она строго смотрит на меня и показывает штамп о выезде, неодобрительно качая при этом головой.

- Были в Люксембурге?

- Был, - признаюсь я, - но вернулся, так как не мог я покинуть Францию, мадам, не имея возможность сказать, как Вам идет форма офицера-пограничника!

- Мадмуазель, - игриво поправляет она меня, сразу превратившись из женщины-пограничника в женщину-француженку.

Я строю извинительную рожу, давая понять, что страшно виноват в том, что не догадался об этом, и это еще больше удаляет из ее головки пограничные инструкции и предписания.

- Так, что же будем делать? – так же игриво интересуется она.

- А что делать, - вздыхаю я. – Придется отпустить. Я же, ведь, из-за *железного занавеса* прибыл, и толку от нас, здесь, все равно никакого.

- Как сказать, - весело хмыкает она. – Вот, задержу на пару дней, допрошу *с пристрастием*, и гляди, останетесь здесь навсегда.

- Ну, если *с пристрастием*, - киваю я, - да еще если разделить *страсти* от *пристрастий*, то, почему бы и нет?

Она вздыхает, якобы сожалеюще, кивает несколько раз головой, смотря на меня через полукруглое окошко своей кабины, и ставит штамп «выбыл» в мой паспорт, с нарисованным самолетиком и датой вылета.

Протягивает мне паспорт, и разыгранным официальным тоном объявляет:

- В следующий раз, молодой человек, когда Вы прибудете к нам из-за своего *железного занавеса*, по воскресеньям больше не ездите в Люксембург.

И, со значением:

- И в Париже можно интересно провести время. И не только в воскресенье!

- Ни-ни! – киваю я головой. – В следующий раз, мадмуазель, я не покину аэропорт Шарль де Голь, пока у Вас не закончится смена. Кстати, когда она у Вас заканчивается?

- До следующего раза моя смена, - весело хихикает она.

И уточняет:

Александр Буриан. Блокнот в "Norton commander".

– До Вашего следующего приезда. Когда приедете, я также буду дежурить. Смена будет без перерыва! Я буду ждать! А потом, будут и *страсти*, и *пристрастия*. Приезжайте! – и заливается смехом, указательным пальцем левой руки акцентируя значение сказанного и, одновременно, другой рукой, приглашая к кабинке следующего пассажира.

Я киваю утвердительно в ответ, мол, все понял, и не подкачаю, и направляюсь к телетрапам, но пару раз поворачиваю голову назад и ловлю ее веселый взгляд.

Не единожды после этого бывал я в Париже, и каждый раз, когда проходил пограничный контроль, выискивал взглядом, шаря им по кабинкам пограничников, в поисках дежурившей бесменно женщины-пограничника.

Но тщетно.

Нашла она, наверное, другого *нелегала*, которого допрашивает, и днем, и ночью, может *страстно*, а может, и с *пристрастием*.

Француженки, они такие.

Москва, Март 1989 года.

* * *

Бравичи, Молдавия, лето 2006 года.

Нахожусь на даче.

Выравниваю газон газонокосилкой и вдыхаю запах свежеевыкошенной травы.

Благодарать!

Вдруг, телефонный звонок.

Прерывистый такой, то ли междугородний, то ли международный.

Подхожу к аппарату.

Он у меня особенный, еще с прежней жизни.

Посередине циферблата красуется герб *Союза нерушимого*, который уже давно канул в лето.

А вот телефонные аппараты остались.

Белого цвета. Солидный такой, будто из керамики или гранита.

И довольно тяжелый, поскольку оборудован разными хитрыми приспособлениями и аксессуарами, противодействующие подслушиванию.

Якобы!

Хотя, я в этом не очень уверен.

Поскольку, такие же хитрые приспособления должны быть и на самой АТС, а также и на линиях связи, а откуда им взяться на Бравичской АТС?

В свое время, такие аппараты ставились только абонентам правительственной связи, АТС-2 и ВЧ.

Аппараты АТС-1, да и прямой правительственной связи, были другого формата, да и абонентов-то было намного меньше, всего несколько десятков человек.

А вот абонентов АТС-2 было больше, несколько сотен, а то и тысяч, по Москве, и я был одним из них, когда работал в аппарате ЦК КПСС, сначала в протокольной службе, а потом в международном отделе.

Однако, когда распался Союз, и к власти пришел Боря Ельцин и его приспешники, мальчишки в коротких штанишках, которые начали делить имущество одной шестой части света, очередь дошла и до этих телефонных аппаратов.

Не скажу, что этим занимались целенаправленно, скорее всего, это происходило из-за хаоса, который образовался с приходом Ельцина к власти.

Так уж получилось, что телефонисты, которые обслуживали линии правительственной связи, остались без зарплаты и средств к существованию, и для того чтобы содержать свои семьи они вынуждены были продавать неучтенные единицы техники.

А уж как сделать их неучтенными, много ума не надо.

В общем, я обзавелся двумя такими аппаратами, и каждый из них стоил мне бутылки «Белого аиста».

Очень дефицитный тогда напиток, так как сам Борис Николаевич пил этот коньяк ведрами, пропадая целыми неделями после этого не только с экранов телевизоров, но даже и из поля зрения собственной охраны, делая, тем самым, неопределимую бесплатную рекламу молдавским коньякам.

Даже удивляюсь, что всякие там «чубайсы» и «шахраи» не смогли это использовать для своего личного

обогащения, включив акт рекламы «отца русской демократии» в какие-нибудь *ваучеры* или *бонусы*.

В общем, поднимаю я трубку своего дачного телефонного аппарата, *бывшей правительственной связи бывшей сверхдержавы*, и слышу испуганный голос своей дочери:

- Пап, у меня пропал чемодан!

Это она из Парижа звонит, догадываюсь я, глянув на часы и рассчитав время, поскольку только утром провожал ее в аэропорт, посадив на самолет до Будапешта, откуда у нее был стыковочный рейс до Парижа, а оттуда должна была добраться поездом до Страсбурга.

Она еще студентка последнего курса франкофонского отделения юридического факультета Кишиневского госуниверситета, выиграла какой-то конкурс, который позволяет проходить преддипломную стажировку в ПАСЕ, причем за счет Совета Европы, поехала туда, и вот, осталась без чемодана, который наверняка застрял где-то, с оторванной биркой.

А, может, и отправлен уже куда-то.

То ли, на Мадагаскар, то ли, в Куала-Лумпур, а может, даже и на Марс.

Мало ли?

- Пап, ну что мне делать? – выводит меня из водоворота воспоминаний и порочных мыслей дочь. – Ты же, у нас *спец* по этим вопросам.

- Да уж, *спец*, - хмыкаю я. – Я уже и забыл, когда в последний раз искал пропавшие чемоданы.

- Короче, - продолжаю я, - надо искать на всех кругах, на которых подается багаж с прибывших рейсов.

- Я уже искала. Нету!

- Тогда, надо обратиться к представителю авиакомпании и заявить об этом.

- Уже обратилась.

- Надо составить акт о пропаже, с указанием всех отличительных черт чемодана и с описанием всего маршрута, по которому ты следовала.

- Уже составили.

- И, в чем вопрос? – удивляюсь я.

- Вопрос в том, пап, что в акте указано, что в случае, если они не найдут багаж, то заплатят мне определенную сумму, как компенсацию, которую они могут перечислить лишь на мой банковский счет.

И, через секундную паузу:

- Сечёшь?

- Секу. У тебя нет банковского счета во Франции, и вряд ли сможешь его открыть там, поскольку у тебя там нет вида на жительство.

- Вот именно! Представляешь, гады? Специально это делают, чтобы выиграть какие-то гроши, за счет пострадавших пассажиров, которые никак не могут, да и не успеют, открыть счета во французских банках.

- Да, буржуи они, недорезанные, что с них взять? – хмыкаю я.

Меня радует то, что она, даже еще не окончив университет, уже довольно хорошо вникает в суть юридических хитростей и закоулков, которых, пруд-пруди, в законодательстве любой страны.

- И что, - снова наступает она на меня, - мне ходить в Совет Европы в шортиках и в шлепанцах? Мне же, осталось только то, в чем была одета.

- И все? – удивляюсь я.

- Ну, еще пара маечек и трусиков, которые я, на всякий случай, сунула в кармашек сумки для ноутбука. Но это не меняет общее положение.

- Ну, Ребенок, - деловито начинаю я. - Во-первых, сейчас лето, и многие ходят в шортиках и в шлепанцах. Во-вторых, ты уже взрослый человек, и можешь себе позволить одеваться так, как тебе нравится, не интересуясь мнением других. В-третьих, ты можешь мотивировать это тем, что тебе вроде бы все время жарко, как говорил Зоценко, и поэтому и ходишь в шортиках. И, наконец, в-четвертых, они там, в Совете Европы, все взрослые люди, и вряд ли ты их чем-то удивишь. И не такое они видели.

- Спасибо, пап, ты меня успокоил, - слышу я ее саркастический ответ. - Особенно, аргументы Зоценко ценны в данной ситуации. Ты мне их, и раньше давал.

- Ну, как смог, так и успокоил, - миролюбиво отвечаю я. - Сейчас садись в поезд, доберись до Страсбурга, разместись там, сходи в ПАСЕ, а за это время, мы что-нибудь придумаем. К тому же, будем надеяться, что чемодан, все-таки, найдется.

- Будем надеяться, - вздыхает ребенок, - но, честно говоря, интуитивно, чувствую, что вряд ли.

Я нахожу способ передать ей какое-то количество денег, чтобы купила себе что-то из одежды, и не умерла с голоду, пока не получит стипендию из ПАСЕ, а она делает все так, как мы договорились, и начинает проходить стажировку, наводя постоянно справки о том, как идет процесс поиска ее пропавшего чемодана.

Через две недели ей сообщают, что чемодан пропал насовсем, и авиакомпания готова возместить ей компенсацию в размере 480 евро, которые готова

перечислить на тот счет, во французском банке, естественно, который укажет пострадавшая пассажирка.

- Ну, что я тебе говорила? – возмущается ребенок, снова звоня мне по телефону, на этот раз из Страсбурга.

- Да ладно, тебе, - успокаиваю я ее. – Будем искать выход.

- Ты думаешь, он есть?

- Выход-то? – удивляюсь я. – Конечно есть! Из любой ситуации есть выход. Просто его надо правильно искать. Так, во всяком случае, учил меня мой бывший научный руководитель.

- И как ты собираешься его правильно искать? – интересуется дочь.

- Ну, сначала позвоню Жозет. Ты, кстати, была у нее?

- Пап! Я, что, в шортиках пойду к ней?

С Жозет Дурье мы давно знакомы.

Еще по Москве.

Она видный член Французской социалистической партии, член Сената Франции, постоянный член ПАСЕ.

Мы часто виделись, дружили семьями, ходили в гости друг к другу.

В тот момент, она была заместителем председателя ПАСЕ, должность довольно высокая и важная, даже по европейским понятиям.

Звоню ей, объясняю ситуацию.

Получаю по макушке за то, что даже и не обмолвился ей, что моя дочь уже почти три недели находится в Страсбурге и так и не зашла к ней в гости, тем более, что попала в такую неприятную ситуацию.

Обещает разобраться и помочь.

Через день, звонит дочь.

- Пап, ты представляешь? Из Парижа прибыл курьер и принес мне компенсацию в конверте, наличными, тютелька в тютельку. И даже и не поинтересовался, есть ли у меня счет во французском банке, или нет.

- Видишь, у них тоже есть *телефонное право*, даже похлеще чем у нас, - хмыкаю я. - Так что, учись, Ребенок, и не верь сказкам, что *хаос* и *бардак*, только у нас.

*Июнь 2008года,
Бравичи, Молдавия.*

Из цикла
Поколение „беби-бумеров“

*Спасибо вам, святители, что плюнули, да дунули,
Что вдруг мои родители зачать меня задумали -*

*В те времена укромные, теперь - почти былинные,
Когда срока огромные брели в этапы длинные.*

*Их брали в ночь зачатия, а многих - даже ранее, -
А вот живет же братия - моя честна компания!*

Владимир Высоцкий
«Баллада о детстве»

Молдавия. Лето 1959 года.

Мне 6 лет.

Вооружившись круглым колесом от подсолнуха, я имитирую лихого водителя, который водит груженный грузовик к колхозным амбарам.

Руками верчу колесом от подсолнуха, воображая, что это руль, а голосом – изображаю работу двигателя, коробки передач, сигнала и еще каких-то сложных механизмов, а также выкрикиваю реплики самого водителя, который, если сигнал не помогает, выводит голову из воображаемой кабины и орет на пешеходах:

- В сторону, растяпа, а то инвалидное удостоверение сейчас получишь! Бабушка, убери юбку, а то в ночной рубашке останешься!

В тени огромного грецкого ореха обедают колхозники. Им не до меня. Их дети тоже где-то играют в водителя, в тракториста, в летчика.

Это модно. Юра Гагарин пока выучивает свое знаменитое слово «поехали», поэтому мы играем не в космонавты, а в водители, трактористы, комбайнеры...

Дорога трудная. Приходится лавировать между расставленными сумками и импровизированными обеденными столами, сооруженными из деревянных ящичков. Я добавляю газ, перехожу на третью скорость и победоносно выхожу на лужайку.

На ней, немножко в стороне от всех, мой отец и наш сосед дядя Миша Вережан.

О чем-то тихо беседуют. Когда я лихо проскакиваю мимо них, дядя Миша, приподнимая левую бровь, спрашивает:

- Как я погляжу, Саша, ты шофером будешь, когда вырастишь?

- Шофером! – утвердительно киваю я головой, переходя с третьей скорости в нейтрале.

- А меня в свою машину возьмешь? – интересуется он.

- Да я бы, дядя Миша, конечно, взял бы тебя в свою машину, - убежденно говорю я. – Но, ведь, ты же, к тому времени, уже умрешь.

Хохот на колхозном дворе стоял до самого вечера.

А дяди Миши скоро не стало.

Жаль. Я бы взял его в свою машину.

И тогда.

И сейчас.

*Январь 1973 года,
Пинск, Брестская область, Белоруссия.*

Бравичи, Молдавия, сентябрь 1959 года.

Мне шесть лет.

Утром, родители смотрят на меня, и спрашивают:

- Так, ты куда? В детсад?

- Как это куда? – возмущаюсь я. – Ясное дело, что в школу! В детсад – только *малявки* ходят!

И беру сумку, с книжками и тетрадями, забираю со стола чернильницу, ручку с пером «звездочка», и уматываюсь, даже не ожидая сестру, с которой мы обычно вместе идем в школу.

До школы недалеко и пока я добираюсь до нее, мне нравится загадывать желание: Будто я зайду в класс, а мне скажут: «Все! Ты уже записан в школу!»

Вот, здорово было бы!

А то, эта канитель, длится уже целые две недели, и непонятно, когда закончится.

Почему-то, все считают, что я должен еще целый год ходить в детский сад.

Будто маленький!

А мне туда не хочется ходить.

Совсем!

Неинтересно для меня там.

Абсолютно.

Какие-то сказки, которые я давным-давно знаю. Какие-то игры, дурацкие, с какими-то платочками, поцелуями. Какие-то «тихие часы» после обеда, когда надо непременно спать.

А что спать днем, спрашивается, если для этого есть ночь?

Но больше всего возмущает то, что они начали учить нас алфавит.

Это, меня-то, учить алфавит?

Да я же, уже книжки читаю, и даже, в библиотеку хожу! В взрослую, при том. Правда, меня там не записали. Сказали, что рано. Ну, рано, так рано, им виднее.

Главное, что книжки дают.

Это мне соседка помогла, Маруся Поздиркэ. Она работает в районной библиотеке, и когда узнала, что я уже умею читать, страшно удивилась, и сразу же пригласила к себе в гости. Прямо в библиотеку.

Здорово у них там. И столько книжек! Но, я их всех прочту. Как пить дать!

Мы с Марусей так и договорились: она мне дает книжку, я ее читаю и возвращаю обратно. Ясное дело, что такую же чистую, без помарок, как и взял у нее.

И сразу же получаю другую. Читаю, и возвращаю. Читаю, и возвращаю. И так каждый день.

Здорово!

Отец, когда увидел, что я читаю непонятно откуда взятые книжки, поинтересовался, а не слишком ли рано начал я портить свои глаза.

Тоже мне!

Вот, соседка, тетя Маша, ходит в очках. И, спрашивается, где испортила она свои глаза, если вообще не умеет читать, потому что неграмотная?

Ясно, что *на понт* хочет брать. Будто я маленький и не понимаю!

Но мама взяла мою сторону, сказав, что лучше книжки читать, чем бычки сигаретные собирать возле чайной.

Это она мне никак не может простить, что я хотел попробовать курить.

Ну, просто попробовать хотел. Что тут такого?

Мы с ребятами собрали *бычки* у чайной и, чтоб нас не застукали, спрятались в овраге, под мостом, около пекарни. Но спичек у нас были только две, да и те сырые, так что нам не удалось прикурить. А тут и дождик начался, и мы решили, что пойдем по домам, и каждый попробует у себя.

Дома нашел спички, но поскольку на улице шел дождь, решил покурить в комнате. Ну, покашлял, конечно, слезы откуда-то взялись, а тут и мама с работы возвращается.

Ну, отшлепала. Первый раз в жизни, по-настоящему, можно сказать. Притом, обещала, что если еще раз заметит, то отдубасит, как сидорову козу. Не знаю, что это такое, но лучше даже и не знать такие вещи.

Вот, и сейчас, она снова, о том же.

Зато отец, когда узнал, что книжки библиотечные, сразу же освободил полочку в своей тумбочке. Специально для этих книжек.

Я, правда, сказал, что буду их под подушкой хранить, так как читаю перед сном. Как и он, между прочим. Он читает свои газеты, а я свои книжки.

Но он уговорил меня, что в тумбочке надежнее. Наверное, прав, и я их уже туда кладу.

Непонятно, правда, до конца, что с этой школой будет.

Не хотят, понимаешь, записывать меня туда. Говорят, только с семи лет можно.

А что, я виноват, что мне еще нет семи? Что, выходит, что еще целый год ждать?

Тоже мне, нашли дурака.

Хожу, и буду ходить! И запишут они меня в школу, никуда они не денутся.

А пытались, ведь, уговаривать...

Даже, на понт брать хотели.

Якобы, трудно сейчас живется, потому что какой-то *хрущев* распорядился, чтобы нам виноградник отобрали и участок, где мы раньше кукурузу и картошку сажали.

И что, из-за этого, отцу приходится на две работы работать, а все равно нам не хватает. Даже на еду. И что, из-за этого, придется купить козу, чтоб хотя бы мы, дети, не страдали от этого.

И что, пасти эту козу, придется мне, если так уж и не хочу ходить в садик и буду, и впредь, убежать оттуда.

А я сказал, что лучше пасти козу, чем в садик ходить, и пусть покупают.

И купили!

А потом, когда я сказал, что пойду в школу, меня спросили: «А кто же будет козу пасти? Ты же обещал!»

Я, действительно, обещал. А раз обещал, то буду пасти.

И в школу буду ходить, и козу пасти. После занятий, конечно. Потому, что в школу, с козой, не пустят. Ясное дело.

Но они сомневаются. Говорят, что не смогу, и хорошо учиться, и козу пасти. И уже хотят продать ее.

Как бы, не так! Еще как смогу!

А, с школой этой, даже и не знаю, что делать...

Елена Антоновна, учительница, говорит директору школы, что меня, не то что в первый класс, а сразу во второй можно записать, потому что я уже умею читать и считать, а другие дети, которых уже записали в первый класс, еще не умеют.

А директор хохочет, и интересуется, откуда ей известны такие вещи.

Да она, просто не может не знать, об этом!

Потому, что целые четыре года, она была учительницей моей сестры, Ленуцы, и когда я убежал с детсада, с этих проклятых «тихих часов», то приходил в школу, и заходил в класс, к Ленуце.

А Елена Антоновна, кстати, не выгоняла меня, а сажала за последней партой, давала карандаши и бумагу, а потом даже и букварь, и другие книжки.

Ей бы не знать, такие вещи!

А директор смеется.

Будто, пацан, какой-то. С младшей группы.

Ничего, мы еще посмотрим!

Вот, и школа уже за углом, и я *спокойненько* зайду в класс, и никто меня оттуда не выгонит!

* * *

Директор, да и не только он, действительно, смеялся, встречая мое упорство и непреодолимое желание быть записанным в первый класс вопреки требованиям относительно семилетнего возраста.

Целые две четверти, аж до Нового года, ходил я в школу, не будучи записанным ни в какие списки, и не числясь учеником.

Скандал дошел до РОНО, и там, какой-то большой начальник, после того, как тоже посмеялся от души, сжалился:

- Да запишите вы его, раз уже полгода ходит на занятия. Ведь, обратно, в детсад, он точно не вернется.

И не вернулся бы!

*Январь 1973 года,
Пинск, Брестская область, Белоруссия.*

**Из цикла
«Мои университеты»**

*Я был душой дурного общества,
И я могу сказать тебе:
Мую фамилию-имя-отчество
Прекрасно знали в КГБ.*

*В меня влюблялася вся улица
И весь Савеловский вокзал.
Я знал, что мной интересуются,
Но все равно пренебрегал.*

*С тех пор заглохло мое творчество,
Я стал скучающий субъект,-
Зачем же быть душою общества,
Когда души в нем вовсе нет!*

Владимир Высоцкий
«Я был душой дурного общества»

Оргеев, Молдавия, апрель, 1968 года.

Учусь в педагогическом училище.

Не скажу, что горел большим желанием непременно здесь учиться, так как первоначальные мои устремления были направлены на то, чтоб окончить среднюю школу и поступить на учебу в университет.

Однако родители настояли.

Они у меня были в возрасте, практически ровесники века. Я у них был очень поздним ребенком, и они опасались, что не сегодня-завтра, уйдут в мир иной, а я останусь на дорогах, один, без профессии, без образования.

Поэтому, долго обсуждая эту проблему, мы пришли к выводу, что лучше будет, если я после восьми классов не пойду дальше, в 9-й, а поступлю на учебу в педучилище и получу специальность учителя, весьма престижную в те годы, особенно в сельской местности Молдавии.

А дальше – видно будет.

Так и сделали.

Подал документы, сдал вступительные экзамены, прошел по конкурсу.

Поступил, и начал учиться. Сперва учеба шла нормально. Во всяком случае, не возникало проблем. Оценки были нормальные, не все, конечно, отличные, но ниже четверок практически не спускался.

Отношения в группе сложились нормальные, конфликтных ситуаций с преподавателями не возникали.

Но потом, как-то стало все меняться.

Сначала, я даже и не заметил перемену. Вроде такие же нормальные отношения со всеми, как и прежде, вроде бы также готовился к занятиям, как и до этого, вроде бы мои ответы на занятиях были, как и раньше, такими, что трудно было что-либо добавить после них.

Однако оценки начали меняться. В худшую сторону.

К Новому году, к концу первого семестра, я пришел с неутешительными результатами: больше половины оценок были твердые тройки, и лишь кое-где одиночно маячили пара пятерок и несколько четверок.

Еще в школе я не гнался за оценками, поэтому не это беспокоило меня. Тревожило то, что по нескольким предметам, которые мне нравились и которых я хорошо знал в пределах программы, я еле-еле держался на тройки.

И то, лишь благодаря письменным работам, которые у нас проводились почти каждую неделю, и которые оценивались в основном отличными оценками, так как на устных занятиях, как бы ни хорошо я отвечал, оценивался в последнее время лишь двойками, что вызывало недоразумение не только у меня, но и у всей нашей группы.

Второй семестр начался в таком же ритме, что предвещало неминуемое отчисление.

Я стал замкнутым, неулыбчивым. Перестал участвовать в словесных перепалках и в мальчишеских состязаниях в группе, хотя до этого и был их главным зачинщиком. Этого заметили, естественно, но не

придали значение. Мало ли у него проблем может быть? А вдруг, влюбился?

Это, однако, не осталось незамеченным родителями, поскольку я приезжал домой каждое воскресенье, а разительная перемена в моем поведении, становилась все заметней и заметней.

И, несмотря на то, что на все вопросы родителей я неизменно отвечал, что все хорошо, в один прекрасный день они, все-таки, вызвали меня на откровенный разговор.

Однако, объяснив им процесс происходящего, я не смог назвать причины, что не давало возможность вникнуть в суть проблемы, для того, чтоб найти ее решение.

- Может, ты на занятия не ходишь, или не занимаешься так, как полагается? – спрашивает отец.

- Да нет, - утрюмо отвечаю я. - И на занятия хожу, и готовлюсь к занятиям как следует. В последнее время, вообще, даже больше чем следует, потому что начал читать и дополнительную литературу, которая даже не всем преподавателям известна.

- Может, становишься в позу, споришь с преподавателями, а то, ты у нас принципиальный, - интересуется мать.

- Принципиальный, - киваю я головой, - но не настолько, чтобы быть принципиальным против самого себя. Ведь, все что происходит, это против меня.

- Ну-ну, - успокаивает меня отец. - Прямо заговор какой-то против тебя.

И задумывается. Потом, после какое-то время:

- Ладно, не расстраивайся. Я отпрошусь с работы и поеду с тобой в Оргеев, разобраться, что к чему, где там фишка, и в чем там козырь.

На второй день мы поехали вместе, и отец предложил зайти прямо к директору училища.

- Почему к директору? – удивляюсь я. – Давай начнем с классного руководителя.

- Да нет, - возражает отец. - Если нужен будет классный, директор его вызовет, а так, все равно, ему решать, а не классному, быть тебе дальше студентом, или нет.

Идем по коридору, к кабинету директора, а нам навстречу - наш классный руководитель, Держи Григорий Моисеевич.

Меня нет на занятиях, так как я сопровождаю отца, и могу за это схлопотать по шее, поэтому встреча с ним меня совсем не радует, однако Григорий Моисеевич даже и не думает обращать внимание на меня, а, во все глаза, смотрит на отца.

Отец, заметив его взгляд, останавливается, и смотрит, и он на него, вроде примериваясь, или пытаясь вспомнить что-то.

- Мошу Митру! – восклицает Григорий Моисеевич, разводя руки в стороны. – Вы ли это?

- Допустим я, - кивает отец, - а вот, кем будете Вы, я пока не могу разобраться. Что-то очень знакомое, но не могу припомнить.

- Так я же Гриша, - радостно сообщает ему классный, - сын Мойше Держи. В Бравичах у нас была цирюльня и два магазина. Я учился в одном классе с Вашим сыном, Иваном.

- А-а-а-а, - протягивает отец, - то-то я гляжу, на кого же ты похож. А ты – больше на мать, на Ханну, похож, ну, и, может быть, и на Мойше, не берусь судить.

- А Вы, по каким делам здесь? – интересуется Григорий Моисеевич.

- Да вот, - кивает отец головой на меня. – Сына пришел проведать.

Классный смотрит в недоумение на меня, проводит взгляд дальше, за моей спиной, потом поворачивается, смотрит вокруг, потом снова на отца.

- Да вот он, мой сын, - улыбается отец.

- Он - Ваш сын? – удивленно показывая пальцем на меня, спрашивает классный.

- Да, а что? – иронично спрашивает отец.

- Ну, - растерянно молвит классный, - я даже и не предполагал, что у Вас такие маленькие дети.

- Так уж получилось, - улыбается отец. – Я хотел пораньше, но посадили, поэтому пришлось заняться этим после возвращения, - и хохочет.

- А я думал, он сын того Буруянэ, - как-то тихо, неуверенно, говорит Григорий Моисеевич. – Нет, не сын, а внук.

И через паузу:

- Ну, Вы знаете, кого я имею в виду.

Отец вдруг становится серьезным, суровым. Будто почуял какую-то внезапную опасность. Глаза сужаются, взгляд становится жестким, и он смотрит на классного прямо, не моргая.

- Ну, давай поговорим тогда, - произносит он решительным, будто металлическим, голосом, - а то, я чувствую, нам есть о чем поговорить.

- Да, да, - растерянно бормочет классный.

Отец поворачивает голову ко мне, и говорит:

- Иди, погуляй пока, а мы побеседуем с нашим земляком. Ты знал, что вы земляки со своим классным?

- Нет, - качаю я отрицательно головой, так как действительно этого не знал.

Отец молча смотрит на Григория Моисеевича, но тот неопределенно, но как-то виновато, пожимает плечами.

- Ладно, - миролюбиво говорит ему отец, - пошли куда-нибудь, поговорим спокойно.

Они выходят из здания педучилища, переходят улицу Карла Маркса, заходят в сквер, перед кинотеатром «Красный партизан», и садятся на скамейке.

Я следую за ними на определенном расстоянии, и потом, целые два или три часа, хожу кругами вокруг сквера, не рискуя приблизиться слишком близко к их скамейке.

А они о чем-то беседуют, машут руками, потом замалчивают, потом снова заговаривают, замалчивают, и снова талдычат, и талдычат.

Наконец поднимаются, и подзывают к себе.

Подхожу.

Классный смотрит на меня каким-то другим взглядом, чем раньше. Будто видит впервые.

- Вышло недоразумение, - говорит он, - но, я думаю, что все наладится. Сейчас проводи отца, он тебе все расскажет, а завтра - на занятия. Понял?

Я молча киваю головой.

Они прощаются, и отец снова садится на скамейке, приглашая и меня, рукой, следовать его примеру.

Он молчит, унесенный куда-то, далеко-далеко, своими думами, и я не рискую прервать его молчание.

Наконец, он вздыхает тяжело, поднимает на меня глаза, и начинает тихо:

- В июне сорок первого года, когда началась война, в наше село вошли немецкие и румынские войска. Немцы

не задержались, а двинули дальше, на Киев и на Одессу, а румыны остались хозяйничать. Они собрали всех евреев, которые не успели эвакуироваться, а в Бравичи их тогда осталось более двухсот человек, женщин, стариков, детей, вывели их из села, и на окраине расстреляли. Всех поголовно.

И замалчивает.

- К румынам присоединились и двое бравичан, один из них – Василий Буруянэ, которые принимали участие в расстреле. В сорок четвертом, когда вернулись советы, эти двое убежали в Румынию, но их разыскали и расстреляли.

И опять замалчивает. Потом, с горькой иронией продолжает:

- А у этого Василия был сын, Митя. А Митя – это, в принципе Дмитрий, как и я. К тому же, и моего отца, твоего деда, также звали Василий.

- Представляешь, совпадение? – с горьким удивлением кивает он головой.

Он замалчивает на какое-то время, неотрывно глядя в какую-то точку немигающими глазами.

Потом тяжело вздыхает:

- Вот, они и подумали, что ты - сын этого самого Мити, и внук того самого Василия, который принимал участие в расстреле евреев.

И продолжает, задумчиво:

- Хотя, наша фамилия *Бурьян*, а правильнее - *Буриан*, я тебе говорил об этом, а их – *Буруянэ*, и мы даже не родственники.

И через паузу:

- Ну, не знаю, может, от Адама, - и горько смеется.

Потом, через маленькую паузу, продолжает уже серьезным голосом:

- Но они, по всему, об этом не знали.

- Кто они? – спрашиваю я, пораженный услышанным.

- Не знаю, - говорит отец, после минуты раздумья. - Может, родственники тех, кого расстреляли, и сейчас они мстят. А может, организация какая-то, которая мстит за всех.

- И они воюют, даже с детьми? – поражаюсь я.

- Ну, кто их знает, - пожимает он плечами. - У них, ведь, тоже, и детей расстреляли.

- Расстреляли, верно, - соглашаюсь я. - Но ведь не мы расстреляли! И не только я, но и их дети, и их внуки, тех самых людей, которые участвовали в расстрелах. Ведь, их дети и их внуки - не виноваты, ни в чем!

- Разумеется, не виноваты, - соглашается отец.

- Но это же беспредел! – возмущаюсь я.

И, решительно, добавляю:

- Нет, я это так не оставлю!

Отец смотрит на меня с той же горькой иронией:

- Ишь, какой! Пару двоек ему влепили, и он уже готов объявить им, в ответ, священную войну. А то, что у них расстреляли родственников, может, братьев, сестер, ты не хочешь брать в расчет?

- Да, - мямлю я, - это, конечно, надо учитывать. Но и то, что они творят, тоже не порядок.

- Эх, знали бы мы, что такое порядок, может, и не было бы такого бардака, - горько усмехается он.

И через короткую паузу, серьезно, назидательно:

- Не вздумай ввязываться во всем этом!

Я молча гляжу на него.

- Ты меня понял? Не вздумай искать, выяснять, кто они такие, за кого они мстят! Это к добру не приведет.

Я киваю головой, и между нами воцаряется молчание. Каждый думает о своем, не мешая друг другу.

- Думаю, все наладится, и оставят они тебя в покое, - говорит, наконец, отец. - Так Гриша сказал. Он обещал, что скажет своим об этом. А он, насколько я его помню, неплохой парень.

Я молчу, а отец продолжает, через непродолжительную паузу:

- К тому же, скорее всего, они проверят его слова, и выяснят, что в отношении тебя речь идет обо мне, вернее о твоём дед, Василия Афанасьевича Буриана, а не об этом проходимце, Василии Константиновиче Буруянэ. Твой дед же, к этому времени уже давно умер, и никак не мог бы участвовать в этой вакханалии. Да и жив был бы, никогда бы не позволил себе такое!

Я молча киваю головой. Дед участвовал еще в русско-японской войне, потом в первой мировой, и славился добродушным и гостеприимным характером, а также своим умением ладить со всеми, невзирая на имущественный ценз, родовое и этническое происхождение.

А отец продолжает:

- Конечно, вряд ли будут они с тобой цацкаться. Вряд ли будут жалеть, и даже, вряд ли, будут сожалеть о том, что произошло. Это означало бы признание своей вины. А на это они не пойдут. Ну, может, кроме Гриши.

Я киваю утвердительно головой, продолжая молчать.

- Ладно, - говорит отец через паузу. - Главное, что сдвинули мы с места камень преткновения, а дальше многое зависит от тебя самого.

Я снова киваю головой.

- Что-то, ты немногословным стал, - шутит он, пытаясь вывести меня из состояния транса, в котором я нахожусь после услышанного.

Но я лишь пожимаю плечами в ответ, строя горькую ухмылку.

- Ладно, ладно! Не унывай! Все будет в порядке, увидишь. Это станет ясно буквально в течение недели-двух. Ты почувствуешь, по оценкам, по их отношению, по взглядам.

Я снова киваю головой, но уже веселее.

- Конечно, не жди от них, что попросят у тебя индульгенцию. А оно тебе надо?

- Да ну, - подаю я, наконец, голос, - пусть ходят. И, потом, кто я такой, чтоб отпускать им грехи.

- Молодец! - улыбается отец. - Вижу, мозги на место переместились, а то, совсем кислым ходил последнее время.

Я улыбаюсь ему в ответ.

- Не вздумай шантажировать кого-нибудь, или оценки выпрашивать! - снова строго смотрит он на меня.

- Да ты что? - округляю я глаза. - Ты же знаешь, что я никогда за оценками не гнался.

- Знаю, знаю, - кивает он. - Но соблазн велик, - и смеется.

Я лишь машу рукой в ответ, чтоб он не говорил мне больше об этом.

- Ну и хорошо, - резюмирует он. - Поговорили, и хватит. А сейчас, проводи меня до автостанции, а то могу и опоздать, на последний автобус.

Я провожаю его, сажаю в автобус и возвращаюсь в город, бродя по его улицам до самого утра, преодолеваемый думами о том, что было, о том, что есть,

и о том, что будет, а также о таинственной взаимосвязи между всеми этими этапами истории и человеческой жизни.

Мне недавно исполнилось пятнадцать, и все происходящее не до конца ясно, и не до конца понятно. И уж, тем более, не могу предполагать, как будут дальше развиваться события.

Но я верю отцу, верю в его интуицию, и это дает мне возможность не терять надежду на позитивное решение конфликта, возникшего внезапно, и совершенно на пустом месте.

Через недельку я почувствовал, что что-то начинает меняться в отношении к моей персоне.

Мне перестали давать задания, требующие сомоновы решения, меня перестали обрывать во время моих ответов на занятиях, что прежде практически было нормой, на меня перестали смотреть немигающим, холодным, пугающим взглядом.

Я перестал получать двойки, и хотя пятерки тоже редко появляются в журнале, в графе против моей фамилии, ниже тройки уже не спускаюсь, став твердым «хорошистом».

- А отец был прав, - хмыкаю я при себе, - марку они держат! Тоже мне, неуловимые мстители.

Но зла не держал.

В скором, я снова стал балагурить в группе, вместе со всеми, стал участвовать во всех мальчишеских проказах, стал приглядываться к особам противоположного, прекрасного пола, и эта горькая проблематика постепенно ушла из моей жизни.

Григорий Моисеевич стал приветливым со мной, хотя четко держал дистанцию, и не давал никаких поблажек в учебе.

Александр Буриан. Блокнот в "Norton commander".

Помня наказ отца, я ни разу не попытался заговорить с ним о произошедшем, и, кажется, он мне был благодарен за это.

За все время моей учебы в педучилище, после этого, я постоянно чувствовал его опеку. Не явную. Не назойливую. Но, все-таки - ощутимую, особенно в моменты, когда она была нужна.

За что, я ему благодарен.

Лишь позже узнал я о пресловутых списках Симона Визенталя, о Центре еврейской документации в Линце, а позднее в Вене и, сопоставив некоторые ситуации, произошедшие со мной, понял, что это был не блеф, а реальность.

*Апрель 1973 года,
Пинск, Брестская область, Белоруссия.*

Оргеев, Молдавия, 1969 год.

Я студент педагогического училища. Нас готовят к тому, чтобы стать учителями начальных классов. Учат всему, и учат капитально. До изнеможения. Домашние задания поглощают все свободное время. А возраст требует свое.

В воскресенье вечером, невзирая на запрет о посещении вечерних сеансов, мы идем в кино на самый последний сеанс и нас «засекает» Серафима Дмитриевна, преподавательница молдавской литературы.

- *Каюк* нам завтра, - могильным голосом предрекает Коля Кихай, тем самым напоминая нам о том, что в понедельник первая пара - молдавская литература, с Серафимой Дмитриевной, и нам было задано знать наизусть пять стихотворений поэта Алексея Матеевича.

Мы уже не врубаемся в суть фильма, и события на экране абсолютно нас не волнуют, хотя кто-то рядышком вздыхает временами, а кто-то даже плачет, сморкаясь в носовой платок.

Мы думаем лишь о завтрашнем дне и о предстоящей расправе.

Возвращаюсь домой после фильма, беру учебник. Читаю. Вроде бы знаю. И даже неплохо. Но мне уже известно, как можно завалить любого студента. Даже

самого знающего. А уж Серафима Дмитриевна в этом деле «АС» - здорово у нее получается.

Поэтому не теряю зря время и ложусь, в надежде на то, что утро вечера мудренее.

Но утром картина не проясняется и неуверенность в себе растет.

Более того, те строки стихотворений, которые еще вчера выстреливал как семечки, путаются, образуя непонятные фразы, и, главное, соединяются в одно целое стихотворение, а не в пять, как у Матеевича.

Короче – натюрморт.

Маслом.

Машу рукой, и иду на занятия.

У ребят вытянутые лица, трагические глаза. Двойка по литературе – это потеря стипендии на месяц. А при общей нашей бедности – это полный коллапс.

Звонок. В класс заходит Серафима Дмитриевна. Взгляд решительный, уверенный, немножко издевательский: попались мы, все-таки.

Уголки рта опущены. Это предвещает бурю. Может, даже ураган.

- Все ясно, - шепотом произносит Вася Ильев. – Она решила замочить нас.

Мы даже не киваем головами в ответ, и так все понятно.

- *Руссу* – «*Наш язык*», - ровным голосом, как у дикторши центрального телевидения, начинает свой монолог Серафима Дмитриевна, называя, для оперативности, чтобы зря не терять время, лишь фамилию студента и название стихотворения.

Леша Руссу, самый старший из нас, неохотно подымается. Тяжелым, бычьим взглядом, смотрит на

преподавательницу, потом на всех нас и начинает, с расстановкой, тягостно и торжественно, декламировать известное стихотворение великого поэта.

Все идет хорошо, но где-то на третьей строфе, то ли от перенапряжения, то ли от самоуверенности в себе, что вот-вот, все обошлось, он заикается, и Серафима Дмитриевна, моментально ориентируясь в обстановке, ставит вердикт:

- Хватит, Алексей! С такими знаниями в области литературы тебя даже в ездовые, в самом захудалом колхозе, не примут на работу. А ты - в педагоги лезешь! Садись, два.

Леша, неуклюже приподнимая плечи, беспомощно разводит руками, смотрит растерянно на нас, на Серафиму Дмитриевну и... садится.

Все в трансе. Тишина в классе жуткая.

- *Добындэ* - «*Восходящая песня*», - продолжает преподавательница тем же ровным и беспристрастным голосом.

Костя *Добындэ*, один из лучших студентов в группе, медленно, с расстановкой и хорошо поставленной интонацией, начинает декламировать стихи Матеевича о том, как восходило сознание бессарабских крестьян в начале века, но делает паузу не там, где надо, и Серафима Дмитриевна неумолима:

- Хватит, Константин. Нет в тебе понимания поэзии. Никакого! Садись, два.

Спорить бесполезно, и Костя покорно садится на свое место.

- *Буриан* - «*Я пою*», - чуть с ехидцей, продолжает она.

- Пойте, Серафима Дмитриевна! Мне, лично, - не до пения, - выдавливаю я сквозь зубы, понимая бесполезность дальнейшего поединка с ней.

Кто-то, из задних рядов, не выдержав нервного напряжения, захихикал. Сначала неуверенно, а потом все громче и громче, захихикали и другие. Через минуту в классе стоял невероятный шум и гам.

Меня повели к классному руководителю, потом к завучу, потом к самому директору училища.

Грозило отчислением, что по советским временам было равно катастрофе.

- Он не просто не выучил стихотворение, - твердила она со слезами на глазах, - он еще и издевался надо мной.

Классный, с ухмылкой, кивал головой и разводил руками: «Что тут, мол, поделаешь? А представляете, какого мне с ними, охламонами, вообще?»

Завуч неодобрительно и хмуρο разглядывал меня с ног до головы, но никакого решения не принимал и вслух свое мнение не высказывал.

Директор училища с интересом рассматривал мою физиономию, потом заплаканные глаза преподавательницы, потом довольное, даже радостное, лицо классного руководителя, потом осуждающий взгляд завуча, потом снова мою насупленную физиономию.

Барабанил пальцами по столу, и с расстановкой, негромко, но довольно внятно, повторял: «пойте, мне не до пения; пойте, мне не до пения» ...

Как ни странно, меня не только не отчислили, но даже стипендии не лишили. А Серафима Дмитриевна запомнила меня на всю жизнь, и, почему-то, позже, ставила в пример другим студентам, уже в пединституте, куда ее перевели за ударную работу.

*Март 1974 года,
Пинск, Брестская область, Белоруссия.*

* * *

Оргеев, Молдавия. 1969 год.

Мы – студенты педагогического училища. Учимся уму разуму, и надеемся, что в скором будущем, сами будем учить других. Помимо знаний, нам пытаются привить и правила хорошего тона, навыки поведения в обществе.

Урок молдавского языка. Наш преподаватель, Евгений Митрофанович, – настоящий мастак. Он умело водит нас по хитросплетениям филологической науки, напоминая, время от времени, о необходимости почтительного отношения к взрослым.

- Вы, почему со мной не здороваются? – провокационно спрашивает он вдруг.

- Как это, не здороваемся? – поражаемся мы.

- Да вот так, сам удивляюсь, – хмыкает он. – Давеча, иду по дороге, так меня чуть с ног не сбили. Осматриваюсь – два оболтуса. Два наших будущих педагога. Представляете? Ни тебе здравстуй, ни тебе до свидания!

- Кто? – делаем мы круглые глаза.

- Кто-кто... Конь в пальто! – издевательски изрекает Евгений Митрофанович. – По-фамильно назвать, что ли?

Мы, насупившись, смотрим перед собой и молчим.

- Ладно, не будем вдаваться в подробности, – хитро подмигивает он, добрея вдруг. – Тем более, при девочках. Что же они о вас подумают? Да если они сделают

правильные выводы, то у вас есть все шансы остаться в холостяках навсегда - аж до пенсии.

Девочки хихикают. Они более продвинутые, чем мы, в хитросплетениях интриги. Догадываются, что Евгений Митрофанович берет нас на пушку.

Мы же еще лопухи. Но знаем, что такие же претензии он высказывает и в других группах, ставя мальчиков в тривиальное положение.

Поэтому, решаем дать отпор.

На другой день, после занятий, высматриваем Евгения Митрофановича, определяем путь его дальнейшего продвижения по улице, распределяемся в шахматном порядке на тротуарах, благо нас всего пять мальчиков в группе, и ждем.

Что-то, мурлыча себе под нос, Евгений Митрофанович выходит из ворот училища и направляется к автобусной остановке.

- Добрый день, Евгений Митрофанович! - ору я, что есть силы, начиная, согласно утвержденного нами сценария, исполнение увертюры, так как оказался ближе всех к нему.

Две старушенции, которые шли рядом, остановились как вкопанные, потеряв дар речи. Маленькая девочка, игравшая в песочнице, роняет лопатку и начинает громко плакать.

Евгений Митрофанович вздрагивает, поворачивает голову, встречается со мной взглядом, оценивает мой пропуск, и плавно кивает пару раз головой:

- Здравстье, здравстье, молодой человек. Очень любезно с Вашей стороны! Не ожидал, честно говоря.

Я довольно киваю головой, изображая на лице радостную улыбку.

- Добрый день, Евгений Митрофанович!!! – орет с противоположного тротуара Коля Кихай.

Женщина, переходящая улицу, моментально останавливается, со страхом поворачивая голову в его сторону. Прохожие оглядываются, испуганно смотрят на Колю и вокруг себя, ища человека, с которым здороваются этот истукан. Им оказывается Евгений Митрофанович, который, что-то бормоча, наверное, ответное приветствие, а может какое-то ругательство, кивает Коле головой.

- Здравствуйте, Евгений Митрофанович!!! – кричит изо всех сил Костя Добындэ, выходя из-за телеграфного столба, где он пристроился в ожидании добычи.

Девочка из песочницы переходит на верхние ноты. Одна из старушенций роняет авоську. Евгений Митрофанович вздрагивает и растерянно переводит взгляд с противоположного тротуара на телеграфный столб, потом на Костю.

- Здравствуй, молодой человек, здравствуй! - кивает он ему, бросает извинительный взгляд на испуганных старушек и ревущую девочку и спешно, аллюром, направляется к пересечению улиц, вероятно отказавшись от прежнего намерения идти к автобусной остановке.

- Добрый день!!! – орет ему сзади, во всю глотку, Вася Ильев, расстроенный тем, что не встретился с глазу на глаз с любимым преподавателем.

Движение на улице останавливается. Все прохожие смотрят с интересом и недоумением на нас и на удаляющегося в спешке высокого стройного мужчину. Девочка из песочницы переходит с верхнего «ля» на «си-бемоль».

Евгений Митрофанович, полу-галопом двигаясь к пересечению улиц, поворачивает голову и пару раз, с особым смыслом, кивает в нашу сторону.

Вася, не разобравшись в ситуации, еще разочек выкрикивает на всю улицу свое петушиное приветствие.

- Здравствуйте! - слышно где-то вдалеке, аж у остановки, расстроенный крик Леши Руссу, но Евгений Митрофанович уже не реагирует на его проблески воспитания, успешно скрывшись за угол.

Улица потихоньку приходит в себя. Возобновляется движение. Старушенция, уронившая авоську, кряхтя подымает ее, меря Костю немигающим рыбьим взглядом.

Откуда-то появляется мама плачущей девчущки, и простым шлепком по мягкому месту переводит ее из минора в мажорное состояние.

На второй день мы, как ни в чем не бывало, склоняем совершенные и несовершенные глаголы, учимся, как надо употреблять определенные и неопределенные артикли, пытаемся расставлять знаки препинания в сложных и в простых предложениях.

Евгений Митрофанович корректен, приветлив, добродушен.

Лишь временами внимательно смотрит на нас: то на одного, то на другого, то на третьего.

Но молчит. Ни слово, о вчерашнем.

Лишь в конце урока, сняв очки и оценивающе глядя на нас, изрек:

- А вы далеко пойдете, парни!

А разве мы в этом сомневались?

*Март 1974 года,
Пинск, Брестская область, Белоруссия.*

* * *

Оргеев, Молдавия, конец шестидесятых.

Мы студенты педагогического училища.

Будучи иногородними, у нас возникают проблемы с жилищем, и поскольку у училища нет общежития, мы снимаем квартиры в городе.

Вернее, не квартиры, и даже не комнаты, а просто кровать, а некоторые даже пол-кровати, так как у наших родителей, бедных советских колхозников, нет финансовых возможностей платить больше.

Вшестером, мы снимаем две комнаты, в которой и проводим свободное от занятий время, так как домашние задания просто замучили.

Утром и в обед нас кормят в студенческой столовой, по талонам, отсчитанные из стипендии, однако к вечеру желание что-то поесть обретает очень конкретные и непреодолимые очертания.

Мы, какое-то время, мучаемся, каждый в одиночку, потом принимаем очень мудрое решение: нас шестеро, дней в недели – шесть. Каждый из нас берет на себя обязанность кормить всех один раз в неделю. Притом, сам будет готовить.

Решение принято, и оно – бесповоротно.

Каждый из нас ищет возможность выполнить свое обязательство: то ли привезет из дому картошки, фасоль или что-нибудь еще, то ли купит в магазине или на базаре такие же продукты. Лишь бы хватило на всех.

И вот, настала очередь Васи Ильева готовить жратву. На этот раз он не смог поехать в свою деревню и привести чего-нибудь, так что накупил вермишель и решил сварить нам суп.

А вермишель попалась длинная, с полметра каждая. Ему бы поломать ее – и все дела, но не догадался. Да и откуда догадаться, если впервые в жизни и вермишель купил, и суп наварил.

Стоит он, в нерешительности, и собирает остатки выливать в унитаз. А надо сказать, что в его деревни о таких диковинах, как раковина или туалет в доме, даже и не слышали, и Вася впервые в своей жизни увидел унитаз лишь в нашей квартире.

Разумеется, робел, поэтому и спрашивает меня, а можно ли так выливать.

- Нет, - говорю я, решив подтрунить над ним, - нельзя! Возьми ножницы, порежь сначала.

Через пару минут смотрю: стоит, режет...

*Март 1973 года,
Пинск, Брестская область, Белоруссия.*

Из цикла
«Лабиринты правды...»

*Гололёд на Земле, гололёд,
Целый год напролёт — гололёд,
Будто нет ни весны, ни лета.
Чем-то скользким одета планета —
Люди, падая, бьются об лёд.
Гололёд на Земле, гололёд,
Целый год напролёт — гололёд.*

Владимир Высоцкий
«Гололёд на Земле, гололёд»

Молдавия, февраль 1971 года.

Учеба в Оргеевском педучилище заканчивается, и нас определяют проходить преддипломную педагогическую практику в селе Устье, Криулянского района.

Село, просто огромное, около десяти тысяч населения, расположенное на правый берег Днестра, прямо напротив Дубоссарской ГЭС.

Школа большая, с традициями, однако полностью перенастроенная на советский лад. То есть, директор – никудышный, в лучшем случае, просто проводник вышестоящих решений, какие-бы они ни были, дурные или хорошие, в худшем случае – самодур, бабник или пьяница, или даже все вместе, но всегда - очень ретивый проводник вышестоящей линии.

В Устье, в то время, как раз попался первый вариант пресловутого школьного директора, то есть, ни то ни се, что было не так уж и плохо, так как хотя бы не лез в школьные дела, а лишь важно появлялся в школе, и не менее важно уходил домой.

Здание школы – старое, перенастроенное несколько раз. Из-за нехватки классных помещений местному начальству пришлось приспособить к учебному процессу и другие строения - несколько домов раскулаченных односельчан, а также здание местной православной церкви, закрытой при Хрущеве, в которой

устроили спортзал, а в помещении алтаря – комнату для спортивного инвентаря.

Вот, эту самую комнату, то есть бывший алтарь бывшей церкви, нам и выделил для жилья директор школы.

«Нам» - это практикантам нашей группы: мне, Коле Кихаю, Косте Добындэ, Леше Русу и Васе Ильеву.

Сказать, что это нам понравилось, было бы неверно, однако другого выхода не было, поэтому, скрепя сердцем, мы согласились.

Нас распределили по классам, и мы начали вникать, тихонько-потихоньку, в дебри педагогической профессии, так как до тех пор имели об этом лишь чисто теоретическое представление.

Мне попался один из четвертых классов, благо начальная школа лишь начинала свой переход на трехклассный вариант, предусмотренный общесоюзной реформой образования. Это означало, что все предметы в четвертом классе, преподаются, пока, одним преподавателем, а не разными, как в старшие классы, и как предполагалось сделать после реформы.

Класс был средним, если исходить из уровня подготовки учеников и их подходу к процессу образования. То есть, два-три сильных ученика, около трети – «хорошисты», еще одна треть – круглые «троечники», а остальные, почти еще треть, еле-еле умеющие читать и считать по пальцам.

Это была суровая действительность, но я к ней был готов, так как был не с Луны, а местный, и порядки и настроения местного населения мне были знакомы не понаслышке.

Среди сильных учеников выделялся мальчик, невысокого роста, даже для своего возраста, с широко

посаженными карими глазами и большими, просто огромными ушами, торчащими как радары, с двух сторон небольшой головы, обрамленной аккуратной стрижкой.

На лекциях по математике, грамматике, чтению и другим предметам он показывал твердые знания, доказывающие, что дома с ним занимаются прилежно и постоянно, однако особого рвения с его стороны не наблюдалось.

Вместе с тем, на уроках истории, он буквально преобразовывался, направляя свои «радары» в мою сторону и черпая ими не только любую информацию, которую я сообщал, но фиксируя и интонацию, паузы и даже взгляды.

Это я заметил на следующих занятиях, когда он отвечал домашнее задание, поскольку он сначала рассказывал книжный текст, а потом воспроизводил, с изумительной точностью, сказанное мною на предыдущем занятии.

Я начал его поощрять, и он еще больше втянулся в процесс изучения истории, так как все больше и больше начал задавать вопросы, не всегда стандартные, по тем временам.

Так, на одном из занятий, уже к концу моей практики, когда мы проходили тему об окончании второй мировой войны, он, обратив на меня свой светлый взор, тихо спросил:

- А почему русские не вернули долг по ленд-лизу американцам?

Именно так: русские, а не СССР, и американцам, а не США.

Я, честно говоря, немножко растерялся, и не столько потому, что вопрос был нестандартным, а из-за его конкретности и точности.

Еще бы, десятилетний мальчик беспокоится о ленд-лизе.

Но мальчик мне нравился, он в меня верил, и я постарался как можно нейтральнее объяснить ему, что часть долга, все-таки была возвращена, а потом, началась холодная война, и кто же возвращает долги во время войны, да еще своему противнику?

Мальчик потупил глаза, но потом снова поднял свой взор на меня. Безмолвно.

- Ну? – спросил тогда я его? – Кто же возвращает долги во время войны? Разве, что дураки.

Он снова потупил глаза и, в задумчивости, молча, утвердительно, кивнул головой. Но у меня не создалось впечатление, что я его убедил, и даже промелькнула мысль, что он кивнул лишь для того, чтобы подтвердить, что принял к сведению то, что я сказал.

Прозвенел звонок на перемену, и я ему сказал, что мы еще вернемся к этой теме, если он пожелает, хоть завтра, а сейчас надо готовиться к следующему занятию.

Но к этой теме мы вернулись в тот же вечер, так как часов в девять в дверь нашего «алтаря» кто-то робко постучал.

Я подошел к двери посмотреть, кто же беспокоит нас в такой поздний час, и увидел там невысокого мужчину, который робко поздоровался со мной и, невдалеке от него - искателя правды и сторонника возвращения долгов, собственной персоной.

Он весь был красным, даже пунцовым и казался очень расстроенным, так как губки были дуты, а его

немигающий взгляд был устремлен в какую-то точку, на противоположной стене.

Поняв, что это его отец, я поинтересовался, что случилось, и чем могу быть полезен.

Сбивчиво, он начал мне объяснять, что его жена беременна, на седьмом месяце, и чтоб я их пожалел.

Сначала, я даже и не понял, каким образом я должен их пожалеть, не материально ли? Но когда он второй раз объяснил мне то же самое, но уже более детально, до меня наконец дошло что он беспокоится, как бы я не донес на них куда-то.

Это меня взбесило, и я, зло глядя ему в глаза, выпалил:

- Неужели Вы думаете, что я смог бы написать донос на этого маленького мальчика? Да за кого Вы меня принимаете?

- Нет, нет, что Вы, - начал он оправдываться, - я имел в виду не мальчика, а меня. А у меня жена на сносях.

- Да что Вы чепуху городите? Я же впервые в жизни Вас вижу!

- Меня - да, но мальчик...

- Да причем тут мальчик? - возмущаюсь я.

- Да, мальчик, вообще, ни при чем, - кивает он головой.

- Это все дед.

- Какой еще дед? - поражаюсь я.

- Его дед, - кивает он головой на сына.

А тот, ни разу за это время, не повернув голову, продолжает изучать стенку, напротив.

- Его раскулачили и направили на жительство в Курганской области, - продолжает отец мальчика. - А сейчас вернулся, и вот, начал сбивать с толку его.

Мальчик поворачивает голову, смотрит неодобительно на отца, потом переводит взгляд на

меня, оценивая, понял ли я ситуацию, и снова возвращается к изучению своей стенки.

- Его дед – это Ваш отец? – уточняю я.

- Да нет, что Вы, - машет он руками перед моим носом.

- Это отец моей жены.

Мальчик снова, неодобрительно смотрит на отца, и после переводит взгляд в сторону стенки.

- А мой отец, не сидел, - добавляет отец мальчика, с каким-то вызовом.

- Повезло ему, - с некоторым издевательством говорю я.

И продолжаю, с другой интонацией:

- Его дед, тоже не сидел, его переселили, в другое место жительства. Это было несправедливо. Но то, что это было несправедливо – признали, и им разрешили вернуться обратно. Разве это не так?

Мальчик резко поворачивается ко мне, и молча, не моргая, смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

Отец мальчика сопит, не произнося ни слова.

- Конечно, его дед обижен на власть, за то, что у него отобрали имущество, и ему хочется, чтоб не просто признали несправедливым то, что его переселили, но чтоб и это имущество ему вернули. Но ему не возвращают, и он ищет таких же, обиженных, как и он, которым также не вернули долг. И нашел американцев.

Мальчик продолжает смотреть на меня завороченно и даже рот раскрыл от удивления. Вероятно, такая мысль не приходила ему в голову.

- А долг, на самом деле, во время войны не возвращают, - говорю я ему. - Потому что, хоть она и *холодная*, но это *война*. Вот, кончится она, эта война, а я надеюсь, что она когда-нибудь закончится, и вернут долг.

И через паузу:

- Может, вернут.

Потом поворачиваю голову к его отцу и, устало, говорю:

- Идите домой, и не беспокойтесь, все будет хорошо.

- Да, я понял, - виновато кивает он головой, берет сына за руку, и они удаляются.

На улице темно. Отец идет первым, осторожно прощупывая дорогу, и тянет за собой сынишку, крепко держа его за ручку, который поворачивает голову назад, и смотрит на меня, спотыкается о чем-то в темноте, смотрит себе под ноги, и через пять-шесть шагов, опять поворачивает голову и смотрит в мою сторону.

Потом снова о чем-то спотыкается, смотрит себе под ноги, и снова пытается повернуть голову назад и посмотреть в мою сторону. Но отец, буквально тащит его за собой, и они медленно удаляются в темноте.

Я часто думал и думаю об этом мальчике. О том, что стало с ним, кем он стал, потерял ли он интерес к истории, или нет.

Удалось ли ему добраться до правды, до истины, или же, как многие из нас, спотыкаясь о камни жизни, которых множество на жизненном пути, свернул с неосвященной дорожки, на более светлую, как кажется нам порой, смотря, кто тянет тебя за руку.

Но он так и остался в моей памяти: с ясным, направленным на меня, взором, и немым вопросом в карих, широко посаженных глазах: почему не вернули долг?

Сентябрь 1973 года,
Пинск, Брестская область, Белоруссия.

**Из цикла
„Ключ на старт“**

*Ну чем же мы, солдаты виноваты,
Что наши пушки не зачехлены?
Пока дела решают супостаты,
Не обойтись без драки и войны.*

*Я бы пушки и мортиры
Никогда не заряжал,
Не ходил бы даже в тиры,
Детям елки наряжал.*

**Владимир Высоцкий
«Песня солдата»**

Пинск, Белоруссия. Июнь 1972 года.
Ракетная база «Сенатор».

Мы – молодое пополнение. Будем служить в ракетных войсках стратегического назначения.

Нас возят по всем точкам ракетной базы и знакомят со всеми ее секретами. Самыми сокровенными. Самыми защищенными и залегендированными.

Нам говорят в открытую, где мы будем служить, какова история нашего полка, и добавляют, с очень серьезным видом, что это государственная тайна, которую мы должны будем хранить и никому не разглашать.

- На всю жизнь? – интересуется один из нас, слишком уж бойкий.

- Подписку о неразглашении военной и государственной тайны вы дадите на двадцать пять лет, а там, видно будет, - говорит майор Потапов, начальник особого отдела полка, пытаясь разглядеть среди нас чересчур уж любопытного солдата, но мы не выдаем его, все глядя на него немножко с вызовом, будто любой мог сказать это.

Нам сообщают, что служить будем в Гвардейском Смоленско-Берлинском Краснознаменном 85-м ракетном полку.

История полка начинается в августе 1941 года, когда была создана отдельная группа тяжелых ночных

бомбардировщиков в составе 5 экипажей, которые были первыми, начавшие бомбить Берлин.

В ноябре 1941 года – на базе ночной авиагруппы был сформирован 750-й авиационный тяжелый бомбардировочный полк дальнего действия, в августе 1942 года переименованный в 3-й гвардейский авиационный полк дальнего действия.

В сентябре 1943 года полку было присвоено наименование "Смоленский", в мае 1944 года – полк награжден орденом Боевого Красного знамени, а в июне 1945 года полку присвоено наименование "Берлинский". В декабре 1945 года переименован в 172-гвардейский авиационный полк дальнего действия.

В августе 1958 года полк расформирован и направлен на формирование первых ракетных частей стратегического назначения. В июне 1959 года – переименован в 214-й инженерный полк, а в августе того же года в 85-й инженерный полк. 15 апреля 1961 года директивой Генерального штаба переименован в 85-й гвардейский ракетный Смоленско-Берлинский Краснознаменный полк с открытым наименованием войсковая часть 18279.

Мы молчим под впечатлением услышанного, но нам не дают опомниться, а еще добивают:

- Наш полк, - спокойным, уравновешенным голосом, сообщает нам командир полка, полковник Маковский, - принимал участие в запусках не только боевых ракет, но и космических объектов. На государственном ракетном полигоне *Капустин Яр*, на ракетах нашего полка, нашими офицерами и нашими солдатами, 2 июля 1959 года были отправлены в космос собаки Снежинка и Отважная, а через восемь дней – Отважная и Чернушка.

- И крольчиха Марфуша, - встречается в разговор майор Осьмухин, заместитель начальника штаба полка, радостно и довольно кивая головой.

- Да, Николай Федорович, да! И крольчиха Марфуша, - с добродушной улыбкой соглашается командир полка.

Мы не успеваем переваривать услышанную информацию, так как поступает новая, еще более сногшибательная.

- В октябре 1962 года, во время Карибского кризиса, многие наши офицеры находились на Кубе, выполняя свой интернациональный долг. Наш полк, в это время, находился здесь, был поднят по боевой тревоге, и мы, здесь, на этом вот месте, были готовы дать отпор любым попыткам *супостата* напугать и закабалить нас.

Мы, молча, лишь хлопаем глазами.

- Здесь стартовые позиции первого ракетного дивизиона, - говорит заместитель командира полка по ракетному вооружению подполковник Нефедов, продолжая показ ракетной базы. - Четыре баллистические ракеты, которые в один миг могут стереть с лица Земли Великобританию. Начисто. На веки вечные.

Мы пялим глаза и молчим. А что тут скажешь?

- А здесь ангары для хранения ракет второго пуска, - добавляет он.

Впечатляет. Особенно чистота. Как в операционной. И порядок. Просто идеальный.

Едем дальше.

- Здесь хранилище для ядерных боезарядов, или группа регламента, как мы ее называем. Каждая боеголовка - равна 200 Хиросимам, - сообщает нам главный инженер РТБ подполковник Кириллов.

Мы молча глотаем слону. Боже мой, куда же мы попали? Так, оказывается, они, все-таки есть, эти, боеголовки? И эти ракеты?

И вот, где они находятся!!!

Следуем дальше.

- Здесь приемный радиоцентр. Мы имеем прямую связь с Москвой по одиннадцати видам связи, включая тропосферную и дальнюю космическую.

Хлопаем глазами и молчим. Даже и не слышали до сих пор о таких видах связи.

- Приказ о запуске ракет дойдет до нас даже в случае ядерного нападения противника, даже в случае уничтожения наших командных пунктов. И мы выполним приказ, и запустим их по главному противнику!

Вполне понятно. Даже очень. После увиденного - мы в этом уже не сомневаемся.

- А здесь четвертая площадка, или проще говоря, штаб и командный пункт полка, - лаконично сообщает нам начштаба полка подполковник Сухоцкий.

Мы молча киваем. А как же, по-другому? Откуда-то ведь надо всем этим хозяйством командовать.

И, потом, должен же быть где-то командный пункт, который может быть уничтожен, а ракеты, мстя за это, сами запустятся и обрушатся на голову *супостата*.

- А это - солдатская столовая, где вы будете питаться, - сообщает нам подполковник Бушмакин, начальник тыла полка. - У нас, в ракетных войсках, усиленное питание, «лётный паёк», как у летчиков, притом, усиленный, как у подводников. В рационе есть не только яйца, мясо, рыба, но и шоколад, кофе и даже вино, «Кагор» и «Каберне». Правда, вино полагается только тем, которые находятся на боевом дежурстве.

Мы хлопаем глазами и радостно машем своими репами, хотя, ясное дело, что усиленное питание, просто так, никому не дается.

- Я - майор Климовских, командир РЭЗМ, - коротко представляется нам коренастый, одетый с иголки, офицер.

- РЭЗМ, - продолжает он, - это рота электрических заграждений и минирования, которая осуществляет охрану стартовых позиций полка и других точек и подразделений нашей войсковой части. Назову лишь несколько из тех технических средств охраны и предупредительной сигнализации, которые есть у нас на вооружение: это, например, сетка «С-100», которая даже днем видна лишь с расстояния в пять-семь метров. Через нее пропущен электрический ток, с напряжением днем 220 вольт, а ночью и в боевом режиме - 1760 вольт.

- Это, чтоб вы в *самоволки* не бегали, - иронично встревает в разговор один из присутствующих старших офицеров, замечая наши недоуменные взгляды, так как нам не до конца понятно предназначение не только сетки, но и самого РЭЗМ-а.

Мы выпучиваем на него глаза, но Климовских, успокаивает нас:

- Системы инженерных заграждений, технических средств предупредительной сигнализации, а также огневых фортификационных сооружений типа комплектов противопехотного управляемого минирования «Кактус-Д», а также «Тантал», «Графит» и другие, предназначены, *в первую очередь*, для отражения любых попыток вражеских диверсантов уничтожить стартовые позиции ракет, штабов, командных пунктов,

средств связи и других важных объектов нашей войсковой части.

И, добавляет, с нотками веселья в голосе:

- А во второй очереди, - для предотвращения самоволок, как только что, совершенно справедливо, отметил майор Гузь, начальник топогеодезической службы полка.

- Да, - кивает головой командир полка, - он у нас не только специалист высокого класса, но и великий шутник, не менее высокого класса, потому что свои шутки он часто произносит в стихах, - и смеется.

Мы с удивлением устремляем свои взоры на интеллигентном виде майора, который смотрит на нас серьезным, якобы даже сурово-надменным взглядом, однако явно притворный, поскольку, чуть заметно, похулигански, он моргает нам левым глазом, и снова становится серьезным, уже по-настоящему.

- А это один из наших автотранспортных парков, - продолжает наше знакомство с ракетной базой, невысокого роста, с пушистыми серебряными казацкими усами, капитан Албегов. - Вы видите, что мы обладаем не только колесной техникой, но и гусеничной, притом самой различной, как по своим техническим характеристикам, так и по своей мощности.

Мы с интересом рассматриваем транспортную технику, доселе нам абсолютно неизвестную.

- А это, дорогое наше молодое пополнение, - продолжает щегольски одетый, с аккуратными черными усиками, капитан Матяшов, - наше клубное хозяйство.

Уж, что-что, а с клубами, за свою не такую уж долгую жизнь, мы успели, досконально, познакомиться, поэтому рассматриваем с большой долей скептицизма деревянное строение, куда он нас приглашает.

- Здесь вы сможете не только фильмы смотреть, притом, даже секретные, - продолжает Матяшов, поднимая вверх указательный палец и, с значением, глядя в нашу сторону, - но и посетить библиотеку, очень приличную, кстати, заниматься художественной самодеятельностью, послушать музыку.

- А, Битлз, можно? - подает голос один из молодых.

- Ну, - мнется Матяшов, - записей Битлза у нас нет, но если достанете - можете слушать. Зато Высоцкого - навалом.

- Да ты что, Олег? - недовольно встревает в разговор пропагандист полка майор Лычков, по-зверски сверкая глазами. - Какие Битлзы? Не нужна нам, их, буржуазная музыка.

- Но, товарищ майор, - растерянно бормочет Матяшов, - Вы портите всю педагогику.

- Какая педагогика? - взрывается Лычков, - буржуазная? Смотри, у меня, Олег! Допрыгаешься!

Матяшов, как нашкодивший пятиклассник, виновато смотрит в землю.

- Ладно, Высоцкого можно, - смиростивится Лычков, - но, этих, битлзов-фитлзов, - и делает паузу, - ни в жисть!

Мы переглядываемся, но молчим.

- И еще, ребята, - заговорчески сообщает нам майор Осьмухин. - Обратите внимание на капитана Перминева, - и пальцем показывает на одного из офицеров, ожидающих автобус у главных ворот.

И продолжает, в том же тоне:

- Имеет три высших образования, еще где-то на царя учится, а в трех соснах не может разобраться. Представляете? А еще служит в РВСН!

Мы в трансе. Как-то, одно с другим никак не вяжется: боевая техника на грани фантастики и офицеры, обслуживающие эту технику и не имеющие никакого понятия, как разобраться в трех соснах.

Лишь позже я узнал, что между ними была непримиримая конкуренция и мужицкая зависть. Но особенно мне запомнилась фраза о том, что он где-то *«на царя учится»*.

* * *

Вот, в этом полку, мне пришлось отслужить два года срочной службы, даже не предполагая, что лишь через год с чем-то настолько вольюсь в этот коллектив, что даже войду в его фольклорную историю, посредством мастерски составленных майором Гузь частушек, о буднях 85-го ракетного полка стратегического назначения:

*«Какая свадьба без баяна,
Какой Албегов без усов.
Какой Осьмухин без Бурьяна,
И без Лычкова – Матяшов».*

Ко всему, можно добавить, что полк был расформирован и прекратил свою службу в мае 1989 года, после того как на базе ликвидации ракетной техники «Лесная» в Брестской области была уничтожена последняя ракета, состоящая на вооружение полка, и подлежащая ликвидации согласно положениям договора РСМД.

Бравичи, Молдавия, июнь 2009 года.

Из цикла
«Как обнять необъятное...»

*Дорога, дорога – счёта нет шагам,
И не знаешь, где конец пути,
По дороге мы идём по разным сторонам
И не можем её перейти.*

Владимир Высоцкий
«Дорога, дорога – счёта нет шагам»

Пинск, Белоруссия. Ноябрь 1973 года.

Ракетная база «Сенатор». 85-й ракетный полк стратегического назначения. 4-я площадка.

Вечер.

Солдаты идут на ужин. Строем, с песней.

«Не плачь девчонка, пройдут дожди, солдат вернется, ты только жди!» - раздается по всей площадке.

Батарея за батареей, строем, чеканя шаг, исполняет одну и ту же песню, направляясь в столовую.

Мы любим эту песню. Она нам нравится. Каждого дома ждет девчонка, и каждый из нас пытается ее успокоить: не плачь, мы еще - о-хо-хо! Ты, только жди!

Чуть в стороне от столовой стоят, и о чем-то беседуют, командующий 50-й ракетной армии генерал-лейтенант Герчик, командир 31-й ракетной дивизии генерал-майор Кадзилов и командир 85-го ракетного полка полковник Маковский.

У нас инспекторская проверка и они разбирают, по полочкам, итоги дневного осмотра. Даже не обращают внимание на колонах солдат, которые двигаются рядом и поют, про ждущую их девчонку.

Вдруг до сознания командующего армией доходит смысл песни. Он задумывается, потом вопросительно, чуть издевательски, смотрит на своих подчиненных:

- Но, дорогие мои, это же не строевая песня, а эстрадная! Ну, вояки! Ну, вы даете!

Кадзилов и Маковский виновато потупляют глаза и молча кивают головами, что означает, что вину признают и разберутся.

Утром в полку невероятный ажиотаж.

Отменены комплексные занятия, не проводится плановое «окуривание» противогазов и средств химзащиты. Все, что не имеет прямое отношение к поддержке боевой готовности полка, отменено.

Приказано выучить новую строевую песню.

Мы – ракетчики. У нас нет строевых занятий как в других войсках. Строем, с песней, мы ходим только в столовой. Три раза в день: на завтрак, на обед и на ужин. Остальное время суток мы обходимся без строя и без строевых песен. И рады этому.

Это когда мы свободны от боевого дежурства.

А когда дежури́м - нам приносят завтрак, обед и ужин прямо на боевой пост, буквально к креслу или к торцу пускового стола ракеты. Помилуйте, о каком строе, о какой строевой песни, может идти речь? И кто будет петь ее?

Но приказ есть приказ.

- Так, какую песню будем учить? – спрашивает замполит полка.

- Ну, раз про девчонку нельзя, - недовольно подает голос Витя Дудин, - то давайте «Мы ракетные войска».

Есть такая песня, и она нам тоже нравится.

Возражений нет, и мы приступаем к разучиванию слов и мелодии.

На обед еще ходим без песни, но вечером, бодро чеканя шаг, орем во всю глотку, на весь лес, о том, что мы ракетные войска и нам любая цель близка.

Аж до деревни Якша, а может, и до Бродницы, и дальше, доходит весть о том, что у нас мощные и безотказные ракеты, которые грозно смотрят в облака.

Из здания штаба, как ужаленный, вскакивает майор Потапов, контрразведчик, уполномоченный КГБ, который отвечает за соблюдение секретности в нашем полку.

Глаза у него округленные, походка какая-то нервная, прыгающая. Он машет на нас руками и что-то кричит.

Мы, не разбираясь в его криках, сообщаем и ему, хором, о том, что у нас очень точные и безотказные ракеты.

Старшина батареи, почуяв неладное, подает нам знак и песня прерывается.

- Да вы что, совсем *охренели*? – орет не своим голосом Потапов. – На Магадан захотели?

На Магадан нам, естественно, не хочется, и мы молча ожидаем дальнейшее развитие событий. Вины за собой не чувствуем, поэтому спокойно и даже с интересом смотрим на него.

Где же он был, мудрец и защитник наш, пока мы разучивали новую песню?

- Мы же, по легенде, *мать вашу*, зенитно-артиллерийский полк, - кричит Потапов. – А вы тут - государственные секреты выбалтываете. Всему миру, на весь лес! Притом, хором, *бля!*

Мы знаем про легенду.

Наизусть выучили и рассказываем ее всем, особенно в письмах, домой, хотя в жизни ни разу не видели, как выглядит зенитная пушка.

Хоть бы показали разок, чтоб не попасться на лжи.

Потапов досадно машет рукой и уходит.

Александр Буриан. Блокнот в "Norton commander".

Мы идем в столовой молча, без песни. Оттуда, после ужина, тоже молча двигаемся в казарму.

Утром новое разбирательство. Снова заговорили о необходимости выучить новую строевую песню. Другую, какую-нибудь.

Но мы заерепенелись: раз про ракетные войска нельзя, то будем петь только про девчонку. Или совсем не будем петь.

Как ни странно, сошло, и мы снова, начали горланить, на весь лес, чтоб девчонка не плакала, потому что мы, вот-вот, придем, и успокоим ее, лишь бы она дождалась нас.

А если уж дождется...

Кое-кого может и дождалась. Мы же так старательно просили об этом.

Бравичи, Молдавия, июль 2009 года.

Из цикла
"Да неужели, в самом деле"

*Сыт я по горло, до подбородка -
Даже от песен стал уставать, -
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать!*

Владимир Высоцкий
«Сыт я по горло»

Пинск, Белоруссия. Июль 1972 года.
Ракетная база «Сенатор».

Сижу в кабинете у зама начштаба полка, майора Осьмухина.

Навожу порядок в планы боевой подготовки, так как ответственен за них. Он занимается своим делом, но, попутно, скорее всего, изучает меня.

- А что за фамилия такая: Бурьян? Нерусский, что ли?

- Конечно нерусский. Молдаванин я.

- Хм..., молдаванин, - неопределенно хмыкает он. - А фамилия то, не молдавская.

- Не молдавская, - соглашаюсь я. - Словенского происхождения, и правильно пишется через «и», а не через мягкий знак.

Он смотрит на меня немигающими глазами. Переваривает, наверное, сказанное.

- Славянского, - поправляет он меня.

- Да, - соглашаюсь я, славянского. Но это не отменяет словенское происхождение моей фамилии, потому что славянский мир большой и очень разнообразен.

- И что? - с непониманием смотрит он на меня.

- Ничего! - пожимаю я плечами. - Просто каждая частица этого мира имеет свою неповторимую своеобразность, в том числе и относительно фамилий.

Он продолжает молча смотреть на меня, и я уточняю:

- Ну, у русских, фамилии в основном на «ов» - Ивановы, Петровы, Сидоровы.

- И Калинины! – задиристо поправляет он меня, так как у него, самого, фамилия кончается на «ин» - Осьмухин, хотя он - никакой не русский, а настоящий мордвин.

- Да, - киваю я головой. – А у поляков – Шляхтицкие, Березовские, Пилсудские. У болгар – Тодоровы, Живковы, Стояновы. У украинцев – Кравченко, Петренко.

- И Кравчук! – дополняет он.

- И Кравчук, и Долганок, и Недельчук, и еще много-много других фамилий с окончанием на «юк» и «ук», - соглашаюсь я.

Он продолжает молчать некоторое время, задумчиво переверачивая двумя пальцами авторучку, которой до этого строчил свои мысли в рабочей тетради, потом поднимает глаза:

- А с чего ты взял, что именно словенского? Словения – это же Югославия?

- Да, сейчас это Югославия, а раньше это была Австрийская империя. Вот из этой империи и переметнулись в Молдавию мои далекие предки. В Средние века ведь Молдавское княжество граничило с Австрией.

- И откуда ты знаешь все это? – с недоверием смотрит он на меня.

- Откуда, откуда... - от верблюда! – ворчу я. – Отец рассказывал. А ему – свой отец рассказал, то есть мой дед, а ему – свой дед.

Он вертит ручку и молчит, разглядывая бумаги, разложенные на стол.

- И кто же «неправильно» написал твою фамилию?

- Да уж, *грамотеев* у нас, сколько угодно. В каждом сельсовете – по несколько десятков.

- И не собираешься менять?

- Зачем? – с непониманием смотрю я на него.

- Ну... - мнется он, - может, меньше вопросов будет.

- Ни хрена меньше вопросов не будет! – огрызаюсь я. – Наоборот, еще больше будет!

- Как это? – удивляется он.

- Ну, спросят: «а ПОЧЕМУ поменял фамилию? Что хотел скрыть?» Ну? И что я им отвечу? Что скрыл? Ведь скрывать мне нечего! Вот я!

Он кладет ручку на стол и, в задумчивости, смотрит в окно. Через какое-то время, миролюбиво, выдает:

- Ну, я имел в виду этот мягкий знак. Ты же говорил, что правильнее было бы писать через «и», а не через «ь».

- Ну и хрен с ним, с этим мягким знаком. Придет время, все образуется.

Осьмухин замирает, какое-то время упорно смотрит в стол, потом поднимает на меня глаза:

- Это что за время, такое, придет? Что ты имеешь в виду?

Его глаза так и сверлят меня. Вероятно, прикидывает, не свержение ли советской власти имел я в виду.

- Придет время, и люди станут грамотнее, не будут придирааться к окончаниям фамилий, - устало говорю я.

- Может, *до-фени* им это будет. Да и какое это имеет значение? Ведь главное – человек, а не та фамилия, которая написана в паспорте.

- Не скажи... - с недоверием машет он головой.

Бравичи, Молдавия, июль 2009 года.

* * *

Пинск, Белоруссия. Август 1972 года.
Ракетная база «Сенатор», Четвертая площадка.

Я и Витя Дудин сидим в кабинете у зама начштаба полка, майора Осьмухина.

К нам заходит «секретчик» второго дивизиона, Коля Барченков. Ему нужно получить от нас техническую документацию на одну из ракет, которая стоит на боевом дежурстве, в одну из их стартовых батарей.

Эту документацию мы можем передать лишь в присутствии начальника штаба или его заместителя, так что Осьмухин – при деле: занимается своими делами, что-то строчит в своей рабочей тетради, а одним глазом смотрит и за нами, точнее, за процедурой передачи документов по реестру.

Процедура довольно сложная, поскольку техническая документация одной ракеты – это двенадцать металлических контейнеров, каждый – килограмм по 10-12, в которых сложены схемы, инструкции, паспорта, и другие необходимые расшифровки на каждую деталь, на каждый шурупчик ракеты, поскольку каждая ракета – *штучная*, хоть и *серийная*.

Поэтому, мы, втроем, уходим полностью в разборке и пере-разборке документации, забывая об Осьмухине.

Но он, о нас не забывает.

- Слушай, - выдает, вдруг, Николай Федорович, приподнимая голову и рассматривая Колю каким-то

подозрительным взглядом: - А как правильно звучит твоя фамилия? БарчЕнков, или БарченкОв?

- БарчЕнков, товарищ майор, - отзывается Коля.

- Хе-хе! - хихикает Осьмухин, весело дергая головой. - Какая-то *нерусская* фамилия. Ну, *совершенно нерусская*.

Мы взрываемся в хохот, поскольку знаем «конек» Осьмухина, поиздеваться относительно «русскости» или «нерусскости» того или иного офицера или солдата.

Особенно шутит он над своим односельчанином, майором Иллариошкиным, татаринном, - начальник продовольственной службы полка.

Правда, там речь идет не о «русскости» или «нерусскости», а о каком-то споре, в их деревне, между *мордвинами* и *татарами*, поскольку она разделена на две части этими двумя народностями.

А мы, естественно, нет-нет, да и подливаем масла в огонь, намекая Осьмухину, который мордвин, о том, что Иллариошкин якобы считает себя не татаринном, а тоже мордвинном. Это кончается настоящим концертом, поскольку он сразу же вызывает Иллариошкина к себе, и напрямую спрашивает, кто он? Тот, с бегающими глазами, от него - к нам, и обратно, сообщает ему о своем татарском происхождении, и Осьмухин успокаивается.

Вообще, у нас такое ощущение, что делает он это не столько от того, что обеспокоен самой проблемой, а оттого, что хочется просто поразвлечься.

Но Коли неизвестно о «странностях» Осьмухина, и смущенно смотрит сначала на нас, потом на него.

- Да русский я, - мямлит он.

- Хе-хе! - хихикает еще ехиднее Осьмухин. - Русский он. - И машет рукой, мол, дуй, «русский», в свой дивизион и не встревай.

Через пару дней Коля опять прибывает к нам по каким-то делам, и Осьмухин снова пристает к нему:

- А как, все-таки, правильно, звучит твоя фамилия? БарчЁнков, или БарченкОв?

Помня о прошлом инциденте, Коля выпрямляется по стойке «смирно», и выдает:

- БарченкОв, товарищ майор!

- Хе-хе-хе! – взрывается в ехидном смехе Осьмухин. – Нерусский!

И продолжая смеяться, опять машет рукой - иди, мол, не задерживайся.

Коля, совсем растерянный, отдает честь, поворачивается на 180 градусов и строевым шагом выходит из кабинета.

Через полчаса у нас обеденный перерыв и, выходя из штаба, видим Колю прислоненного к какому-то столбу. Подходим к нему. Лицо у него совсем белое, без кровинки, глаза – опавшие.

- Чего это он? – дрожащим голосом спрашивает Коля.

Нам сначала хочется ржать, так как тематика проблемы, да и его вид, только к этому и тянет, но его дрожащие губы подсказывают нам, что делать этого нельзя, а то и срыв может получиться.

- Да шутки у него такие! – восклицает Витька. – Ты что, не понимаешь шуток?

- Да шутки я понимаю, - дрожащим голосом мямлит Коля, - но разве это шутки?

Мы не можем сдержаться и ржем во всю глотку, но потом успокаиваемся и даем наставления Коле:

- В следующий раз, когда ты зайдешь к нам, и Осьмухин спросит, как правильно звучит твоя фамилия, а он непременно спросит, ты сначала отвечай как

обычно, а когда он захихикает, что, мол, ты нерусский, ты отвечаешь: «Так точно, нерусский!».

- Но я же русский, - округляет свои глаза Коля.

- Ни хрена ты не русский, - делает заключение Дудин, - а дурак.

- Как это, нерусский? - взвинчивается Барченков. - Как это, дурак?

- Да потому, что был бы ты русским, *настоящим русским*, то смотрел бы на все это с юмором. А так - дурак-дураком!

- Почему, дурак-дураком? - дрожащим, почти плачущим голосом вопрошает Коля.

- Да потому, - назидательно говорит Витька, - что нечем гордиться - русский ты, или нерусский. И нечем стыдиться - русский или нерусский. Будь человеком, это главное, а не то, к какому племени тебя причисляют. Потому что в любом племени есть и умные и дураки, есть и товарищи и подлецы, есть люди и нелюди.

Коля присмирел и смотрит в задумчивости на нас, потом, не прощаясь, направляется к своей машине, которая ожидает его невдалеке.

Через недельку он снова попадает к нам, и Осьмухин, снова интересуется правильной постановкой акцента в его фамилии.

Коля, как и в прошлый раз, назвал одну из версий, на что Осьмухин, довольный собой, захихикал, но услышав ответ, что вероятнее всего он на самом деле нерусский, моментально стал серьезным.

Потом, смерив нас взглядом, сначала меня, потом Витю, потом Колю, изрек:

- Одна *банда*, как я погляжу.

Потом, буквально через пару секунд, как ни в чем не бывало:

- Ну? И кто будет работать у нас? Барчѐнков! Или как там, тебя, БарченкОв! Дуй в свой дивизион, и не мешай ребятам работать!

И никогда после этого он не приставал к Коле относительно правописания его фамилии.

Бравичи, Молдавия, июль 2009 года.

Из цикла
«Нарочно не придумаешь...»

*Не могу ни выпить, ни забытья.
Стих пришёл – и замысел высок.
Не мешайте, дайте углубиться!
Дайте отрешиться на часок.*

Владимир Высоцкий
«Не могу ни выпить, ни забытья»

* * *

Пинск, Белоруссия. Февраль 1973 года.
Ракетная база «Сенатор», Четвертая площадка.

Служит у нас, в инженерном взводе, Сашка Рублев из Пензы.

Парень, как парень. Хороший товарищ, неглупый, заводной.

Вместе с тем, совершенно лишенный чувства юмора. Не то, чтоб совсем. Но, все-таки, с явным «внешним проявлением данного состояния», как выразался майор Осьмухин, замначальника штаба полка.

Этим иногда пользовались шутники из ББО, особенно используя его слишком уж «серьезный подход» к некоторым словам и определениям.

Дебаты, в основном, шли по поводу правописания и смысловой нагрузки определения «житель или уроженец Пензы», так как, напомним, Саша был именно оттуда.

Изначально существовали две версии спора: что правильно, *пензенец* и *пензюк*.

Сашка, как истинный уроженец Пензы, разумеется, придерживался первой версии, однако некоторые оспаривали этот подход, настаивая на вторую.

Дебаты часто кончались довольно бурно, а временами доходило даже до стычек, хотя, ни разу, до мордобоя.

Однако, об этом стало известно в политотделе, и пропагандисту полка, майору Лычкову, поручили разобраться во всем.

Мне довелось читать его докладную записку по этому поводу, так как шла она с грифом «секретно», поскольку касалась морального облика советских воинов, а об этом, ни в коем случае не должны были бы догадаться наши враги и противники, и проходила регистрацию в секретной части полка, где я тогда служил.

Так вот, майор Лычков сумел так все обставить в этом инциденте, что нельзя было не «восхищаться» его умению *«найти дым, где даже и не пахло огнем»*, по меткому определению майора Гузь, начальника топогеодезической службы нашего полка.

Короче, он свел все это ко второму закону диалектики, о единстве и борьбе противоположностей в марксистско-ленинской теории, классифицировав данный инцидент как спор, между *научной и антинаучной* течениях, в философии.

Разумеется, по Лычкову, те, которые считали, что уроженцы Пензы – *пензенцы*, были *истинными ленинцами*, а те которые склонялись (именно так было обозначено в докладной) к мнению о том, что это *пензюки*, являются *распространителями мелкобуржуазных взглядов*.

Мы долго ржали потом по этому поводу, и каждый раз, если что-то было не так, говорили, что у собеседника мелкобуржуазные взгляды и он, в связи с этим, *настоящий «пензюк»*.

Бравичи, Молдавия, июль 2009 года.

Из цикла
«Премудрости политики»

*Я вам расскажу про то, что будет,
Вам такие приоткрою дали!..
Пусть меня историки осудят
За непонимание спирали.*

Владимир Высоцкий
«Я вам расскажу про то, что будет»

Пинск, Белоруссия. Июнь 1972 года.

Ракетная база «Сенатор». 85-й ракетный полк стратегического назначения. 4-я площадка. Плац.

С правой стороны плаца - плакат: «Мы ракетные войска, нам любая цель близка».

На плакате - лицо советского воина. В каске, с автоматом Калашникова за плечом. Сзади него - макет ракеты 8к63, поднятая на пусковой стол с установщика 8У210, а сбоку - машина подготовки 8Н213.

С левой стороны плаца - другой плакат: «Наша цель - коммунизм!»

На плакате - сплошные флаги, все красные, и серп и молот в правом верхнем углу. Фоном служит тройное изображение Маркса-Энгельса-Ленина.

Так и существуют оба эти плаката, более года, не конфликтуя между собой.

Более того, никто не обращает внимание на их логическую взаимосвязь.

Ноябрь 1973 года. Инспекторская проверка из штаба 50-й ракетной армии. Во главе инспекторской группы - командующий армией генерал-лейтенант Герчик.

Молча рассматривает один плакат, потом другой. Удивленно хмыкает. Смотрит на командира полка, на начальника штаба, на замполита. Командование полка недоумение: плакаты как плакаты, более того, согласованы со всеми инстанциями.

- Какой плакат развешан первым? - интересуется командующий.

Минутное замешательство.

- Плакат о ракетных войсках, - докладывает начальник штаба. Замполит утвердительно кивает головой.

Командующий молчит. Потом разворачивается и идет к машине. Свита следует за ним.

Через день - пропагандиста полка, майора Лычкова, направляют на пенсию, а замполита, подполковника Кудряшова, куда-то, на понижение.

Еще через день сняли плакат про коммунистическую цель.

И никаких объяснений.

Бравичи, Молдавия, июль 2009 года.

Из цикла
„Писательские будни,
или стычки с Музой”

Я с[ей]час взорвусь, как триста тонн тротила,-
Во мне заряд нетворческого зла.
Меня сегодня Муза посетила,
Посетила, так, немного посидела и ушла.

У ней имелись веские причины,
Я не имею права на нытье.
Представьте, Муза ночью у мужчины!
Бог весть, что люди скажут про нее.

И всё же мне досадно, одиноко:
Ведь эта Муза — люди подтвердят! —
Засиживалась сутками у Блока,
У Бальмонта жила не выходя.

Я бросился к столу, весь — нетерпенье,
Но, господи помилуй и спаси,
Она ушла — исчезло вдохновенье
И три рубля, должно быть на такси.

Владимир Высоцкий
«Песенка плагиатора»

* * *

Пинск, март 1974 года.

Ракетная база «Сенатор». Четвертая площадка.

Возвращаюсь из отпуска по случаю похорон отца.

Поезд Брянск-Брест.

Опаздывает на шесть часов, и я прибываю в Пинск, на вокзал, в 22.15, а отпуск кончается в 23.59.

Надо что-то делать, поскольку добраться до части, в срок, я никак не смогу.

Первый полковой автобус направляется туда лишь в семь утра, а до тех пор надо сделать так, чтобы не попасться военному патрулю на глаза, который в Пинске военно-морской, и который страшно не любит нас.

Это оттого, что мы «сапоги», а они «ботинки», или «башмаки».

Это образно, конечно, хотя эта образность отображает реальные и совсем не надуманные взаимоотношения между моряками и солдатами сухопутных сил.

Эта взаимная неприязнь отходит в глубь веков, и история знает немало случаев кровавых стычек между «сапогами» и «башмаками», как называют они друг друга.

Сейчас, конечно, до этого не доходит, поскольку советские законы суровы, и такие «геройства» кончаются трибуналом.

Но мелкие пакости, они нам устраивают.

Притом, преимущество на их стороне, поскольку гарнизон военно-морской, и возможностей поймать нас на чем-нибудь не так уж и мало.

Во всяком случае, я абсолютно не сомневаюсь в том, что, если попадусь им на глаза после 24.00, когда истекает срок моего отпуска, то они даже и не обратят внимание на то, что есть объективная причина моего опоздания, так как поезд шел с задержкой.

Скажут, что надо было предвидеть это, и купить билеты на другой поезд, пораньше, чтобы быть уверенным в том, что не опоздаю.

И задержат до утра, вроде бы для выяснения обстоятельств, а там, уже за пререкание, или за расслабленный галстук, или еще за что-то, вляпают трое суток ареста, а потом еще добавят, и еще добавят.

Таких случаев множество, и такая перспектива меня совсем не радует.

Есть, конечно, несколько вариантов, как выйти из создавшегося положения, и мне придется выбрать какой-то из них.

Можно ждать на вокзале, до утра, взяв в воинской кассе справку об опоздании поезда, и утром сесть на первый автобус или кунг, который направляется к нам с «Серпа и Молота».

Но есть опасность, что, все-таки, *загребет* патруль.

Конечно, есть сердобольные старики и старушки, которые постоянно *шастают* по вокзалу, и которые предупредят о приближении патруля, поскольку их не любят, как и ментов.

Но они могут и не предупредить, а могут просто проглядеть появление патруля, так что это не снижает опасность.

К тому же, утром надо будет добраться до этой самой остановки «Серп и Молот», откуда двигаются наши полковые автобусы и кунги, но по дороге туда, также может попасться патруль.

Можно добраться до 5-й или 19-й площадки нашего полка, которые находятся в пределах города, отметить, что прибыл вовремя, остаться там ночевать, а потом, утром, попутным транспортом, добраться до нашей 4-й площадки, которая находится далеко-далеко, в лесу.

Это основной вариант, который предлагается нашим отпускникам в случае прибытия в Пинск в ночное время.

Но и в этом случае, также не исключается возможность столкнуться с патрулем, пока доберусь туда.

Я бывал на этих площадках раньше, знаю по карте, где они расположены, но как добраться до них, в городских условиях, понятия не имею.

Да и не ходит уже городской транспорт, а взять такси запрещено, даже офицерам, поскольку считается, что этим раскрывается расположение части, хотя о 5-й и 19-й площадках в городе все знают.

Они считают, что это наши автотранспортные подразделения, хотя правы лишь только насчет 19-й площадки, где действительно одна из автобаз нашего полка, поскольку на 5-й площадке находится наш передающий радиоцентр, и движение автотранспорта лишь имитируется, для подтверждения легенды.

Взять какого-нибудь частника, тоже не резон, поскольку частники часто являются *стукачами*, и бывали случаи, когда подвозили нанявших их солдат не к тому месту, куда заказывали, а прямо к зданию комендатуры.

Поэтому, выбираю третий вариант.

Есть вероятность, что в пределах города есть какой-нибудь транспорт нашего полка, который выполняет

какое-то отдельное поручение или задание, и если удастся перехватить этот транспорт, то есть возможность добраться до части в срок.

Звоню дежурному по полку и докладываю, что прибыл, срок отпуска истекает вот-вот, но нет возможности добраться до части, и прошу уточнить, нет ли какого-либо попутного транспорта до нашей четвертой площадки.

На том конце провода капитан Костырев, с которым я в приятельских отношениях, поскольку раз в неделю я хожу дежурным по штабу полка, становясь, автоматически, его помощником.

- Не беспокойся, Сашок, сегодня 505-й Осьмухин, я ему сейчас же доложу, и он что-то придумает. Позвони мне, минут через десять. Или, связать тебя с ним, прямо сейчас?

- Да нет, - говорю, - делайте все как положено. Доложите ему, а он уж, как решит.

Костырев соглашается, и я кладу трубку.

Майор Осьмухин Николай Федорович, заместитель начальника штаба полка и мой непосредственный начальник.

У меня с ним хорошие взаимоотношения, хотя в последние два месяца и ухудшились, поэтому не хочу навязываться к нему с просьбами.

Я прогуливаюсь минут десять по вокзалу и снова звоню Костыреву.

- Короче, - говорит он, - твой Осьмухин докопался, что на 5-й площадке есть какие-то кодировочные или шифровальные таблицы, которые устарели, и их надо привести к нам. Машина фельдъегерской связи уже выехала, минут через сорок-пятьдесят будет у вокзала,

заберет тебя, заедете на 5-ю площадку, заберете таблицы, и к нам. Понятно?

- Понятно, - хмыкаю я. – Спасибо!

Мне ясно, что машину можно было направить на 5-ю площадку и завтра, но Осьмухин сделал это специально для меня, чтоб избежать, какие-либо недоразумения.

Машина прибывает в назначенное время, мы заезжаем на 5-ю площадку, забираем оттуда какой-то пакет, кажется даже пустой, и добираемся до нашей, 4-й площадке, где-то к часу ночи.

Утром, хотя воскресенье, меня вызывают в штаб, к Осьмухину.

Он уже сдал дежурство и, по логике, должен ехать домой, в Пинск.

Однако, такое ощущение, что он никуда не собирается.

Наоборот, варит кофе на походной спиртовке, а на столе разложена какая-то закуска и даже светится бутылка армянского трёхзвёздочного коньяка.

Для меня это новость, поскольку он никогда не пьет на работе.

Он какой-то растерянный, неуверенный в себя, каким обычно бывает, а глаза так и бегают по сторонам, избегая возможности встретиться с моим взглядом.

Но, решается:

- Прими, мои соболезнования, по случаю смерти отца.

Я молча киваю головой.

- И, это..., - мнетя он, но замалчивает.

Потом, кашлянув пару раз, поднимает на меня глаза, и изрекает:

- Ты, прости меня, за тот инцидент. Я, был неправ.

Я снова, молча, киваю головой.

«Инцидент» случился 31 декабря 1973 года.

Он тогда дежурил, был 505-м «Сенатора», то есть командиром дежурных сил 85-го ракетного полка стратегического назначения.

Дежурить на Новый год не такая уж радость, и мы уже обменялись мнениями по этому поводу.

Но я решаю пошутить, и беру его на пушку:

- 31 декабря – отпустите на дембеле? Вы же обещали.

Растерянный, он подымает на меня глаза:

- Так, тебе же, еще полгода служить.

- Ну, Вы же грозились, сколько раз, чтопустите на дембеле лишь 31-го декабря. Вот, 31-е декабря наступает. Выполняйте, свои обещания!

Это был старый прием, который действовал в Советской армии еще с 50-х годов, когда солдат призывали на воинскую службу лишь один раз в год, в ноябре-декабре, и отслуживших свой срок солдат увольняли в запас также в эти сроки, то есть с 1 ноября по 31 декабря.

Естественно, уволить всех в один день было невозможно, поэтому в первые дни ноября увольнялись самые дисциплинированные солдаты, а к 31 декабря оставались не уволенными в запас лишь самые расхлябанные и недисциплинированные.

Поэтому, командиры подразделений использовали этот момент, для того чтобы поддержать уровень дисциплины в своих командах, и часто пугали того, или иного солдата тем, что уволит его в запас лишь 31 декабря, если и впредь будет что-то нарушать.

Хотя, мог бы его уволить и 1 ноября, если бы он служил нормально и был бы дисциплинированным солдатом.

Однако, в конце шестидесятых годов в Советскую армию стали призывать два раза в год, весной и осенью и, естественно, увольняли также два раза в год, с 3 мая по 30 июня, и с 1 ноября по 31 декабря.

Я был призван в армию 10 мая 1972 года и, по закону, подлежал увольнению в запас, в срок, с 3 мая по 30 июня 1974 года.

Однако Осьмухин, да и не только он, продолжал оперировать, по старинке, термином «*уволю на дембеле 31-го декабря*», хотя многие солдаты имели совершенно другие сроки увольнения.

В связи с этим, у нас возникали многие курьезные случаи, когда я, например, совершал какой-нибудь неблагоприятный проступок, обычно пререкаясь с ним, а он, становясь в позу, объявлял мне:

- 31-го декабря уйдешь на дембеле!

- Так, я же призывался в мае! – хмыкал я.

- Ну и что? – округлял он глаза.

- Да ничего, - хмыкал я снова. – 31-го декабря даже хорошо, на целые полгода раньше срока.

- А-а-а-а..., - догадывался Осьмухин, растерянно глядя на меня.

И, через минуту, сверкая глазами:

- 1-го августа уйдешь на дембеле!

- 30-го июня, - поправлял я его.

- Ну, 30-го июня, какая, *нафиг*, разница?

И оба смеялись, забывая и про проступок, и про наказание.

Но на этот раз, однако, он не был настроен шутить, и вдруг взорвался:

- Ты, и в отпуск поехал незаконно, а сейчас, вот, и на полгода раньше хочешь домой!

- Как, это, незаконно? – поразился я.

От возмущения, даже голос сел.

- Первый отпуск, - уточняю я, - как поощрение, командир полка объявил, а второй – по случаю болезни отца.

- Вот, этот отпуск, и был незаконным!

- Как, это, незаконным??? – недоумеваю я. – Вы, что??? Отец, действительно болен, до сих пор лежит в больнице. Это же, легко можно проверить.

- Да уж, проверить, - хмыкает он. – Все ты, подстроил, договорился!

И сверкает глазами.

- Всем, умеешь заговаривать зубы! Всем!!! – добавляет он, почему-то, со злостью.

Это не просто несправедливо, это тяжкое обвинение, притом абсолютно необоснованное, поэтому, клокоча, я беру с рабочего стола длинную линейку, латунную такую, довольно тяжелую, штурманскую, с которой можно не только чертить, но и производить различные расчеты, и решительно направляюсь к нему.

Вид мой, наверное, не только решительный, но и агрессивный, так как он испуганно смотрит на меня, не решаясь, что делать.

Но, я вовремя беру себя в руки, останавливаюсь, и бросаю линейку обратно, на стол.

- Ты что, свихнулся? – испуганным голосом спрашивает Осьмухин.

- Да нет, не я свихнулся, - процеживаю я через зубы. – Кто-то другой свихнулся, и сейчас, я этому другому, хотел по-настоящему заговорить зубы, чтоб потом, с одними протезами ходил.

Он молча смотрит на меня.

- Но, думаю, не стоит, - добавляю я, и направляюсь к выходу.

За спиной слышу какой-то шорох, потом, громко:

- Трое суток ареста!

Я, останавливаюсь:

- Есть.

И выхожу

Прошло дежурство, прошел Новый год, но он так и не распорядился о моем аресте, и я, у которого обида ещё не прошла, иронично разглядывая его, интересовался:

- Ну, Николай Федорович, когда же на *губу* пошлете?

- Пошлю, пошлю, не беспокойся, - отвечал он, глядя в свои бумажки, но своего обещания не выполнял.

Но я доконал его своими ироничными, а иногда и издевательскими, расспросами, поэтому нашли компромисс, и я, вместо этих трех суток ареста, которые должен был проводить на военно-морской гауптвахте, в Пинском гарнизоне, отработал наряд на кухне, единственный наряд вне очереди, за всю службу.

И вот, сейчас извиняется, и просит прощение.

Осознал, что отец, действительно был болен, при смерти, и что с моей стороны не было никакого обмана.

- И вы меня, простите, - выговариваю я. - Я, тоже был неправ. Сорвался.

- Да понял я, это. Я же, знаю тебя. Не мог ты, этого сделать.

Это он насчет линейки, поскольку несколько раз интересовался, а мог ли я *тюкнуть* его ею.

Я, в зависимости от настроения, отвечал по-разному, поэтому у него, наверное, так и не было утвердившегося мнения по этому поводу.

Молчим.

Разговор не клеится.

- А, давай, помянем твоего отца.

Я молча киваю, он наливает по стопочке и мы, не чокаясь, опорожняем их.

Снова молчим.

- Я, это..., - начинает он, и мнется.

- Ну..., мы..., то есть я, и Наполеон Матвеевич...

И опять замалчивает.

Потом, решительно:

- В общем, мы открыли твой личный сейф. Искали один документ, и никак не могли его найти.

- Знаю, - бурчу я. - Сейф же был опечатан личной печатью начальника штаба. Я, уже смотрел акт вскрытия.

- Когда же ты успел?

- Ну, сразу же, как прибыл.

- Так, ты же прибыл в час ночи.

- Ну, и что?

- Ничего.

И снова замалчивает.

- Так, нашли то, что искали? - интересуюсь я.

- Нашли, но не у тебя в сейфе.

- Ясно, что не в моем личном сейфе, - хмыкаю я. - Я же все документы передал Дудину, перед поездкой.

Он, хмуро, кивает головой.

Потом, через минуту:

- Зато, я нашел там, кое-что.

Я молчу.

- Я там нашел твои записки.

- Догадываюсь.

В сейфе находились разные мои записки, из которых, намного позже, появился Блокнот в "Norton Commander".

Но тогда, это были записки о детстве, о юности, о учебе в педучилище, и лишь некоторые из них касались армейской жизни, да и то, без имен, без указания каких-либо данных, которые составляли бы военную или государственную тайну.

Поэтому, я спокоен, но все же, уточняю:

- Там же, нет ничего крамольного.

- Конечно, нет, - соглашается он.

И замалчивает на минутку.

- А почему записки с такими перерывами? Ты же, там числа указываешь, когда и что написал.

- Ну, это как Муза заявится, - хмыкаю я.

- Муза? - недоумевает Осьмухин. - Какая еще Муза???

И замалчивает.

С минуту, сморщив лоб, что-то соображает, потом глаза проясняются, появляется улыбка, едкая такая, в уголке губ:

- Хех! Муза, у него есть! И не всегда, понимаешь, приходит к нему...

И хмыкает, весело.

- Ну, - философски, тяну я, - такая она уж, эта Муза...

- И, какая она, у тебя? Блондинка, или брюнетка? - и хихикает.

- Не разглядел - улыбаюсь я.

Обстановка раскаляется.

Мы начинаем болтать, о Музе, о книгах, о писательских мучениях.

Пьем чай, грызя сухарики и домашнее печенье, привезенные Осьмухиным из дома.

- Жена спекла? - интересуюсь я, - или дочь?

- Да, - кивает он головой, - жена.

И через секунду:

- Дочь не печет, пока.

И замалчивает, о чем-то думая.

Потом, с недовольством:

- Только черчением и занимается. Будто нет других предметов. Заявила, что будет учителем черчения, как и ты. Да и требует, чтобы я носил ее карандаши тебе, чтобы ты поточил их, по правилам чертежного искусства. Будто, сама не умеет этого делать.

- Да ребенок она еще, - смеюсь я. - Не обращайтесь вы на это внимание.

- Ребенок, - недовольно ворчит он. - А такие *выкидоньки* устраивает, что и взрослым сразу не разобраться, о чем речь.

И хмуро смотрит на меня.

Я сжимаю плечами, так, как и понятия не имею, о чем может идти речь

Он сверлит меня глазами, и замалчивает.

Потом, через паузу:

- А Муза, эта..., она, как появляется?

- Ну, вы же писали дипломную работу, - говорю я. - Иногда Вам писалось, даже ночами не спали, а иногда... совсем не клеилось. Разве, не так?

- Так, - кивает он головой.

- Ну вот, Музы не было, поэтому и не писалось!

- Ы-х-ы, - с иронией глядит он на меня. - Музы, не было.

И потом, с сарказмом:

- А у тебя, она появилась. Муза, эта. С белой головкой, из военно-морского госпиталя. И ты, сразу же, стал писать свои записки.

И весело смотрит на меня.

- Да нет, - возражаю я, - писать я начал раньше.

- А когда начал писать? – делает он большие глаза. - Когда пришла, впервые, мысль, изложить все на бумаге?

- О-о-о-о, - иронично киваю я головой, - в пять лет.

- В пять лет? – поражается он. – Так, ты же еще не умел ни писать, ни читать в этом возрасте.

- Как раз, умел, - смеюсь я, - и читать, и писать. Но, конечно, не рассказы, а так, «Мама ела кашку, Петя ел как*шку».

Мы хохочем, потом я добавляю:

- Конечно, не тогда начал писать записки, но первая мысль, что надо писать книжку, именно тогда, в пять лет, и появилась.

И рассказываю ему, как в возрасте пяти лет, как-то шли по улице, в Бравичи, вместе со своей сестрой, Ленуцой, которая была на пять лет старше меня.

А в те времена у нас было заведено так, что если взрослые видят на дорогах или на улице одиноких детей, без сопровождения взрослых, то непременно спросят, чьи же они.

И вот, нас спрашивают, и сестра отвечает, что мы дети Митру Ярбэ.

- Ярбэ, в переводе с молдавского, означает трава, - объясняю я ему.

- Трава, а не бурьян? – удивляется он.

- Да, именно *трава*, - смеюсь я, - потому что *бурьян* и по-молдавски *бурьян*, хоть и произносится чуть по-другому.

И дядя, который спросил нас, чьи же мы дети, остановился посередине дороги, почесал себе затылок, долго подумал, и сказал, что не знает человека, проживающего в Бравичах, с такой фамилией.

Сестра заерепенилась, и заявила, что такой человек есть, он наш отец, а мы – его дети.

Дядя снова засомневался в том, что существует такой человек в Бравичах, и даже начал намекать, что мы его вводим в заблуждении, обманываем, и он будет поставлен в такой ситуации, что придется вести нас в милицию.

Ну, чтобы не допустить того, чтобы арестовали мою сестру, поскольку своим детским воображением слово «милиция» у меня ассоциировалось только с словом «арестовать», я, естественно, выступил вперед, выпячивая грудь, и заявил, что она пошутила, поскольку мы дети не Митру Ярбэ, а Митру Буриан.

- А, - обрадовался дядя, - так, вы дети Мошу Митру? Да, знаю такого!

Потом, посмотрел на меня, прикинул мой возраст и возраст моего отца, и поразился:

- А что, Мошу Митру, еще может?

- Может, как видите, - поставил я его на место, хотя вряд ли до конца понял его намек на слишком уж мощную, не по годам, потенцию отца.

Взял за руку сестру, будто не она была старше меня, а я ее, и увел от удивленного взгляда дяди.

Я знал, почему сестре не нравилась наша фамилия.

Это было связано с тем, что в школе, в ее классе, некоторые дети дразнили ее фамилией, добавляя разные синонимы, типа сорняк, и прочее.

Она страшно переживала, и решила поменять фамилию, чтоб ее не дразнили.

Даже в сельсовет ходила, но там ей сказали, чтобы подождала, пока станет совершеннолетней, и только тогда можно будет менять фамилию.

Но ждать совершеннолетия было долго, поэтому она решила на практике, без юридического оформления,

так сказать, сделать процесс изменения фамилии необратимым.

Особенно к ней приставал относительно фамилии какой-то Пашка Бумбу.

Бумбу, в переводе с молдавского, означает пуговица.

Вот он и ходил, с какой-то пуговицей, желтой такой, металлической, с звездочкой на ней, сорванной с какого-то военного кителя, и утверждал, что эта пуговка, не просто желтая, а золотая.

А поскольку пуговка золотая, то и фамилия у него особая, что означает, что происходят они от знатного рода, каких-то голубых кровей.

Не то, что какие-то, Буриан, которые могут происходить лишь от сорняка.

Зная, что сестра страшно переживает по этому поводу, я посоветовал ей, сказать этому Пашке Бумбу, если он снова пристанет к ней, что пуговицы бывают разные.

И не только золотые, но и железные, пластмассовые и даже деревянные и картонные.

И висят эти пуговицы, не только на кителях военных, но и на рубашках, жакетах и даже на кальсонах.

Поэтому, еще надо разобраться, от каких таких пуговиц происходит их фамилия и тянется их род, не от кальсонных ли пуговиц?

А насчет фамилии Буриан, посоветовал я ей сказать Пашке Бумбу, то бурьян бывает разный, и не только сорняк, но даже и лекарственные травы.

- И как сестра? - хохочет Осьмухин. - Сказала этому Пашке об этом?

- Наверное, сказала, - хмыкаю я, - поскольку скоро ее оставили в покое насчет фамилии, и она расхотела ее менять.

- И ты, тогда начал писать об этом? – с недоверием смотрит он на меня.

- Да нет, конечно, - хохочу я.

И серьезно:

- Но захотелось написать об этом именно тогда, чтоб все знали, что есть не только дурные травы, но и лекарственные.

- Ну, ты напишешь, - задумчиво говорит он через паузу.

- Вы, так думаете? – поднимаю я глаза на него.

- Уверен, - кивает он головой.

- Ну, если, Муза придёт, - смеюсь я, - то, непременно напишу.

- Придёт, придёт, куда она денется, - хмыкает он.

И умолкает.

- А, обо мне, напишешь? – поднимает он на меня глаза через какое-то время. – Ну, когда-нибудь.

- О мазе «Розенталь»? – с хихиканьем, смотрю я на него.

- Ты, что? – глазеет он на меня серьезно.

Но потом, после какой-то паузы:

- А что? Ведь, было такое, - и смотрит уже весело.

Потом, снова серьезно:

- Но ты, это, не очень-то..., ну..., в смысле деталей...

- Разумеется, - соглашаюсь я.

Мы беседуем еще какое-то время, потом прощаемся, и он уезжает в Пинск, к своей семье, а через два месяца я был уволен в запас и вернулся домой, в Молдавию.

Муза же, появилась позже.

Да и то, то появится, то пропадет.

Оно и понятно, что же люди скажут?

Муза, ночью, у мужчины...

Избранные заметки из записных книжек. Том 5. Шестое издание.

Да и днем, честно говоря, не очень-то ясно, какие истинные цели у этой Музы...

Бравичи, Молдавия, июнь 2011 года.

Из цикла
„Путешествие в прошлое“

*Ой, где был я вчера - не найду, хоть убей.
Только помню, что стены с обоями,
Помню, Клавка была и подруга при ней,
Целовался на кухне с обоими.*

*А наутро я встал -
Мне давай сообщать,
Что хозяйку ругал,
Всех хотел застраивать,
Что я голым скакал,
Что я песни орал,
А отец, говорил,
У меня генерал.*

*А потом рвал рубаху и бил себя в грудь,
Говорил, будто все меня продали.
И гостям, говорят, не давал продохнуть,
Донимал их блатными аккордами.*

Владимир Высоцкий
«Путешествие в прошлое»

* * *

Пинск, Белоруссия, 1973 год.
Ракетная база «Сенатор». Четвертая площадка.
Штаб 85-го гвардейского ракетного полка
стратегического назначения.

Служит в нашем полку капитан Перминов Николай Сергеевич. Помощником начальника штаба по несанкционированным пускам ракет.

Должность новая, введенная в штаты полка лишь год назад, после подписания в мае 1972 года Договора ОСВ, в котором, помимо всего прочего, содержалось и положение, которое обязывало стороны предпринять соответствующие меры для предотвращения несанкционированных пусков ракет, уменьшив, тем самым, опасность возникновения незапланированной, случайной термоядерной войны.

Нет таких слов, чтобы оценить, насколько важна была сама инициатива, как и ее воплощение в жизнь.

Дело в том, что, несмотря на то, что реальных случаев несанкционированных пусков ракет на тот момент еще не было, ни у нас, ни у американцев, попытки совершить таковые были зафиксированы по обе стороны океана, хоть и держались они в строжайшем секрете.

Как бы то ни было, Договор был подписан, обязательства были взяты на себя и оставалось воплотить их в жизнь.

С этой целью была создана специальная служба, позже получившая в народе название «службы ядерного

чемоданчика», щупальца которой распространялись от самого верхнего эшелона власти страны к исполнителям, то есть к тем боевым единицам, которые имели на вооружение эти смертоносные термоядерные заряды, от РВСН и стратегической авиации до подводного флота.

Разумеется, эта затея не обошла и наш полк, в штатах которого ввели новую должность, на которой и был назначен капитан Перминев.

Почему именно Перминева назначили на эту должность, а не кого-нибудь другого, более грамотного и расторопного, никто объяснять не мог.

И, хотя такие случаи бывали и раньше, не только в нашем полку, и не только в ракетных войсках, но и во всей Советской Армии, его назначение вызвало настоящий фурор.

Еще бы, ведь, с одной стороны, должность, на самом деле была архиважной, с другой же, трудно было найти более неорганизованного и постоянно растерянного офицера во всем полку, чем капитана Перминева.

К тому же, капитан Перминев не имел даже высшего военного образования, так как закончил он какое-то среднее, а не высшее, военное училище летчиков, сразу попав не в авиацию, а в ракетные войска, которые как раз тогда только-только формировались.

А в новые войска набирали, в основном, молодых лейтенантов, в надежде на то, что они лучше других освоят новую технику, превратившись, со временем, в настоящие ракетчики.

Так, в принципе, оно и происходило.

Но только не с Перминевым.

Он, конечно, прошел какие-то курсы *стартовиков* и его назначили старшим оператором стартового

оборудования в какой-то стартовой батарее, прослужив на эту должность пять или шесть лет, а потом, опять после каких-то курсов, был назначен начальником стартового отделения, в той же батарее, где, опять же, прослужил лет пять или шесть.

И вдруг, его назначают помощником начальника штаба по несанкционированным пускам ракет!

- Это, даже на анекдот не похоже, - морщился по этому поводу майор Осьмухин, заместитель начальника штаба полка, который невзлюбил капитана Перминева с момента их знакомства, бог знает, когда произошедшего.

Не был в восторге от своего нового помощника и сам начальник штаба полка, подполковник Сухоцкий Наполеон Матвеевич.

Но подбором кадров в новой службе занималась Москва, и возразить что-то против назначения капитана Перминева на соответствующую должность не мог не только штаб 85-го ракетного полка, но и штаб 31-й ракетной дивизии и даже штаб 50-й ракетной армии, куда обращался по этому поводу Сухоцкий.

В общем, смирились они с его назначением и лишь неодобрительно качали головой, притом молча, когда капитан Перминев совершал свои очередные *чуждачества* или занимался очередным *кудесничеством*.

Дело в том, что в этой новой службе лишь сначала был ажиотаж, когда привезли новые виды аппаратуры, предназначенные для блокировки определенных систем ракеты, с тем, чтобы без специального кода их нельзя было запустить.

Но после установки этой аппаратуры на ракетах, а также на командных пунктах полка и дивизионов, а также после ее доведения до штатного режима, Пермину, практически, нечего было делать до

момента, когда бы наступил час «X», и мы должны были бы запускать ракеты по заранее намеченным целям главного противника.

Разумеется, он участвовал в командно-штабных учениях и в других активных действиях полка, но бывало это не так часто, поэтому ходил он без дела, целый день, по четвертой площадке, не зная, куда деть себя от ничегонеделания.

К тому же, Москва предписала, что офицеров занимающие должности в этой новой службе нельзя было привлечь к несению дежурства, и Перминев, в отличие от других офицеров, даже и здесь имел льготы.

Притом, ему не хватало ума радоваться этому втихаря, а задибался, и даже пускал колкости в адрес тех офицеров, которые помимо основной своей службы, несли еще и боевое дежурство по пять, шесть, а то и семь раз в месяц, что отрывало их от дел и создавало дополнительные проблемы в семье.

Разумеется, Перминева за это не любили, притом почти все, хотя и снисходительно относились к его *геройствам*.

Что интересно, что сам Перминев пытался повысить свое среднее образование, поскольку отсутствие высшего военного образования препятствовало дальнейшему продвижению по службе.

Каким-то образом он поступил в Военно-инженерную академию, заочно, разумеется, но, проучившись там три или четыре года, был отчислен из-за неуспеваемости.

Но он не сдался, и поступил на заочный факультет какого-то высшего командного ракетного училища, но и там не продержался более трех лет, будучи отчислен за ту же неуспеваемость.

Но он еще больше заерепенился, и поступил на заочный факультет Военной Академии имени Жуковского, главной кузницы кадров для ракетных войск.

Когда я служил в 85-м ракетном полку, капитан Перминев учился уже на третьем курсе этой Академии, хотя у него были «хвосты» и несданные зачеты еще с первого курса.

Сам читал нелестные «отзывы» командования этой Академии, направленные в адрес командования нашего полка, о «плохом ученике Перминеве», так как шли они с грифом «секретно», чтобы наши враги и недруги не догадались бы, какие лопухи служат в ракетных войсках стратегического назначения.

Мне очень нравилось определение майора Осьмухина, очень четкое, емкое и, главное, справедливое, относительно качеств капитана Перминева:

- «Имеет три высших образования, правда, все неоконченные, где-то еще *на царя учится*, а в трех соснах не может разобраться!»

Как говорят, не в бровь, а в глаз.

И вот, героя нашего времени, капитана Перминева Николая Сергеевича, вдруг, ни с того, ни с сего, награждают орденом.

За что, почему, никто не знал, так как командование полка не представляло его к награде, а без этого представления и речи не могло быть о присвоении не то, что ордена, а самой обыкновенной медали.

Но должность у Перминева была особая, и подчинялся он не только командованию полка, но и своим начальникам, по своей службе, вплоть до того самого *ядерного чемоданчика*, который, разумеется,

находился в Москве, и, скорее всего, оттуда и было сделано соответствующее представление.

В Москве ему и вручили орден, а не в полку, как обычно, пригласив его туда для этого дела, специальным приказом, в котором числились и другие офицеры, занимающие аналогичные должности в полках не только нашей дивизии и армии, но всех РВСН.

Надо учитывать, что Перминев впервые награждался орденом, так как до этого он удостоивался лишь медалями, да и то, лишь памятными, и это известие его буквально окрылило

Оформив командировку на три дня, он помчался, на девятом небе от счастья, в Москву, за наградой.

Однако вернулся он в полк лишь через неделю, молчаливый, испуганный и страшно растерянный, притом без ордена.

Это было в субботу, и офицеров на четвертой площадке было мало, но те, которые были, попытались вызнать, что к чему, так как его вид не предсказывал ничего хорошего.

С большим трудом они его разговорили, и Перминев, сморкая и охая, поведал им свою историю.

Оказывается, на радостях, он сообщил о своей награде своим корешам-однокурсникам, которые работали где-то на Крайнем Севере.

Услышав про орден и про Москву, они взяли отпуск за свой счет и помчались в первопрестольную *обмыть* награду друга.

Естественно, это, должно было произойти непременно в бане, с огромным количеством водки и, разумеется, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Обмывали они орден три дня и три ночи, и лишь на утро четвертого дня разбрелись по разным московским вокзалам, укатив каждый в своем направлении, друзья – обратно, на Крайний Север, а капитан Перминов – домой, в Пинск.

Однако прибыв в Пинск, домой, на вопрос жены, где же награда, орденосеца ничего ответить не мог, так как ордена не оказалось ни на груди, ни в карманах.

Учитывая, что орден вручили не в нашу часть, а в другом месте, он должен был представиться командиру полка и начальнику штаба, доложить о награждении и, естественно, предъявить орден.

Катастрофа, так как возможные последствия абсолютно ясны – позор, увольнение из армии, притом без пенсии и без права носить воинскую форму, и т.д. и т.п.

Жена, и до этого, вероятно, натерпевшись от него, естественно, выгнала.

Притом, окончательно и бесповоротно.

Ну, куда деться *орденосецу*, притом без ордена?

Любовницы, вероятно, у него не было, так как была бы, наверняка *приперся* бы к ней, деваться было некуда, поэтому и прибыл в часть.

И вот, сидел он сейчас в нашей офицерской столовой, в присутствии командира дежурных сил полка, подполковника Нефедова и дежурного по полку, капитана Костырева, и изливал им душу.

- И где же орден, все-таки? – интересуется Костырев.

- Не знаю, - растерянно мямлит Перминов, и при этом выворачивает наизнанку карманы кителя.

- Не помню, ничего не помню! – сокрушенно добавляет он через паузу, угрюмо мотая головой, и процеживая, при этом, водку, маленькими глоточками,

из граненного стакана, в котором он ее, время от времени, доливал, из принесенной с собой бутылки.

- А может, друзья прихватили? – интересуется подполковник Нефедов.

- Нет, я им звонил, - так же угрюмо отвечает Перминев.
- Не взяли они орден.

- А, может, в бане остался? – добивает его капитан Костырев.

- Может быть, - устало кивает Перминев, - хотя я и туда звонил, они искали, и сказали, что нет.

И опять мотает, сокрушенно, головой, хватая ее двумя руками.

Потом, через долгую паузу:

- Я, вообще, ничего не помню.

И опять, сокрушенно качает головой.

- Помню, только как вручали, в главштабе РВСН, как встречался с друзьями и как поехали в баню.

- И в какую баню? – интересуется Нефедов.

- В Сандуновские, вроде бы, - сморкает носом Перминев.

Нефедов хмыкает, неодобрительно качая головой, а Перминев продолжает, чуть не плача:

- А потом, какой-то провал в памяти. Совсем не помню, что было в бане, да и после нее. Даже не помню, как в поезд посадили. Помню только, как в Брянске пересаживался на поезд Брянск-Брест. Это проводница меня разбудила. Наверное, ребята попросили, и она же передала в руки другой проводнице, которая разбудила меня уже в Пинске.

И угрюмо молчит.

Потом, через паузу, практически уже плача:

- А в Пинске – жена...

И замалчивает.

Потом, в сердцах:

- Стерва, такая! Выгнала из дому!

И опять сморкается.

- И куда мне сейчас???

Состояние его было такое, что мог и руки на себя наложить, поэтому подполковник Нефедов, человек сообразительный, принимает правильное решение:

- Тебе в баню надо, Коля, вывести всю эту дурь из себя. Может, и вспомнишь, куда дел свой орден.

Перминеv поворачивает к нему голову и, почти трезвым голосом, выдает:

- В баню – это идея! Может, я там орден найду!

- Конечно, найдешь, - соглашается Нефедов. - Сейчас я тебе ее устрою, эту баню.

На четвертой площадке своей бани не было, мы ходили мыться во второй дивизион, который находился от нас километров в 7-8 по прямой, через болота, и 12 километров по бетонке, которая делала круг, огибая болото.

Нефедов звонит дежурному по второму дивизиону и распоряжается растопить баню, потом дает указание, кому сопровождать в баню капитана Перминева, так как пустить его туда одного нет резона, да и опасно.

Сопровождающими оказываются прапорщик Михаил Присяжнюк, старшина ББО, который оказался под рукой, а также один старлей из второго дивизиона, который *куковал* там из-за того, что поскандалил с женой, и та не пускала его домой, по каким-то делам заехал на *четверку*, и ждал попутного транспорта, чтобы добраться обратно в дивизион.

Выделяется дежурная машина, которая отвозит орденосца Перминева, провинившегося перед женой старлея и куска Присяжнюка в баню.

В бане уже все готово.

Там, собрались еще несколько офицеров, которым нечего делать, и все уже обо всем знают.

Лица печальные и задумчивые. Все уже раздеты и ждут виновника печального торжества в предбаннике.

Перминев здоровается, и медленно и печально начинает раздеваться.

Сначала снимает фуражку и, сдувая с нее воображаемую пыль, кладет на полку, потом снимает плащ, парадный костюм с дыркой от ордена, ботинки, брюки и, наконец, снимает рубашку, оставаясь лишь в майке и трусах.

Картина Репина — на его майке, в районе живота, засверкал орден.

Вероятно, во время трапезы в бане, они сняли орден с кителя и прицепили его к майке, чтоб удобнее было любоваться им.

Это логично: не бегать же каждые пять минут в предбанник, и радостно глазеть на орден, привинченный к кителю. Его сняли с кителя и привинтили к майке.

И, конечно, забыли об этом.

Да и как помнить-то, ё-мое, при таком количестве водки, выпитой за три дня непрерывной обмывки награды в бане?

Все заржали и полезли поздравлять орденосца.

Но Перминев, увидев орден, сразу же прицепил его на кителе, благо дырочка уже там была проделана, быстро

оделся и, даже не попрощавшись, укатил в город, показать жене орден.

Однако, та даже не пустила его в квартиру, плюнув, в сердцах, на него, через дверную щель.

Орденосеиц, опечаленный, вышел на улицу и пошел гулять, куда глаза глядят, по пинским переулкам.

На каком-то перекрестке он встретил Клаву, нашу машинистку с полкового печатного бюро, которая выгуливала свою болонку, и выведал и ей свою трагическую историю.

Клава, дама одинокая, но сердобольная, постоянно, днем и ночью, мечтавшая спасти какого-нибудь впавшего в отчаяние мужика, сразу пожалела его и взяла к себе жить.

Как ни странно, Перминеу и на этот раз все сошло с рук.

Да, и к чему было придирааться?

Орден был найден.

В бане напиваются все.

То, что отсутствовал четыре дня на службе, не имело значения, так, как и когда он находился на этой самой службе – все равно, ничего не делал.

Разлад семейных отношений в расчет можно было также не брать, так как он, сразу же, приступил к созданию новой ячейки советского общества. То, что еще не успел расписаться с Клавой, так это дело житейское, сами разберутся.

Так, за что же наказывать, спрашивается?

И остался капитан Перминев и дальше служить в нашем полку, внеся в нашу жизнь неуверенность в завтрашний день и сомнения в справедливости пути, по которому следует наша могучая держава.

Бравичи, Молдавия, июнь 2008 года.

**Из цикла
„Страсти по «Стрелам Амура»”**

*Я теперь на девок крепкий,
И теперь одною меткой
Я всех баб равняю как одну:
Пусть у ней во лбу семь пядей,
Пусть при полном при параде,
Встречу бабу – в сторону сверну.*

*Был я раньше тоже хлипкий –
Провожал я их с улыбкой,
Даже, помню, год с одною жил.
А теперь пройду не глядя –
Мне плевать, что ейный дядя
Раньше где-то в "органах" служил.*

*Баб держу я в чёрном теле,
А чтоб лечь в одну постелю –
Этим меня можно насмешить.
Даже если умоляет,
Даже в экстренном случае –
Очень меня трудно уложить!*

Владимир Высоцкий
«Я теперь на девок крепкий»

* * *

Пинск, Белоруссия, апрель 1974 года.
Ракетная база «Сенатор», Четвертая площадка.

Уже подходит к концу служба в армии. Два года пролетели как один миг.

Мы уже готовимся к *дембелю* и все наши думы и разговоры – только о *гражданке*.

О том, кто и куда пойдет учиться дальше, кто и как собирается устраиваться на работу, и так далее, и тому подобное.

Ну, и о женщинах, естественно, говорим, поскольку за два года пребывания в лесу мы совсем одичали от их отсутствия.

Но разговоры нейтральные, так как среди нас - нет охотников, раскрывать свои чувства перед коллективом.

Исключение составляет, пожалуй, лишь Ваня Смирнов, старший табельщик продовольственной службы полка.

Он маленького роста, практически квадратного формата, и когда двигается по казарме, такое ощущение, что между койками ползет самоходная большая картонная коробка.

Правда, с своеобразной продолговатой длиной дыркой, вертикально расположенной в нижней части стенки коробки, поскольку у Вани были невероятно кривые ноги.

Даже стоя по стойке смирно эта кривизна замечалась, так как между ног, на уровне коленок, у него образовывался проем шириной с ладонь, а может и больше, хотя его щиколотки, обутые, естественно, в сапогах, были прижаты вместе, как и полагалось по уставу.

Ваня женат и у него есть ребенок.

Призвали его на военную службу с четвертого курса Тамбовского университета, не дав, почему-то, доучиться ему и закончить это учебное заведение.

Наверняка, за неуспеваемость, поскольку был он тугодумом и вряд ли блестел в своем универе учебными показателями, однако Ваня твердил, что у него были проблемы с деканатом, конкретнее – с самим деканом, из-за его якобы чересчур *принципиальной позиции*.

- И по какому вопросу проявлялась твоя *принципиальность*? – ехидно интересуется Вова Карпенко

- По всем вопросам, - с серьезным видом отвечает Ваня, и мы начинаем хихикать, так как о его «принципиальности» мы знаем не понаслышке.

- Да волки они там все, *волки тамбовские*, - с сарказмом, но разыгрывая серьезность, добавляет Володя Овсянников. – Вот и решили отправить подальше Ванечку от своей любимой супруги, для того, чтобы самим приблизиться к ней.

Ваня наливаются краской и, по-звериному, смотрит на Володю, но тот даже и не думает пугаться, а невозмутимо смотрит на него через свои «профессорские» очки.

- В Тамбове, волки? – округляет глаза Мишка Новаковский. – Да нет там волков, давным-давно! Там одни *папуасы* живут. Вот, Ваня, самый яркий представитель их племени.

- Точно, папуасы! – сверкает глазами Вовка Гусев.

- Хотели кушать Кука, а съели Ваню! - под общий хохот добавляет он.

- Они думали, что он станет Коком, если в армию призовут, - сквозь слезы добавляет Вова, - а Ваня лишь накладные выписывает, с продсклада, нашему Коку. Но и за это, его тоже съели!

Все хохочут, но Ване не до смеху.

Имея одного ребенка, Ваня все рвался в отпуск, чтоб «отклепать» еще одного, как образно выражался он, в надежде на то, что его выпустят «отсюда».

Он прожужжал нам уши по этому поводу, так как, по закону, если у солдата срочной службы имелись двое детей, то полагалось освободить его от дальнейшей службы в армии и уволить в запас.

Но майор Иллариошкин, его начальник, не пускал его в отпуск, мотивируя это тем, что Ваня незаменим.

- И что ты будешь делать на гражданке без сухарей, при двоих-то детей? – язвим мы, намекая Ване на то, что, якобы, можно обойти Иллариошкина, и обратиться напрямую к его начальнику, подполковнику Бушмакину, начальнику тыла полка, который, может и смилостивится, и решится отпустить подопечного Иллариошкина домой, на «медовую неделю», притом, даст в подарок несколько десятков мешков с сухарями.

- Что-что, - недовольно бурчал Ваня. - Найду что делать.

Однако, нашим намекам он не верил, так как Бушмакин был непробиваемым, как танк, и вряд ли удалось бы нам его уговорить отпустить Ванечку в «медовый» отпуск без согласия Иллариошкина.

На продскладе полка и дивизионов скапливалось невероятное количество сухарей, так как входили они в

рацион «сухого пайка», который полагался офицерам в командировки, но от которых практически все отказывались.

Ваня был ответственен за хранение этих самых сухарей и таскал их к нам целыми мешками.

Вот и сейчас, сидим в казарме, в «ленинской комнате», пьем чай, грызем сухари и издеваемся над Ваней, несмотря на то, что и чай, и сухари – из НЗ, то есть из неприкосновенного запаса, и достал все это нам именно Ваня.

- А ты поинтересуйся, Ванечка, может там уже кто-то помог «отклепать» ребеночка? – ябедничает Вовка Карпенко. - Зачем пересилить себя? *Нафиг* тебе отпуск, если *супружеский долг* могут отдать и другие.

- Точно! – вставляет Мишка Новаковский. - Роды то, бывают и аномальные...

- Какие еще аномальные роды? – пучит глаза Ваня.

- Какие, какие... - дразнит его Мишка.

Он делает паузу и, с умным видом, изображая лектора, который читает лекцию, начинает:

- Роды бывают нормальные, а также ранние, поздние и аномальные.

Мы смотрим на него с интересом, в ожидание *хохмы*.

Ваня сопит, но тоже смотрит с интересом, хотя и *волком*, так как ждет подвоха, но какого, пока не догадывается.

- Нормальные роды, - *академически* продолжает Мишка, это роды, которые происходят через 9 месяцев после зачатия.

И делает паузу.

Все ждут продолжение, а Ваня даже прекращает сопение и во все глаза смотрит на Мишку.

А тот, с таким же умным, *академическим* видом, продолжает:

- Ранние роды – это когда жена рождает за два месяца до свадьбы.

Мы хихикаем, но Ваня фыркает, так как это его не касается: его ребенок появился вовремя, аккурат именно тогда, когда и полагалось.

Кроме того, правда, по его же словам, ребенок как две капли похож на него самого.

Наверное, такой же, квадратный, и с такими же кривыми ногами.

- Поздние роды, - продолжает Мишка, - это когда жена рождает через три года после смерти мужа.

Мы пускаемся в хохот, но Ваня смотрит с издевкой на Мишку, так как это тоже не его тема: - он же, пока, живет всех живых.

- А бывают и аномальные роды, продолжает невозмутимо Мишка, - когда вместо жены рождает соседка, или секретарша.

- Или *Зайчиха*, - под общий хохот добавляет Колька Злобин.

Ваня, не вникая до конца в анекдотичность момента, начинает хорохориться и доказывать нам свою *крутость*:

– Вот, вы хихикаете, а между прочим, сегодня уже два с половиной месяца, как мы с *Зайчихой* каждый день *кувыркаемся!* По два раза в день!!!

Кувыркаться, на жаргоне Вани, - это заниматься сексом.

Наверняка, где-то на необъятных просторах продовольственной службы полка, имеющая невообразимое количество помещений, забитых всякими деликатесами и раритетами, Ваня нашел

Вообще, женщин, на нашей четвертой площадке было всего пятеро.

Валя-буфетчица, у которой были такие *буфера*, что ББО-шники и связисты шлялись около буфета целый день, в надежде поглазеть на них, а также и на нее, в целом, так как мордашка была у нее симпатичной, а глазки, с бесовскими искорками, так и *стреляли* по сторонам.

Но держали дистанцию, так как была она замужем за одного из наших офицеров, старшего оператора машины подготовки то ли 7-й, то ли 8-й стартовой батареи второго дивизиона.

Появлялся он на четвертой площадке три раза в день: утром, провожая Валю от проходной до буфета, в обед, чтоб «разведать обстановку», как шутил Осьмухин, и вечером, провожая ее от буфета до проходной, где вместе садились в полковой автобус или в кунг, который вез их в Пинск.

Он с таким свирепым видом смотрел вокруг себя, провожая свою драгоценную супругу к буфету и обратно, что желающих *домогаться* ее практически не было, хотя *стреляла глазами* она по сторонам даже и в его присутствии, особенно обращая свой взор на высоких и статных солдат и офицеров.

- *Ущербная женщина*, - хмыкнул как-то майор Осьмухин, неодобрительно качая головой, перехватив ее взгляд в мою сторону.

И через паузу:

- Ты, это..., будь поосторожней! Слышишь?

- Да ну, - ворчу я недовольно, - нужна она мне, как козе баян.

- Во-во! - хихикает Осьмухин. - А я, о чем?

И через паузу, с ехидством:

- Вообще, они у нас устраиваются на работу не для того, чтоб работать, а чтобы выйти замуж. Некоторые – во второй раз, а то и в третий и четвертый.

Я молча киваю головой.

Из пятерых женщин, служивших на четвертой площадке, лишь Валя-буфетчица замужем.

Да и то, если учитывать, как она стреляет глазами по сторонам, оценивая нас, и одновременно меря, высокомерным и издевательским взглядом, своего супруга-лейтенанта, то было ясно, что она, не только не прочь просто *покувыркаться*, но и поменять *имидж* и *подданство*, как метко выразился Витька Дудин.

В библиотеке полка служила другая вольно-наёмница - Нина Геннадиевна, особа очень холенная и неординарная.

Было ей лет 22-23 и была она высокой и стройной, что не могло остаться незамеченным не только у нас, в обществе одичавших от отсутствия женского облика солдат, но и в обычном обществе, то есть на гражданке.

Одевалась она изысканно, со вкусом, но так, чтобы все ее *прелести* были, все-таки, заметны.

С нами говорила тихим, мягким голосом, меря всех внимательным взглядом, через очень *интеллигентные очки*, которых, нет-нет, да и поправит, элегантно оттопырив мизинец и, якобы смущенно, опуская глаза.

По-моему, в этих очках были обычные стекляшки, а не настоящие диоптрии. И носила она их не по нужде, а просто так, для *форса*.

Во время нашего посещения библиотеки, она очень ненавязчиво интересовалась нашим прошлым и будущим, обращая особое внимание на наши дальнейшие возможные перспективы, не говоря уж о

семейном положении, но мы дипломатично держали безопасную дистанцию с ней, так как знали, что она уже два раза была замужем и у нее трое детей.

- Первый – от первого мужа, второй – от второго мужа, а третий – ее, собственный, – язвил Витька Дудин по этому поводу.

Но ей удалось, все-таки, усыпить внимание какому-то связисту со станции ЗАС, то ли телефонной, то ли телеграфной, успевший прослужить лишь полгода до этого. Она влюбила его в себя, забеременела, поженила его на себя, освободила от дальнейшей воинской службы, так как связист вмиг оказался отцом троих детей, и укатила вместе с ним в его родную деревню, где-то на Алтае или в Оренбуржье.

- *Библиотечничать, с пуховым оренбургским платком на шее*, – хмыкал Осьмухин по этому поводу, весело махая головой.

В печатном бюро у нас служили еще две вольнонаемницы – Клава Пстойко и Валя Батюшко.

Клаве было лет 35-36, она была разведена, и у нее был сын, лет 16-17, который, как говаривали, избивал до крови всех ухажеров своей мамаша, не давая ей возможности устроить дальнейшую личную жизнь, может супружескую, а может просто сексуальную.

Работала она у нас *по инерции*, как хмыкал Мишка Новаковский, так как выйти замуж за кого-то ей никак не светило: для солдат она была явной *старушкой*, а для офицеров, которые практически все были женаты – возможным *балластом*, так как внешне была она непривлекательной, и, поэтому, не представляла для них особого интереса.

Может, за исключением капитана Перминова, которого жена выгнала из дому за потерю то ли медали,

то ли ордена, по-пьяному, в бане, а Клава пожалела его и взяла к себе жить.

В связи с этим событием, Мишка Новаковский не упускал случая подпевать, как бы при себе, но во всеуслышание, известные фольклорные стихи, при появлении Клавы на территории четвертой площадки:

*Ах, Клава, ах милая Клава
Так видно судьбой решено
Орла променяла, шалава
Орла, на такое г*вно!*

Клава делала вид, что ничего не слышит, гордо подымала голову и шла дальше, по тропинке или по бетонке, направляясь к штабу, или идя оттуда.

Мы с Витей неодобрительно смотрели на Мишку, а Осьмухин, если в этот момент оказывался где-то рядом и слышал его песню, весело, но молча все-таки, махал головой.

Как лошадь, слева направо.

Но машинисткой была она классной, так как печатала вслепую, с невероятной скоростью, умудряясь, при этом, не делать ошибки.

И это, невзирая на то, что выкуривала по три пачки папиросок в день, обрамляя и засыпая себя пеплом с ног до головы, так как вытряхивать его в пепельницы, которых, вокруг нее, было штук пять или шесть, она не всегда успевала.

То, что она печатает почти без ошибок, особо ценил Витька Дудин, так как он отвечал в секретной части полка за размножение секретных документов.

Дело в том, что любые бумажки с печатного бюро, хоть чистые, хоть испорченные, а также обычная копирка, являлись учетными, и передавались по реестру утром, перед началом работы, и вечером, по ее окончанию.

А испорченные бумаги, то есть те, на которых были тексты с ошибками, надо было уничтожить в первую очередь, притом в тот же день, составляя при этом акты об уничтожении и так далее, и тому подобное.

Короче, морока.

При том, эта морока, должна была бы происходить в присутствии Клавды, что Витьку совсем не радовало, поскольку, помимо всего прочего, была она нудной, и слушать ее нытье и постоянные жалобы было просто невмоготу.

Зато эту мороку он с невероятным удовольствием терпел от Вали Батюшко, другой машинистки печатного бюро полка.

- Она, по-моему, специально делает ошибки, чтобы почаще сдавать испорченные бумаги Дудину, - ворчал Мишка Новаковский, явно завидуя Витьке, а может даже и ревнуя его к Вальке.

Вале было лет 20, и была она невероятно красивой, с высокой, статной фигурой и с осиной талией.

Правда, бедра ее были слишком уж развитыми и крупноватыми для такой талии, 90х60х120 как бы определили сегодня ее формы.

Но Витька, именно из-за этого, чуть не терял сознание, наблюдая, как играет юбка, или платье, на ее *буферах*, сзади, когда она с Клавой возвращалась с обеда, цокая каблучками по бетонке.

Мы, в это время, коротая послеобеденный перерыв, забирались на покрытый травой противоатомный

бункер-убежище для вольнонаемных, который находился сбоку от здания штаба полка.

Сняв с себя гимнастерки, подставлялись под лучи солнца, в надежде на то, чтобы хоть чуть-чуть позагорать, трава при этом анекдоты и куря неизменную «Приму».

Услышав цокот Валиных каблучков, Витька сразу терял интерес к нам, поворачивался со спины на живот, приподнимался на локтях и начинал *шпионить* за ней, вздыхая, часто и глубоко, от перенапряжения.

- Пульс у него под 200, наверное, - хмыкал Новаковский, и мы начинали хихикать, глядя на переживания Витьки.

Но он лишь рукой махал в нашу сторону, как бы защищаясь от назойливой мухи, и продолжал наблюдение за объектом своего вождения, тяжело вздыхая и сокрушенно, время от времени, качая головой.

Когда машинистки заходили в здание штаба, Витька еще какое-то время продолжал лежать на животе, придерживая свое тело на локтях, потом тяжело вздыхал, переворачивался и садился на траву.

- Боже мой, - охал он, сокрушенно качая головой. - У нее *попа* - как *братская могила!* Вы и понятия не имеете, что это такое!!!

Мы взрывались в хохот, но Витька, вероятно, так и не переключив свои мысли и мечты от Валиных достопримечательностей, с недоумением смотрел на нас, а потом, с сожалением, кивал неодобрительно головой, критически глядя в нашу сторону: «мол, *ни фига* вы не понимаете, ребята!».

В свои 20 лет Валя умудрилась два раза выйти замуж и два раза развестись, не имея при этом детей, так что, была

она вполне приличной невестой *на выданье*, даже несмотря на ее неудачные замужества.

Тем более, что и замужем-то была она всего по месяцу каждый раз.

В принципе, да и по логике, могла бы она и не выйти замуж, и иметь за это время не два, а десять мужиков, а то и больше, каждый по месяцу, просто так, без замужества, так что Витку не интересовало ее прошлое.

Его интересовало ее настоящее. И страшно переживал, что никак не может *соприкоснуться* к этому ее настоящему.

Валя, несмотря на прошлые промахи, была довольно разборчивой, так как от природы была не глупой, а очень даже сообразительной, хотя и страшно доверчивой, и с интересом смотрела вокруг себя, выискивая возможного кандидата на новое замужество.

Витька ей тоже нравился, и даже очень, поскольку был он высоким и стройным блондином, идеально сложенный атлетически, чем-то напоминавший красавцев-артистов немецких довоенных фильмов, не говоря уж о том, что был он грамотным, очень начитанным и с хорошо развитым чувством юмора.

Да и не могла она не заметить его повышенный интерес к себе, так как Витька, так и пялился на нее, во все глаза, выставив напоказ свои чувства.

Вместе с тем, этот слишком уж повышенный интерес Витьки к себе ее пугал, и поскольку у нее еще был какой-то выбор, она не теряла время зря и выводывала о нас, что к чему.

- А ты, почему такой неприветливый со мной, Саша? – поднимает она взгляд с «Ятраня» на меня, прекращая цоканье клавиш, и поправляя, как бы невзначай, подол юбки, прикрывавший ее крепкие колени и невероятно

стройные ноги, оголив их, тем самым, еще больше, а не прикрывая, как бы полагалось по задумке сделанного движения.

- Почему неприветливый? – хмыкаю я. – Вот, закончим работу, и будем приветствовать друг друга.

Валя печатает сводку комплексных занятий полка и делает это в моем присутствии, поскольку сводка совершенно секретная, так как связана со снижением боевой готовности тех стартовых батарей где будут проводиться эти самые занятия, и в ней указаны даты и сроки, когда это произойдет, а также те ракетные части, которые возьмут на это время наши цели, которых придется уничтожить в случае, не дай бог, ядерной войны.

Поэтому, я сижу напротив нее, пока она печатает эту сводку, и потом забираю от нее все бумажки, а также копиру, через которую выводятся второй и третий экземпляр сводки.

На сводке, в самом конце последнего листа, указывается в скольких экземплярах она напечатана, где, кем и когда, а также куда направлен каждый экземпляр.

В случае же допущения ошибок при печатании, мы вместе с ней должны уничтожить испорченные бумаги и копии, составляя при этом соответствующий акт об уничтожении документов, который потом утверждается начальником штаба и поступает на хранение в секретной части полка на «N-ое» количество лет.

Для уничтожения секретных документов есть специально отведенное место – это небольшое строение из кирпича, прямо за зданием штаба, где сооружена металлическая печка, в которой мы и сжигаем документы, по акту.

Разумеется, это строение оборудовано замками не только снаружи, но и изнутри, как и любое помещение, где хранятся секретные документы, и по инструкции положено закрываться, когда идет процесс уничтожения документов.

- А может, мне сделать *ошибочку*, и пойдём *приветствовать* друг друга прямо сейчас? – спрашивает Валя.

Она смотрит мне прямо в глаза и, интуитивно, я чувствую, что она искренна и готова на такой проступок.

Но не готов я.

Дело в том, что меня не удовлетворяет чисто штабная работа, и добровольно, с разрешения начальника штаба, я участвую в разных *активных мероприятиях* полка.

Из-за этого, не так давно я повредил себе коленку, сорвавшись с установщика 8У210 при установке ракеты на пусковой стол, угодил в военно-морской госпиталь, где познакомился с медсестричкой, белая головка которой снится мне, с тех пор, по три раза за ночь.

Поэтому, у меня даже и мысли не возникают о возможности использовать подвернувшийся случай.

- Ну, если допустишь *ошибочку*, - говорю я, то на уничтожение документов пойдешь с прапорщиком Капицей, а не со мной.

- Фу! – недовольно морщится Валя, услышав про Капицу. – А тебе, слабо?

- Нет, не слабо, - смеюсь я, - но у меня есть кто-то.

- И ты, верен ей? – смотрит она пытливо.

- Как видишь, - киваю я головой.

- А она тебе? – внимательно смотря мне в глаза, интересуется Валя.

- Наверное, - не очень уверено мямлю я.

- Вот, такие вы, мужики, - сокрушенно качает она головой. - Если хороший, - то хороший, если честный, - то честный, хоть сейчас выходи замуж!

И через секунду, вздыхая:

- А если уж *мудило* - то *мудило* на все 100%

- Ладно, - говорю я миролюбиво, - делай свою *ошибочку*, я Витьку пришлю. Может, удастся вам, все-таки, *поприветствовать* друг друга, а то у него инфаркт может приключиться, от чрезмерного сердцебиения по тебе.

- Да, Витька очень хороший парень. Но он так смотрит на меня, что я боюсь, - и морщит губки.

- К тому же, он пялится на меня при всех! Это все видят, а мне не нужны проблемы на работе, - дуется она дальше.

- Вот и объясни ему об этом сама, - киваю я головой, - а то он как *лось*, во время *весеннего спаривания*...

- Да уж, вам бы только *спаривание*, - парирует она, - хоть весной, хоть круглый год.

Но, по ее виду, не скажешь, что это самое *спаривание* ей противопоказано или каким-то образом не нравится.

- Так как с *ошибочкой*? - интересуюсь я, притягивая к себе телефон внутренней связи. - Вызвать Витьку?

- В другой раз! - возражает Валя, став серьезной.

Она вздыхает, приближает сводку к себе и начинает снова, вслепую, свое цоканье клавишами.

Думаю, сделала, наконец, она эту *ошибочку*, так как Витька в скором времени стал пропадать во время обеденного перерыва, приходя откуда-то весь взмыленный, уставший и невероятно счастливый.

Валя стала тоже какой-то другой, умиротворенной, что ли, но тоже счастливой, так как ее глаза светились как-то по-особенному, не так, как раньше.

Какова была их дальнейшая судьба я и понятия не имею, но в моей памяти они навсегда остались юными, беззаветно стремящиеся друг к другу.

Вот и весь состав женщин нашей четвертой площадки.

Ну, и *Зайчиха*, конечно.

Короче, получился у Вани второй ребенок, которого он так жаждал, правда, от *Зайчихи*, а не от жены, так как в отпуск он, так и не попал.

Жена его, законная, когда и до нее докатилась эта весть, подала на развод и, естественно, на алименты.

А поскольку Ваня служил в продслужбе на должность прапорщика, то ему полагалось, как солдату срочной службы находящегося на такой высокой должности, денежное довольствие в размере аж 28 рублей 80 копеек.

Разумеется, в дальнейшем, каждый месяц, согласно постановлению суда, бухгалтерия полка должна была бы вычислять из его «зарплаты» 25%, то есть 7 рублей 20 копеек, направив их по почте, переводом, бывшей его супруге.

Издавательство, конечно, относительно суммы алиментов, но такова была суровая действительность.

Женился ли он на *Зайчихе*, или нет, и успела ли бухгалтерия полка перечислить что-то *на алименты* из его зарплаты, понятия не имею, так как в мае я *дембельнулся*, а Ваня остался служить еще полгода, как раз к моменту рождения второго своего ребенка, от *Зайчихи*.

Занялся бы он немножко раньше с *Зайчихой* кувырканьем, гляди, могли бы и освободить его от дальнейшей службы, в связи с необходимостью

Александр Буриан. Блокнот в "Norton commander".

содержать обе семьи, а так, пришлось Ване отслужить
весь срок, от звонка до звонка.

Бравичи, Молдавия, июнь 2008 года.

Из цикла
«Честь шахматной короны»

*Я кричал: «Вы что там, обалдели? -
Уронили шахматный престиж!»
Мне сказали в нашем спортотделе:
- Вот, прекрасно — ты и защитишь!*

Владимир Высоцкий
«Честь Шахматной Короны»

Бравичи, Молдавия, ноябрь 1976 года.
Первенство Каларашского района по шахматам.

Предстоит первенство района по шахматам, и нас, местных шахматистов, приглашает к себе директор совхоза-завода «Бравичи» Дмитрий Георгиевич Тирон, мастер спорта международного класса по вольной борьбе.

Он большой любитель спорта и многое сделал для нашего села, превратив местный стадион в настоящую спортивную арену, с хорошо оборудованными спортивными площадками не только для футбола, но и для баскетбола, волейбола, и даже регби, что для нас что-то новое, не до конца понятное, но страшно интригующее.

Не говоря уж о том, что построил настоящие трибуны для зрителей и сделал ограду вокруг стадиона, вызвав тем самым негодование местных бабушек и старых дев, которым негде стало пасти своих коз, не говоря уж о стаях домашних уток и гусей, потерявших, тем самым, свое излюбленное место для моционов.

В шахматах он не очень силен, но, будучи настоящим спортсменом, с большим уважением относится к тем, кто хоть что-то рубит в этой древнейшей игре. Поэтому, он нас опекает, и постоянно пытается включить нашу команду в различные соревнования и чемпионаты.

Вот и сейчас, узнав о предстоящем районном чемпионате по шахматам, он бросил все свои совхозные дела и пригласил нас к себе.

«Нас» – это, в принципе, трое: я, Коля Брэгуцэ, инженер по технике безопасности совхоза, и Нина Гиндэ, преподаватель русского языка и литературы в местной школе.

Мы, то есть те трое, перечисленные выше – это «бравичская шахматная элита» на том этапе.

Как это ни смешно звучит, но это правда, поскольку понятие «элита» очень неопределенное, как бы ни старались нам втолковать о каких-то «стандартах» в этом отношении.

Ведь, своя «элита», притом во всех аспектах и проявлениях человеческой жизни, существует во всех местностях, будь это местечко *Fook You*, в штате Огайо, или городок *Spit on all*, в штате Мичиган, в США. Или же деревня *Ебалово*, в Ивановской области, или райцентр *Тмутаракань*, что на Таманском полуострове, в России. Или же – наши *Бравичи*, не говоря уж о *Луна Рече*, *Пояна Куличий* или *Валя Попей*, что в Молдавии.

Разумеется, есть «элита» местная, районная, областная, штатовская, республиканская и так далее и тому подобное, и даже мировая. К тому же, своя элита бывает, как у музыкантов, художников, литераторов, так и у представителей других профессий, и даже представителей разных *хобби*, в том числе шахматной. Но все это лишь частности, которые подтверждают общее правило.

Короче, директор совхоза подбивает нас участвовать в районном первенстве по шахматам.

Нас это вполне устраивает.

Во-первых, стоит помериться силами, на шахматной ниве, с другими, такими же чокнутыми, как и мы, любителями этой древнейшей игры.

Во-вторых, это дает возможность хоть на пару дней отойти от повседневных забот, связанные с нелегкой преподавательской работой в сельской школе. Притом, за счет родной советской власти, которая поддерживает идею о развитии «здорового духа в здоровом теле».

А почему бы и нет? И что в этом плохого?

В-третьих, я никак не дождусь встретиться на этом самом первенстве с Ионом Катэнсус, «шахматным светилом» Каларашского педучилища.

До этого, я пару раз ставил его на лопатках, шахматных, разумеется, хотя и проиграл ему несколько раз, после чего в нашу бравичскую школу зачастили проверки из РОНО, где трудится его благоверная жена.

Директор нашей школы, Николай Петрович Веверица, человек хитрый и сообразительный, но мелочный, ушлый и мстительный, сразу смекнул, в чем дело, и после второй же проверки из РОНО намекнул мне, что не стоит *ерепениться*, и продемонстрировать свои «деревенские принципы морали», а надо бы найти «компромиссный вариант».

Я, по своей молодости и неопытности, а может и по дурусти, ответил ему со смешком:

- Спорт есть спорт, Николай Петрович. Сами ложитесь под него, если такой любитель компромиссов.

Директор ничего мне не ответил, но после этого случая перестал со мною здороваться, оглядывая при встрече холодным, немигающим взглядом.

Мы, втроем, представляли неплохую команду на местном уровне, так как имели в своем составе Нину. Она, по-настоящему, была сильной шахматисткой.

Возможно, она добилась бы больших результатов на шахматной ниве проживи бы не в наших Бравичах а где-нибудь в Кишиневе, в Москве или, скажем, в Нью-Васюках.

Во всяком случае, на третьей доске, на которой обычно играли представительницы прекрасного пола, ей не было равных на районном уровне.

Поэтому, мы беспокоились лишь о том, как быть нам на первой и второй доске, на которых предстояло играть мне и Николаю.

В общем, мы правильно рассчитали свои силы, поехали на первенство и выиграли его, став чемпионами Каларашского района по шахматам, и получив соответствующие дипломы, грамоты и кубки.

Вернувшись домой, в Бравичи, мы были встречены директором совхоза, который предложил, не мудрствуя лукаво, отметить сей праздник, то есть наше чемпионство, в местной сауне, «для других закрытой», как пел, примерно в то же время, Владимир Высоцкий.

Мы согласились, так как это считалось нормальным делом в те времена. Более того, мы с Николаем, почему-то посчитали, что Нина откажется от приглашения - все-таки замужняя женщина, но она даже и не подумала блюсти такие старомодные традиции, ущемляющие права свободномыслящих представительниц слабого пола, и *поперлась* в сауну первой, впереди нас.

Попарились мы на славу, умудряясь соблюсти все рамки приличия, возможные при посещении такого заведения разнополыми особями.

И вот, мы уже ослабленные после пара, раз пятнадцать рассказываем друг другу о том, как на двенадцатом ходу я так *запердолил* конем Катэнсусу, что тот - аж прослезился, а Нина так *зажала*, двумя пешками, свою *визави*, что та подняла не только руки, но и ноги.

- В настоящем смысле этого слова, - хохочет Коля Брэгуцэ. - Я даже заметил цвет ее трусов.

- И какого же цвета ее трусы? - интересуется Тирон, большой знаток цветовой гамы женского белья.

- Оранжевого! - хохочет еще сильнее Коля. - Как фуфайки у пожарников.

В это время в нашу комнату появляется Нина, с волосами собранные в пучок, вокруг которых привязано полотенце, а вокруг тела - какое-то, буквально несуществующее, прозрачное от влаги, простынь.

Она смотрит на нас недовольно, и выдает:

- И долго будете еще болтать не по теме?

- Как это не по теме? - удивляется Николай.

- Ну, когда в одном месте собираются и мужчины, и женщины, - говорит Нина, глядя на него недовольно, - не очень-то прилично говорить о своих победах, забывая о главном.

И через секунду, безапелляционно:

- Праздник надо продолжить!

- О каком это, главном? И, как еще, продолжить праздник? - растерянно мямлит Николай, показывая руками с растопыренными пальцами на стол, заваленный бутылками и прочей закуской, но глядя на ее позу, а также на ее недвусмысленное одеяние, начинает соображать, о чем может идти речь.

Он краснеет, это видно даже на его порозовевшем лице после пара, растерянно разводит руками в стороны, и беспомощно смотрит на меня и на директора совхоза.

Мне не до подвигов, так как не так уж давно развелся, и новыми приключениями я не жажду, поэтому молча и невозмутимо смотрю на всех.

Директор, более всех нас продвинутый в проблематике «продолжения праздников», правильно оценивает ситуацию, и миролюбиво говорит:

- Нина, не порть праздник. - И через паузу, с каким-то явным намеком: - Будут еще дни.

- Дни были, и наверняка еще будут, - молвит Нина монотонным голосом, отстраненно кивая головой. - Но праздника не было, и не будет!

И поворачивается, и уходит.

Мы, смотрим, друг на друга, с недоумением пожимаем плечами, выпиваем еще по пятьдесят грамм двадцатилетнего коньяка и отправляемся домой.

На второй день встречаю Нину в школе, но она не отвечает на мое приветствие.

Взгляд какой-то отсутствующий. Она смотрит на меня, будто через стекло, будто меня совсем нет.

Это, между прочим, продолжается, по сей день.

Еще бы! Такой праздник испортил.

Бравичи, Молдавия, июнь 2009 года.

Пинск, Белоруссия. Сентябрь 1973 года.

Ракетная база «Сенатор». 85-й ракетный полк стратегического назначения. 4-я площадка.

Воскресенье. Послеобеденное «окно», когда каждый занимается, чем хочет: кто пишет письма домой и любимым девчонкам, кто подшивает воротничок к завтрашнему утреннему осмотру, кто разбирает фотки в «дембельском» альбоме, кто книжку читает, а кто просто смотрит в потолок, прикидывая, можно ли достать плевком до самого верха.

По телеку идут какие-то передачи про соцсоревнование, фильм в клубе будет лишь вечером, карты и азартные игры запрещены, поэтому, от нечего делать, многие «режутся» в шашки и шахматы.

Среди шахматистов большинство начинающие, которые лишь постигают азы этой древнейшей игры, но есть «асы», и «короли», которые играют в шахматы вслепую, в уме. Такие - есть и у нас, и в РГБ.

РГБ - это так, для отвода глаз - 857 Ремонтно-техническая база, а на самом деле, отдельная войсковая часть, 23493, отвечающая за ядерный боезапас на нашей ракетной базе.

То есть, полк, 85-й ракетный, который также отдельная войсковая часть, 18279, отвечает за ракеты, а РГБ - за ядерные головные части ракет, а проще - боеголовки.

Это мудрое решение приняли с тем, чтобы какой-нибудь *придурак*, поссорившись с тещей или любовницей, не смог бы нажать кнопку «пуск», от отчаяния или от «неразделенной любви», направив доверенную ему ракету на «супостата», начав тем самым третью мировую войну.

Решение мудрое еще и потому, что этим соблюдается режим секретности: и в полку, и в РТБ, имеется своя секретная часть, где хранится техническая документация наших «изделий». То есть, ракет и боеголовок, а также любая другая информация, составляющая государственную тайну.

Поэтому, мы понятия не имеем, что представляет собой ядерная боеголовка, хотя и пристыковываем ее к нашей ракете перед пуском, а они очень смутно представляют себе наши ракеты, хотя и вертятся около них, оберегая свои боеголовки.

Решение не менее мудрое, еще и потому, что это своеобразное дублирование приказов на пуск, в час «Х», избегая тем самым несанкционированные пуски ракет, поскольку команда на пуск ракеты идет параллельно, к каждому подразделению отдельно, от своего руководства в Москве, и дублируется через Смоленск и Пружаны.

А оно у нас разное: мы, то есть ракетный полк, подчиняемся Главному штабу РВСН и, по нисходящей, 50-й ракетной армии, штаб которой в Смоленске и 31-й ракетной дивизии, штаб которой в Пружанах. А они, то есть РТБ, подчиняются 12 Главному управлению Министерства обороны, и соответствующим структурам, по нисходящей, в Смоленске и в Пружанах.

Как ни странно, такое двойное-параллельное подчинение нам совершенно не мешает выполнять стоящие перед нами боевые задачи.

Более того, мы дружим и практически являемся одним коллективом, несмотря на то, что юридически вроде бы отделены, так как расположены вместе, начиная от штаба и командного пункта, где у каждой войсковой части есть свои отдельные кабинеты и помещения, и кончая казармами, столовыми, клубами и другими элементами войсковой инфраструктуры, которые вообще являются общими.

Вместе с тем, между полком и РТБ традиционно и постоянно идет какая-то непримиримая «детская» конкуренция, что главнее в РВСН, ракеты или боеголовки. Разумеется, это распространяется на всю нашу повседневную жизнь, в том числе и на шахматы.

Еще с 60-х годов сформировались две «сборные» по шахматам, полковая и ртб-шняя, состав которых меняется, в зависимости от призыва и от кадровых перестановок, но азарт и противостояние остается.

Подполковник Кириллов, главный инженер РТБ – ветеран этого противостояния, постоянный участник и зачинщик шахматных баталий. Он возглавляет сборную РТБ, хотя и не играет на первой доске, так как в этом призыве есть более сильные шахматисты, чем он.

Нашу сборную возглавляет майор Гузь, начальник топогеодезической службы полка. В ракетчики он попал из артиллерии, внеся в нашу жизнь аккуратность, точность и компанейство.

Мы с ним примерно равны, но он, по «джентельменски», уступает мне место на первой доске. Таким образом, он получает возможность громить, в

«честном бою», как выражается он, своего постоянного соперника Кириллова.

Сегодня вслепую играю я и Колька Злобин, шифровальщик РТБ.

Он маленький, щупленький, лопоухий, но энергии в нем – целый вагон. К тому же, матерится без разбору. Особенно во время игры, когда ему мешают или подсказывают.

- Ну что, *бля?* – напряженно смотрит на меня Злобин.
- Поехали?

- Ну, поехали, - чуть издевательски отвечаю я, - раз ты так просишь.

И через секунду добавляю:

- *Бля!*

- Кто белыми пойдет? - сверлит меня глазами Злобин, но уже без добавления своего привычного «*бля*».

- Кто-кто, - ворчит Кириллов. - Конь в пальто! - и бросает вверх копейку.

Традиционно – мы «орлы», хотя на копейках давно уже нет таковых, а красуется герб СССР, а РТБ – «решка».

Кириллов ловит копейку, хлопком припечатывает ее на тыльной стороне своей руки и вопросительно смотрит на нас, ожидая, что мы начнем гадать, какой стороной она легла на его руку.

Но мы молчим и с удивлением смотрим на него, поскольку необходимости гадать, какой стороной припечатана она к его руке, нет.

Надо лишь фиксировать, притом в открытую, всем народом, как судьба распределилась на этот раз, поскольку мы давно разделились на «орлов» и «решки».

-А-а-а-а! – доходит, наконец, и до Кириллова суть нашего молчания, и он поднимает руку с прижатой монетки и, ею же, этой рукой, стучит себя по лбу.

На тыльной стороне другой руки остается уже неприкрытая монетка, и мы все приподымаемся и смотрим, во все глаза, как она там расположилась.

Там блестит герб «союза нерушимого» и все ракетчики, облегченно вздыхают: сегодня белыми будем ходить мы.

«Головастики», как мы любовно называем ртб-шников, дуются, так как им достались черные фигуры. Но жизнь есть жизнь, и судьба есть судьба, поэтому они не спорят, а расставляют фигуры на шахматной доске и готовы повторить наши ходы, сделанные вслепую, в уме, превращаясь в «болельщики».

У нас, ракетчиков, тоже есть свои «болельщики», которые имеют свою доску, на которые расставляют фигуры, в соответствии с нашими ходами.

В этом, вроде-бы, еще раз проявляется наше противостояние, так как, даже общую шахматную доску не хотят использовать вместе. Но думается, это делается больше для удобства, а не ради противоборства, так как, временами, за нашими спинами, следят за нашей игрой даже на трех-четырёх досках, при этом, абсолютно не делясь на ртб-шников и полковых.

- Ну, что замешкались? – трется Кириллов, почти галопом расхаживая, туда-сюда, по комнате. – Начинайте, наконец, *мать вашу!*

Подполковник Кириллов тоже любитель матерится, притом тоже без разбору, даже не обращая внимания на слетевшие с его уст слова. Делает он это автоматически, без какой-либо злобы, и его слова не адресованы кому-либо конкретно, а так, в воздух, к *святому духу*.

- Давай, Саня, давай! – подбадривает меня Гузь, в азарте протирая руки.

Ребята, ракетчики, за его спиной, энергично кивают мне своими *репами*, и жестами показывают, что я должен делать с Злобиным.

Ртб-шники примерно то же самое советуют и Злобину. Относительно меня.

В этих жестах сконцентрировалась вся мудрость и дурасть человеческой цивилизации, от *анперкота* до *Кама-сутры*.

Дверь в зал приоткрывается, и в ней показывается голова зам начштаба майора Осьмухина. Он рассматривает критичным, оценивающим взглядом всю собравшуюся здесь ораву, и недовольно хмыкает:

- Взрослые люди, вроде бы, а чепухой занимаются!

- Иди, Коля, иди, занимайся своими планами боевой подготовки и боевой готовности, - ворчит Кириллов. - Хотя-бы ты, не мешай сконцентрироваться.

Осьмухин награждает его деланно-недовольным взглядом, потом переводит его на остальных, рассматривая всех смешливо-критичным взором, и останавливается на меня.

- Ты, это, - мнется он, - когда закончите всю эту *херню*, - и кивком головы показывает на разложенные шахматы на досках болельщиков, - зайдешь ко мне. Если не буду в штабе, найдешь на командном пункте.

Я молча киваю головой.

- «*Какая свадьба без баяна, какой Осьмухин без Бурьяна*», - торжественным голосом декламирует Гузь.

И, уже радостно:

- Наконец, нашел недостающую фразу в частушке.

Все взрываются в хохот.

Осьмухин напряженно смотрит на Гузя, что-то прикидывая и раздумывая, потом в его глазах

появляются искорки смеха. Наверное, вспомнил, что Гузь составляет частушки о буднях нашего полка.

- Боевую тревогу организовать вам, что ли? – задает он вопрос как-бы в пространство, то есть, ни к кому конкретно не обращаясь.

И через секунду, с явным сарказмом:

- А то, я могу! – и хлопает дверью.

Сегодня он «505 -й «Сенатора». Это на эзоповском языке. А если по-настоящему, то он командир дежурных сил полка и ртб, и устроить нам учебную боевую тревогу абсолютно в его силах и в его компетенции.

Майор Гузь иронично смотрит ему вслед и, молча, но с явным сарказмом, пожимает плечами.

Потом переводит свой, уже вопросительный, взгляд на меня.

- Пешка d2 - d4, - наконец произношу я, решившись сыграть голландскую партию.

- Пешка f7 - f5, - моментально отзывается Злобин, принимая мой вызов.

- Пешка e2 - e4, - продолжаю я.

- Пешка f5 : e4, - бьет Злобин мою пешку, переходя на защиту Ривьера.

- Конь b1 - c3, - продолжаю я, через паузу, выводя кавалерию вперед.

- Конь d6 - e3, - отзывается Злобин через какое-то время.

- Ты чего, *бля?* Конь так не ходит! – взрывается Кириллов, тыкая пальцем в шахматную доску, развернутую за нашими спинами, на которой ребята аккуратно переставляют фигуры, повторяя наши ходы.

- Да пошел ты, *на*уй!* – спокойно реагирует Злобин, ушедший мыслями в шахматное царство и даже не обративший внимание на то, кто это сказал.

Кириллов, не произнеся ни слово, даёт ему подзатыльник.

Злобин, удивленно, поднимает на него глаза и, с расстановкой, выдает:

- Всё, товарищ подполковник. *Все шахматы рассыпали!* Теперь сами и играйте! – подымается и уходит.

Ржали до вечера. Аж, до слез.

Бравичи, Молдавия, июль 2009 года.

**Из цикла
«Ученье – свет!»**

Студентом Федя очень был настроен
Поднять археологию на щит -
Он в институт притаскивал такое,
Что мы кругом все плакали навзрыд.

Привёз он как-то с практики
Два ржавый экспонатика
И утверждал, что это - древний клад.
Потом однажды в Элисте
Нашёл вставные челюсти
Размером с самогонный аппарат.

Владимир Высоцкий
«Наш Федя с детства связан был с землею»

Кишинев, Молдавия, июнь 1977 года.

Учусь в Кишиневском государственном университете на историко-юридическом факультете заочного отделения.

Название, какое-то сумбурное, поскольку эти две специальности никак не соприкасаются между собой, и каждая из них имеет свою отдельную программу, своих отдельных преподавателей и, естественно, свои, особенные особенности, простите уж, за тавтологию.

Во всяком случае, за три года учебы на этом факультете, я ни разу не столкнулся с юристами напрямую, кроме, разве что, случайных встреч в коридорах общего корпуса университета.

Это было связано с какими-то требованиями Минобразования относительно количества обучающихся студентов, для получения статуса факультета.

Вот, и объединили историков с юристами, хотя могли бы объединить их, хоть с физиками, хоть с химиками.

Такую же ситуацию я встречал не раз. Хоть, в Москве, когда я учился на факультете экономики и права УДН, уже на юриста, и где с экономистами мы встречались также лишь в коридорах университета, хотя, якобы, учились на одном и том же факультете. Хоть и позже, когда я руководил Институтом истории, государства и права Академии наук Молдовы, где связи юристов с историками вообще никакой не было.

Однако, как бы там ни было, но тогда, в семидесятые годы, нас совсем не волновало название факультета, какое бы оно ни было, так как для нас было важно лишь то, что оно включало в себе понятие история.

Волновали нас другие проблемы, в основном связанные с формулой преподавания профильных дисциплин и с уровнем квалификации профессуры, которая читала нам эти дисциплины.

Вполне естественно, что, как всегда и как везде, были они разной квалификации, начиная с настоящих профессионалов, преданных своему делу и знающие толк в своей дисциплине или в той отрасли науки, которыми они занимались, и кончая проходимцами, заслуженное место которых было бы где-нибудь на базаре, продавать щавель или шиповник, а не то чтоб преподавать в университете.

Однако, «влиять на процесс - мы никак не могли», как выражался один из наших сокурсников, поэтому воспринимали все как есть, пытаясь лавировать между хитросплетениями бюрократической системы управления университетским образованием и расшатанной системы научно-педагогического метода подготовки исторических кадров, которые к середине семидесятых были прочно взаимосвязаны и переплетены.

Удавалось нам это не всегда. Но мы, будучи реалистами, не теряли надежду и предпринимали все новые и новые попытки, достичь вершину «исторической науки», с тем, чтобы, освоив ее, преподавали бы впредь ее премудрости, сельской и городской молодежи в общеобразовательных школах,

благо среднее образование в СССР было в то время не только бесплатное, но и обязательное.

Группа подобралась у нас боевитая, так как почти все преподавали историю в сельских и городских школах, и «были в теме», как выражаются сейчас некоторые столпы науки.

К тому же, более половины историков-заочников уже имели педагогическое образование, так как заканчивали до этого одну из пяти педагогических училищ Молдавии – Оргеевское, Каларашское, Сорокское, Липканское или Кагульское.

Нам, окончившие педучилища, с их жесткой и хорошо продуманной системой подготовки педагогических кадров, университетская система казалась «детской», так как многое из того, что нам пытались втолковать, мы давным-давно уже знали, а то, чего не знали, и хотелось бы узнать, уже им не всегда удавалось нам втолковать.

Притом, не всегда из-за нашей расхлябанности и беспшабашности, а чаще всего из-за их «кадровой политики», которая уже прочно шла к «застою», определение, появившееся позже, но обозначающая процессы, происходившие ранее.

Вместе с тем, желание получить образование было велико, и основная масса студентов тех времен, в отличие от современных, шли на определенные лишения, сочетая работу с учебой, временами вопреки личным или семейным интересам.

Вспоминается случай, произошедший на нашем факультете на одной из экзаменационных сессий, когда воедино сплелись в целый клубок все противоречия существующей системы заочного образования: желание учиться, трудности и обязательства по работе, семейные

неурядицы, принципиальность и, временами, тупость преподавателей.

Была в нашей группе студентка, которая, своим поведением, как бы отделялась от всех остальных. Не то, чтоб была необщительной или «себе на уме». Наоборот, вела себя вполне нормально по нашим, студентов-заочников, понятиям. Вместе с тем, была она какой-то отстраненной, ушедшая в свой мир, который был каким-то далеким, неизвестный нам.

В экзаменационных сессиях она участвовала как все, присутствовала на лекциях, отвечала на семинарах, сдавала зачеты и экзамены. Притом, не хуже других, а даже лучше, с некоторыми проблесками, которые демонстрировали не только ее желание получить диплом, но обзавестись и знаниями.

Но тяготило ее что-то, то ли семейные неурядицы, то ли проблемы на работе, то ли еще что-то, то ли все вместе взятое.

Как и в любом другом вузе, у нас были «проблемные» лектора. То есть, такие, у которых сдавать зачет или экзамен было очень и очень непросто.

Одним из них был проректор по заочному обучению Потлог Владимир Иванович.

Читал он нам историю Греции и историю Рима и читал он здорово, так как ходили мы гурьбой на его лекции, слушая, с затаенным дыханием, его повествования о греческих жрицах, о жителях острова Лесбос, о римских правителях и организуемые ими оргии, и разумеется, о лошади-сенаторе, знаменитом Инцитате, любимого коня императора Калигулы, назначенный им римским сенатором.

Вместе с тем, Владимир Иванович был очень требовательным, и сдать ему зачет считалось большой удачей, а экзамен – просто геройством.

Правда, его принципиальность, временами, переходила грань разумного, так как жизнь есть жизнь, и если кто-то и забыл, а может просто не знал, сколько было любовниц у Цезаря или, что ел по утрам Александр Македонский, то это еще не означало что сей индивид далек от исторической науки, и его надо гнать в шею из университета.

Но, Владимир Иванович требовал свое, и требовал он это основательно, возвращая студентов по пять-шесть раз с зачета или экзамена, обычно, с одной и той же формулировкой: «иди, учись».

И вот, добрался он и до нашей студентки, которую вернул пару раз с какого-то реферата или контрольной, не поставив ей зачет.

Пришла она на очередную сдачу контрольной вместе со своим ребенком, полуторагодовалой девочкой, вероятно простуженной, так как она, нет-нет, да и кашляла, деликатно прикрывая рот своей ручкой и печально, как бы с извинениями, глядя на нас своими бирюзовыми глазами.

Скорее всего, не с кем было оставлять девочку дома, и матери пришлось взять ее с собой в университет. Вряд ли взяла она ребенка с собой с другими целями, так как, были бы у нее такие замашки, ходила бы на все экзамены с дитем, вызывая жалость у преподавателей. Но это было впервые.

Заняв очередь, а надо сказать, что очередь на экзамен у студентов-заочников особенная, похлеще чем очередь в винные магазины во времена горбачевской эпохи борьбы с пьянством, она стойко выдержала ее, и оставив

ребенка на попечение коллег, вошла в кабинет к Потлогу.

Что он ей сказал, и что там было, доселе неизвестно, но буквально через пару минут она вышла оттуда, забрала свою дочурку на руки и вернулась, уже с ней, к Владимиру Ивановичу.

Дверь осталась открытой, и нам было видно и слышно из коридора дальнейшее развитие событий.

Пристроив девочку на проректорском столе, прямо напротив удивленно смотревшим за всем этим Владимиром Ивановичем, она тихо, но решительно, говорит ему:

- Значит, Вы говорите, что надо учиться. Я согласна с этим. Пойду учиться! А Вы посидите, пока, с моим ребенком.

И выходит.

Владимир Иванович, растерянно, выбегает в коридор, и бросает ей вдогонку:

- Девушка!

Но та не отворачивается.

- Э-э-э..., Женщина!

Та идет дальше.

- Товарищ! Возьмите своего ребенка и свою зачетку!

Но та и не думает вернуться.

Тогда Потлог, в отчаянии, кричит:

- Я уже проставил зачет! Вот, посмотрите! – и бежит к столу, берет зачетку, пишет там что-то, потом выбегает в коридор и машет ею над головой.

Та возвращается, берет зачетку, смотрит, проставлен ли зачет, или нет, забирает плачущего ребенка со стола и уходит.

Особые проблемы с Потлгом возникали при защите курсовых работ, так как был он неумолим, и мог возвращать работу хоть десять раз, пока текст курсовой, и особенно ссылки и библиография не приводились в надлежащий порядок.

Я выбрал тему касательно действий оппозиции в армии Александра Македонского, просидел несколько вечеров в республиканской и университетской библиотеках, не говоря уж о бравичской, где я был «своим», и представил ему работу в срок, ожидая что меня постигнет такая же судьба, как и всех остальных коллег.

Правда, я не просто переработал найденный материал на эту тему, перефразируя давным-давно известные истины, а попытался отразить свое видение проблемы и даже умудрился сделать несколько выводов.

Сдав ему работу, я ожидал, что будет какая-то беседа, дискуссия, однако Владимир Иванович забрал у меня те три 24-страничные тетрадки, в которых от руки были внесены мои ценнейшие мысли, критически оглядел их и, подняв на меня глаза, произнес:

- На следующей неделе приходи.

Когда же, через неделю, я зашел к нему, он посмотрел на меня с каким-то непонятным интересом, и спросил:

- А чем Вы занимаетесь, вообще?

Я рассказал ему коротко, свою простую, на тот момент, биографию, после чего он, заинтригованно, поинтересовался:

- И никогда не писали, или не пробовали писать, научные работы, статьи?

- Да нет, - смеюсь я.

- Никогда-никогда? – пристально смотрит он на меня.

- Ну, я же сказал, что нет, - растерянно отвечаю я. - Ну, разве то, что я помогал своему шефу, в армии, писать дипломную работу, по истории партизанского движения на Пинщине, то есть в Пинской области Белоруссии.

- То есть, ты писал ему работу? - смотрит он мне в глаза.

- Да нет, что Вы! - усмехаюсь я. - Он был достаточно серьезным человеком и всю работу сам сделал. Но я помогал ему в редактировании, в пере-формулировке каких-то мыслей, в уточнении выводов. Ну, и печатал ее, разумеется, на машинке.

- Ну, что ж, - резюмирует он. - Если напишешь еще что-то, принеси, с удовольствием прочитаю.

И протягивает мне зачетку, где стояла жирная пятерка в графе напротив курсовой.

Разумеется, я вышел оттуда окрыленный, однако в скором будущем понял, что отлично сданная курсовая может принести не только радость, но и другие ощущения, и что она может означать не только решение каких-то проблем, но и появление новых, возможно даже неприятных.

Дело в том, что Владимир Иванович продолжал возвращать студентов на доработку своих курсовых работ, как и раньше, но теперь, уже с использованием моей работы, в качестве, так сказать, иллюстративного материала.

- Вэй, Саша, - говорит мне, в один прекрасный день, на чисто молдавский лад, один коллега, студент-заочник. - Что ты написал такое, что Владимир Иванович возвращает меня уже четвертый раз и не хочет принять курсовую работу.

Я пожимаю в недоумении плечами.

- Он все время сует мне под нос какие-то замусоленные тетрадки. Такие, по 24 страницы, знаешь? И все время повторяет: - «Вот это – работа, а то, что ты принес – фигня!»

- Ну и что?

- Да ничего! – кричит он. – Он говорит, что это - твоя курсовая.

- Ну и что, если моя?

- Как это что? – поражается он. – Из-за нее, он нам возвращает курсовые, и грозит, что не примет их, пока не сделаем такими же, как у тебя.

- Может, все дело в тетрадях? – смеюсь я.

- В каких тетрадях? – округляет он глаза.

- В каких-каких, - ворчу я, ели сдерживая хохот. – Ты в какие тетради написал курсовую?

- Ну, в обычные, двенадцатистраничные, - растерянно мямлит он.

- Во! – победоносно объявляю я, поднимая вверх указательный палец. – А надо было в 24-страничные. Перепиши, и он сразу примет.

- Я попробую, - радостно соглашается он.

Не знаю, переписал ли он свою курсовую в предложенные мною тетрадки, или нет, но с Владимиром Ивановичем, после этой курсовой, у меня на протяжении всей учебы не возникало каких-либо проблем, и все контрольные, зачеты, экзамены я сдавал с первого раза, вызывая зависть, а иногда и негодование у некоторых коллег.

Однако, с другими лекторами проблемы возникали, да еще какие!

Историю Молдавии читал нам Сымботяну Константин Александрович.

Читал он свои лекции невыразительно, скучно, так как зачитывал текст с каких-то замусоленных бумажек, которых раскладывал на трибуне, в какой-то, одному ему известному, порядок.

Притом, прикрывал их большим, первым томом Истории Молдавии, академического издания, а их было два, один с обложкой зеленого, другой синего цвета, которые он всегда таскал с собой.

Но мы тоже были не лыком шиты, и на очередную перемену, когда он выходил в коридор, к окну, отдышаться, подходили к кафедре, где он оставлял свои драгоценные фицуйки, и перемешивали их, как только могли, нарушая всякий порядок в их расположении.

Возвращаясь с перемены, он начинал искать именно ту бумажку, с которой читал нам перед звонком, чтоб продолжить дальше изложение материала.

Но тщетно! Найти никак не удавалось.

Он кряхтел, сопел, вытаскивал платочек и вытирал проступивший на лоб и на шею пот, снова начинал копошиться в бумагах, снова доставал платок и вытирался, но всегда это кончалось одним и тем же: он снимал очки, протирал их платочком и снова одевал. Потом, глухо кашляя, чтоб подправить голос, объявлял:

- В общем, такое дело, уважаемые товарищи. Я забыл, что мне надо присутствовать на очень важное заседание кафедры.

И, через маленькую паузу, со значением:

- Там будет обсуждаться одна кандидатская диссертация. Так, что, извините.

Забирал с кафедры свои манатки, и быстро выходил.

- Плохо, что не две диссертации там обсуждают, - кричали мы ему в след, но он никак не реагировал на наши колкости.

Однако на экзаменах он расправлялся с нами, как мог, мстя, по-иезуитски, за переворошенные записки и конспекты и за высказанные нами эпитеты.

Как бы мы не отвечали на вопросы по билету, у него всегда были дополнительные, по хронологии.

Хронологическая таблица истории Молдавии: даты, события, личности, место, время.

Была такая. И находилась эта таблица не где-нибудь, а в каждом томе академического издания Истории Молдавии, с которыми Сымботяну не расставался никогда.

Технология задавать нам вопросы была проста, как и все гениальное. Впрочем, как и методика проверки правильности ответов.

Соответствующий том истории, где была та самая хронологическая таблица, он держал не на столе, а на коленях, чтоб мы не видели, чем и как он пользуется.

Он держал указательный палец на какой-то год, указанный в Хронологической таблице, и спрашивал, что же было тогда-то.

После этого, он двигал палец вправо, где было указано событие, которое произошло в тот год, и терпеливо ждал ответа.

Или же, менял свой палец на ряд, где говорилось о каком-то молдавском господаре или о какой-то революции, или народном восстании, и, с умным видом, интересовался, когда же это было.

При этом, он двигал палец уже влево, где был указан год этого события, и терпеливо ждал ответа.

Услышав ответ, он опускал взгляд на книгу, смотрел на цифры или текст, которые находились выше ногтя своего указательного пальца, и если они соответствовали услышанному, сопел, недовольно фыркал, и переходил к следующему вопросу, то есть году, или событию.

И опять повторял всю процедуру, точь-в-точь.

Когда я сдавал ему экзамен по истории Молдавии, все происходило как всегда: вопросы по билету, а потом - «хронологическое избиение», как называли студенты-историки эту процедуру.

Ответил я на несколько десятков вопросов, и слева направо, и справа налево, и думал, что проскочил.

Однако, бывает же на свете *закон подлости*. И он заработал.

После того, как Сымботяну задал очередной вопрос, и я ему ответил, кто-то из студентов, сидевшим в зале и готовившимся к сдаче экзамена, задал ему какой-то уточняющий вопрос. Повернувшись, всем телом, чтобы ответить спрашивавшему студенту, Сымботяну нечаянно передвинул книгу, которую держал на коленях, и его указательный палец, который он держал на уровне графы, где был мой уже озвученный ответ, также передвинулся, то ли выше, то ли ниже, но все равно, к другому году и другим событиям.

Ответив студенту, он повернулся ко мне, и попросил повторить ответ, что я и сделал.

Он спустил взгляд в книгу, к своему драгоценному пальцу, и увидел там несоответствие.

Это, почему-то, страшно его обрадовало.

- А вот, и нет! - с ухмылкой, объявляет он мне, сверкая, от удовольствия, глазами.

- Палец соскочил, - говорю я невозмутимо.

- Что?

- Палец, говорю, соскочил с того ряда, где был первоначально, и указывал на правильный год, - и глазами показываю на книгу, которую он держал на коленях. - А сейчас показывает на другой год. Потому, что соскочил.

Он с непониманием смотрит на свой палец, потом на меня, потом снова на свой палец, так и покоившийся в дебрях хронологической таблицы.

Постепенно до него начинает доходить смысл произошедшего, и он начинает наливаться краской.

Молча смотрит в книгу. Сопит.

Потом решительно берет со стола мою зачетку и ставит там жирную двойку.

Я понимаю, что говорить что-то - бесполезно, поэтому молча забираю зачетку и выхожу.

Двойка в зачетке - это ЧП, так как ставить туда положено только положительные оценки. Двойки, если таковые есть, ставятся только в экзаменационные ведомости.

Разумеется, на факультете возникает скандал, создается комиссия, и я пересдаю экзамен.

Председатель комиссии - Мошану Александр Константинович, завкафедрой истории Молдавии, ставший впоследствии спикером первого Молдавского парламента, члены комиссии - Бойко Петр Артемович, декан факультета, и Сымботяну Константин Александрович, герой нашего времени.

Я отвечаю на вопросы по билету, мне задают еще какие-то дополнительные вопросы, но до хронологической таблицы мы не доходим, хотя я ее знаю неплохо, так как, во-первых, это необходимо знать преподавателю истории, во-вторых, мне нравится

история, а ее невозможно знать без знания хронологических дат.

Кроме того, я не жалуясь на память, и мне все это дается легко.

Посоветовавшись между собой, мне объявляют вердикт.

- Ты знаешь больше чем на четыре, - говорит Мошану, председатель комиссии, - но нас не поймут, - и показывает глазами куда-то наверх, то ли на второй этаж, то ли, в самую-самую, небесную канцелярию.

Но видя мой недоуменный взгляд, добавляет:

- Ну, после того, как в зачетке была двойка.

- Тогда, надо было ставить лучше тройку, - говорю я, с сарказмом. - Не сомневаюсь, что тогда еще правильное поняли бы Вас! - и показываю глазами наверх.

Беру зачетку и удаляюсь, с намерением хлопнуть дверью.

Так, чтоб, аж окна задребезжали.

Давно хотел я этого делать, и вот, появился случай!

Но тут, как назло, папка с учебниками и конспектами вырывается у меня из-под мышки, куда я ее пристроил, и на ковре рассыпается все хозяйство, находящееся там.

Я наклоняюсь, чтоб собрать это, и краешком глаза замечаю следующую картину:

Бойко, молча, но с восторженным взглядом, наблюдает за мной, как собираю с пола упавшие конспекты.

Мошану, сидит как оплеванный, и такое ощущение, что он готов попросить обратно зачетку, чтоб поставить туда пятерку, или снова двойку, хрен его знает, но никак не решается на такой проступок.

Сымботяну, оправившись, смотрит по-петушиному на всех, и победоносно объявляет, показывая пальцем в мою сторону:

- Я же говорил, что он наглый и невоспитанный!

Я же, собрав наспех конспекты и книги в охапку, понимаю, что хлопнуть *эффектно* дверью в данной ситуации никак не получится.

Ну, кроме, разве, что *фарса*, естественно.

Поэтому, не прощаясь и не проронив ни слова, удаляюсь.

Но устраивали мы на факультете, временами, и чисто мальчишеские проказы, хотя были мы уже в зрелом возрасте, почти все после армии, а некоторые даже были женаты и имели дома по двое-трое детей.

Разные выходы проделывали мы со многими преподавателями, но особое удовольствие получали мы при стычках с Никулицэ Ионом Тимофеевичем.

Преподавал он нам археологию и, в отличие от многих других преподавателей, свой предмет любил и знал в нем толк.

Это мы ценили, и с интересом ходили на его занятия. Хотя, ходить на его занятия, было необходимо и по другим причинам. В то время не было учебника по археологии на молдавском языке, а Никулицэ не хотел читать нам по русским учебникам, и зачитывал нам на лекциях свой курс археологии, на молдавском.

Стремление, впрочем, абсолютно нормальное, так как надо было, раньше или позже, иметь и свои учебники по этой, необходимой для исторической науки дисциплине.

К тому же, он не признавал какие-либо другие источники, кроме своих лекций, и сдавать ему экзамен можно было, лишь прослушав их, вживую, так сказать.

Впрочем, говорят, что он до сих пор не признает никаких других научных трудов по археологии, кроме своих, родимых.

Не берусь утверждать, что это именно так, но на него это похоже.

Исходя из того, что археология довольно сложный предмет, особенно в том, что касается периодизация различных эр развития человеческой цивилизации, Никулицэ разработал какую-то свою систему периодизации, и пытался нам все это втолковать на своих лекциях.

Для того, чтоб не тратить, зря время на различные объяснения, он использовал довольно простую методику обозначения главного и второстепенного в своих речах, используя различную интонацию и различную силу голоса.

Это, возможно, и экономило какие-то секунды, а может даже и целые минуты, в его драгоценное время, отведенное на прочтение лекций, однако у нас, как обычно, вызывали смех его выкрики, которые обозначали различные эры, этапы и периоды исторического развития.

Особенно доконал он нас с ледниковым периодом – периодически повторяющийся этап геологической истории Земли, продолжительностью в несколько миллионов лет.

Эр было не так уж и много, но этапов – множество, к тому же, почти все разделенные на ранние, средние и поздние, поэтому выкрики, с различной интонацией и различной силой голоса, звучало все больше и больше, что не могло не вызывать у нас улыбок, а то и хохота.

Диктовал он свои конспекты монотонным голосом, чтоб мы успевали записывать и, вдруг, крик: *Гюнци!*, и сразу же, монотонным голосом, дальше. И снова: *Миндель!*, и опять монотонно дальше.

Очень уж напоминали его крики пение, по утрам, наших деревенских, важных и надменных, петухов.

Обычно, услышав хихиканье или хохот в зале, он моментально поднимал взгляд, устремляя его в то направление, откуда это происходило, для того чтоб определить виновника веселья.

Это могло окончиться плачевно, поэтому на лекциях мы старались воздержаться от проявления вслух своих чувств. Однако во время перемен отыгрывались на полную катушку.

Он был некурящим, поэтому не выходил на улицу, а всю перемену ходил по коридору, прохаживаясь туда-сюда, и рассматривая развешанные на стенках различные фотографии-виньетки выпускников разных факультетов.

На переменах, в коридорах стоял невероятный шум и гам, так как одни выходили из аудиторий, другие же туда входили, третьи что-то в полный голос уточняли или спрашивали, и понять, что, где и когда, было практически невозможно.

И вот, представьте себе, что на такую перемену, в одном из концов коридора кто-то, петушиным голосом, выкрикивает:

- *Вюрм!*

В коридоре прекращаются разговоры, и все смотрят вокруг, ища того, кто крикнул.

Для многих, этот термин вообще, ничего не значит, так как среди присутствующих есть студенты и с других факультетов, не изучающие археологию, и понятия, не

имеющие про эры, периоды, этапы и под-этапы геологической истории Земли, не говоря уж об ледниковом периоде в целом.

Однако, крикнувший сразу же отвернулся к стенке и, внимательно, изучает какую-то фотографию-виньетку, и распознавать его невозможно, хотя Никулицэ сразу же, после крика, отвернулся и напряженно ищет, глазами, наглеца.

Нет, чтобы радоваться, что его студенты так хорошо усвоили название определенного этапа ледникового периода...

Ходит, высматривает...

Из этого состояния его выводит крик с другого конца коридора:

- *Гюиц!*

Ион Тимофеевич сразу же отворачивается в ту сторону и начинает шарить глазами среди толпы, однако, с противоположной стороны, слышно:

- *Миндель!*

Он еще резче поворачивается туда, но в это время, кто-то, басом, прямо рядышком, за его спиной:

- *Эоцен.*

Никулицэ резко бросается в сторону услышанного баса, энергично расталкивая о чем-то беседовавших филологичек, которые и понятия не имеют, кто он такой, поэтому резко ставят на место:

- Ты что, дядя, совсем очумел?

Он смотрит на них растерянно, но в это время, в дальний угол, слышно, опять по-петушиному:

- *Олигоцен!*

Ион Тимофеевич устремляет туда свой взор, но слева:

- *Миоцен!*

Он поворачивается туда, а справа:

- Плиоцен!

Сзади, с какой-то новой интонацией:

- Гляциал.

В это время слышен звонок, и точку во всем ставит спокойный, размеренный голос:

- Донау.

Хихикая, мы возвращаемся в аудиторию, и Никулицэ продолжает лекцию.

Но уже не выкрикивает термины, как ранее, а более спокойным голосом доводит до нас сложную систему периодизации ледникового периода.

Однако, в скором времени, он забывается, входит в раж, и снова начинает выдавать каждые пять минут по петушиному крику, который означает новый этап или под-этап в периодизации.

Мы многозначительно переглядываемся и с нетерпением подглядываем на часы, в ожидание очередной перемены.

Пытались мы его протестировать и с песней Владимира Высоцкого про студентов-археологов, однако он никак не среагировал на наше сообщение о том, что:

*Студентом Федя очень был настроен
Поднять археологию на щит, –
Он в институт притаскивал такое,
Что мы кругом все плакали навзрыд.*

Возможно, он вообще не знал Высоцкого. Возможно, знал, но не любил.

Но стихи эти ему очень подходили, будто именно про него и были написаны.

Александр Буриан. Блокнот в "Norton commander".

Насколько знаю, у большинства моих коллег по факультету о нем остались теплые воспоминания, так как благодаря его лекциям мы научились различать кое-что и кое-чего в исторической науке.

Но, когда встречаем Иона Тимофеевича по университетским коридорам, так и хочется крикнуть: *Вюрм, или Гюнц, или Миндель.*

Или же, читать Высоцкого:

*Он древние строения
Искал с остервенением
И часто диким голосом кричал,
Что есть еще пока тропа,
Где встретишь питекантропа, –
И в грудь себя при этом ударял.*

Это же о нем.

Особенно, в том, что касается удара кулаком в грудь, так как *питекантропа* он, может, сейчас, уже и по-другому назвать, в зависимости от политических и идеологических течений, которые меняются на нашей молдавской земле как в калейдоскопе.

Кишинев, Молдавия, 2008 год.

Из цикла
«Через тернии к знаниям...»

*Не дают мне больше интересных книжек,
И моя гитара – без струны.
И нельзя мне выше, и нельзя мне ниже,
И нельзя мне солнца, и нельзя луны.*

*Мне нельзя на волю – не имею права,
Можно лишь от двери до стены.
Мне нельзя налево, мне нельзя направо –
Можно только неба кусок, можно только сны.*

Владимир Высоцкий
«За меня невеста отрывает честно»

Бравичи, Молдавия. Январь 1977 года.

Я студент исторического факультета Кишиневского госуниверситета. Пишу курсовую работу по истории древней Греции. Об оппозиции в армии Александра Македонского. Исписал уже три 24-страничные тетради, а конца не видно.

Решил напечатать все это на машинке. Курсовая, как-никак. Тем более, что навыки есть, еще с армейских времен.

Обратился в нескольких местах, где есть печатные машинки, с просьбой, чтобы дали мне машинку на ночь, домой.

На меня смотрят, как на чокнутого.

- Машинку? Домой? На ночь? Да ты, что!

Объясняю. Пыгаюсь довести до их ума, что такое курсовая, и как важно, чтобы она была написана не от руки, а напечатана на машинке.

Без толку. Головой кивают, якобы понимают, но еще подозрительнее смотрят.

Возможно, даже куда-то докладывают. Пишут. А может, и устно стучат. Кто их знает, как там, у них, у стукачей, заведено.

Кому – хрен его знает.

О чем, тоже, хрен его знает.

Наверняка, о том, что я, дома, на машинке, изготавливаю шифровки, может, прямо в Лэнгли. А,

может, в БНД, или в какие-то другие разведки, о которых я даже и не знаю.

Мало ли?

Например, об удоях на местной колхозной коровьей ферме. Или о количестве и качестве сухофруктов, изготавливаемых на Бравичском заготпункте, или о количестве кагора, изготавливаемого на Бравичском винзаводе. Американцы, да и немцы, не говоря о китайцах, думаю, только и мечтают, чтобы узнать эти важные данные.

А утром, на второй день, еще и смотрят, как-то с удивлением: «Что, мол, еще на свободе? Ну, ну, давай, шуруй дальше!»

Все это - здорово задевает меня, и я звоню знакомому кишиневскому дядьке, который служил с моим отцом в одном полку во время войны, и который работает где-то в верхах, то ли в ЦК, то ли где-то в другом месте, но высоко, очень высоко по нашим бравичским понятиям, и прошусь к нему на аудиенцию.

Как ни странно, он соглашается, и в тот же день принимает меня в каком-то кабинете с высокими потолками и с потрясающей блондиночкой в приемной.

Потолки меня не так уж и поражают, видел я и не такие, но блондиночка, особенно ее манера подавать чай, полностью меня доконала.

Он внимательно слушает меня, задает несколько уточняющих вопросов, потом, прямо посмотрев мне в глаза, говорит:

- Нет в нашей стране каких-либо прямых запретов на пользование печатными машинками. При Сталине - были, а сейчас нет. Более того, они свободно продаются в магазинах. Хотя и находятся на негласном учете, - со смехом добавляет он.

- Но негласный учет, - говорит он, снова став серьезным, - и есть негласный учет. Он необязателен. Могут учитывать – учитывают, не могут – не учитывают. Конечно, есть у нас «бдительные». Даже чересчур бдительные. Они всегда настучат, и всегда найдут повод отличиться. Но их, по возможности, надо обходить.

- Короче, - резюмирует дядька, - если на самом деле тебе нужна печатная машинка, а как я понял, она тебе нужна, то лучше купи ее, а не проси у других, в том числе у меня. Ты же сам на себя ведь стучать не будешь? Вот и проблем меньше будет.

- Но помни, - добавил он. - Каждая машинка имеет свой почерк, который известен еще с завода. И если ты напечатаешь что-то не то, и отправишь все это не туда, куда надо, то тебя всегда найдут, даже из-под земли. Как бы ты ни старался изменить почерк машинки, орудуя паяльником или другими приспособлениями.

Он многозначительно, с расстановкой, кивает головой и изображает на лице, лишь уголками губ, ироничную улыбку, постепенно переходящую в саркастическую.

Потом снова становится серьезным, собранным, и прощается со мной, проводя до дверей.

А там – блондиночка.

Прямо свет в окошко.

Она сдержанно, подчеркнуто вежливо, желает мне успехов и, как бы мимоходом, вроде бы даже прячась от шефа, награждает меня таким взглядом, что мне, после этого, целые две недели, снятся одни белые головки.

И это при том, что я, всего лишь пару лет до этого, развелся с такой же блондиночкой.

Я купил себе сразу две машинки, “Москву”, с кириллицей, и “Consul”, с латиницей. Обе портативные.

И сразу стал каким-то неуязвимым, ни от кого не зависящим: хочу – печатаю, не хочу – не печатаю. И никого спрашивать не надо! Прямо идиллия! Словами – не изобразить.

Сегодня, когда почти у каждого есть дома компьютер, лазерный принтер, сканер, факс, интернет и прочие аксессуары технического прогресса, многим этого не понять. Но тогда, это действительно была идиллия. Притом - полная!

Мне это здорово помогло позже, особенно в Москве, где контроль и конкуренция были намного жестче. Но я помнил совет дядьки, не высовываться без надобности, и все как-то обошлось.

Сейчас эти машинки где-то на даче, то ли в гараже, то ли во флигеле. Лежат себе и напоминают о былых временах.

А были времена!

Бравичи, Молдавия, 2008 год.

Из цикла
Запах неспелой айвы

*Ну, вот исчезла дрожь в руках,
Теперь – наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх
Навек, навек, -
Для остановки нет причин –
Иду, скользя...
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя!*

*Среди нехоженных путей
Один - пусть мой,
Среди невзятых рубежей
Один - за мной!
А имена тех, кто здесь лег,
Снега таят...
Среди непройденных дорог
Одна - моя!*

Владимир Высоцкий
«Ну, вот исчезла дрожь в руках»

Бравичи, Молдавия, осень 1977 года.

Бравичская средняя школа.

Преподаю историю в школе. Предмет мне нравится, материю знаю, интерес у школьников большой. Казалось бы, чего еще надо?

Ан, нет. Не все мне нравится.

Дело в том, что в курсе истории СССР, который преподается в наших школах, есть и курс истории Молдавии, который мы должны преподавать после основного курса истории СССР.

Задумка вроде бы неплохая.

Но дело в том, что она неосуществима. И не потому, что кто-то прижимает нас, и не позволяет преподавать историю родного края, а потому что осенью мы всей школой идем оказывать помощь местному совхозу в уборке урожая.

Задумка, вроде бы, тоже неплохая. Но она, как раз, мешает выполнению первой задумки.

Целый месяц, а то и больше, мы собираем виноград и, возвращаясь на занятия, продолжаем дальше прерванные уроки, однако до конца учебного года мы так и не успеваем нагнать пропущенный материал.

Получается, что к концу мая месяца я успеваю рассказать моим оболтусам лишь про государство Урарту, последняя тема в программе по истории СССР, и никак не могу приступить к преподаванию курса истории Молдовы.

А как же быть с Богданом и с Штефаном? Как быть с Лэпушняну и с Кантемиром? Кто им об этом расскажет, и расскажет ли, когда-нибудь?

Я пытаюсь что-то делать, бью в колокола, объясняю директору, завучу, что надо что-то предпринимать.

Но тщетно. На меня смотрят как на истукана. Может, даже как на карьериста, или даже как на провокатора, поскольку не до конца им ясно, для чего я этого добиваюсь.

Так проходит год, еще год, и на третий я решаюсь.

Поскольку уроков истории - два часа в неделю, то я разделяю, по-братски, эти часы на две части, по одному часу в недели для истории СССР и по одному часу в недели для истории Молдовы.

Дети довольны, их родители довольны, и здороваются со мной издалека-издалека, с почтением кивая головой.

Я, естественно, тоже доволен.

Но недельки через две кто-то «стучит» в райком партии о «безобразиях», которые творятся у нас, граничащие с изменой Родине, так как то, что я творю, пахнет «национализмом» и антисоветчиной.

Меня, разумеется, тут же вызывают «на ковер» к секретарю по идеологии Каларашского райкома партии Байраку Валентину Гавриловичу.

Он внимательно слушает меня, вникает, в принципе, в проблему, и понимает, что тут и не пахнет национализмом или антисоветской деятельностью.

Меня с работы не увольняют, но, на всякий случай, часы истории отбирают, и дают преподавать черчение, рисование и музыку, благо я в этих делах, действительно, кумекаю.

Но для меня - это финиш. Притом полный.

Потому, что нет смысла дальше учиться на заочном отделении исторического факультета, третий курс которого я уже заканчиваю.

Потому, что не дадут мне больше возможности преподавать историю, ни в этой школе, ни в какой-либо другой, так как мой отец сидел при Сталине в ГУЛАГе, и этого мне еще припомнят, если начну «искать правду», вкуче с уже моими «националистическими» выходками.

Мне не с кем советоваться, поскольку родители умерли, отец – когда я служил в армии, мать – через два года после этого, и я – одинок, почти «как коза Робинзона Крузо», как метко отметил когда-то О. Генри.

Поэтому я сам принимаю решение, как быть мне дальше.

Пишу заявление об уходе с работы по собственному желанию и устраиваюсь на работу электриком в Производственном комбинате Госкино Молдавии.

Вместе с Володей Орз, который киноинженер, мы составляем бригаду, нам дают кинолабораторию УАЗ-452, и мы вдвоем начинаем свои вояжи по республике, проверяя техническое состояние киноустановок во всех населенных пунктах Молдавии.

Он занимается киноаппаратурой, начиная от оптики и кончая механикой, я же концентрируюсь на электрическую составляющую, проверяя стандарты подключения киноустановок к сети и устраняя неполадки.

Они, в большинстве своем, касались отсутствия контура заземления, которого мы с Володей делали вместе, поскольку приходилось орудовать десятикилограммовой кувалдой, а это не шутки, да плюс электросварочный аппарат, с которым также нельзя шутить.

Во время же отдыха, после интенсивного махания кувалдой, а кто хоть раз в жизни работал с кувалдой – тот знает, что это такое, я задумывался о том, как же мне дальше быть, куда мне податься, ведь, не всю же жизнь махать мне кувалдой.

Я искал, спрашивал, интересовался.

Пытался узнать, где можно продолжить учебу, куда можно уйти от этого каламбура, который, как в калейдоскопе, не имеет конца.

И нашел. Удивительный университет, в страшно далекой Москве. Настолько удивительный и неповторимый, что казался недостижимой сказкой.

Но я поехал туда. И поступил на учебу в этот университет. И жизнь пошла совершенно по другой канве, тоже не сладкой, тоже не ровной, но совершенно другой.

В моей жизни, как и в жизни каждого человека, бывали взлеты, и падения. Взлетев вверх, я всегда помнил, что можно упасть, поэтому никогда не цеплялся за должности и за привилегии. Падая же, я всегда старался, стиснув зубы, подняться, и идти дальше.

Всякое бывало. Но тот вечер, когда у меня отобрали часы истории – запомнился на всю жизнь. Возможно, потому что это было первое падение. Возможно, по каким-то другим причинам.

Я, как раз, тогда, только что прочитал великолепную вещь Иона Друцэ – «Запах спелой айвы».

Изумительная, по манере изложения, и трагическая, по форме и по сути происходящего.

Я прошелся тогда в родительский сад, где у нас росла старая айва, посаженная еще отцом, до того, как его направили в ГУЛАГ.

Урожай в тот год дался на славу, и тяжелейшие плоды буквально ломали ветки, склоняя их к земле.

Они были еще неспелыми и пахли, как-то по-особенному, неестественно. Будто чувствовалась их зелень, еще не перешедшая в желтый, настоящий айвовый цвет, который и пахнет уже по-другому – запах спелой айвы.

Я тогда поразился, что и цвет может пахнуть.

Я сорвал плод айвы и, несмотря на жесткость, съел его, весь, до семечек. Потом сорвал второй, и также весь съел. Потом третий.

Потом вернулся в дом, и написал заявление об уходе с работы.

Без даты.

Дату я проставил позже, когда уже нашел новую временную работу электрика, но заявление так и лежало на столе все эти два месяца, напоминая мне, каждое утро, и каждый вечер, запах неспелой айвы.

И, даже сейчас, когда мне становится плохо, я вспоминаю этот запах, неспелой айвы, вдыхаю его в себе, пусть воображаемого, и он мне помогает.

Бравичи, Молдавия, июль 2009 года.

**Из цикла
«Хорошо ли быть полиглотом...»**

В далёком созвездии Тау Кита
Всё стало для нас непонятно.
Сигнал посылаем: «Вы что это там?»
А нас посылают обратно.
На Тау Ките
Живут в красоте,
Живут, между прочим, по-разному
Товарищи наши по разуму.
У таукитов
В алфавите слов
Не много, и строй – буржуазный,
И юмор у них – безобразный.

Я крикнул: «Галактике стыдно за вас!»
В ответ они чем-то мигнули.
В запале я крикнул им: мать вашу, мол!..
Но кибернетический гид мой
Настолько буквально меня перевёл,
Что мне за себя стало стыдно.

Владимир Высоцкий
«В далёком созвездии Тау Кита»

Москва, сентябрь 1978 года.

Поступил на учебу в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. На факультет экономики и права, по специализации международное право.

На историческом факультете поступил еще один молдаванин, Миша Паскалов.

Он никак не нарадуется этому событию. Ему никак не верится, что он в Москве, в САМОЙ Москве.

Однако, Москву он совсем не знает, и побаивается идти в одиночку в город. Поэтому, подбивает меня показать ему столицу.

Мне не до гулянья, но он хныкает, молит, просит, и я, наконец, соглашаюсь.

Живем мы в студенческих общежитиях на Миклухо-Маклая, поэтому добраться до центра Москвы очень просто: или на метро, от станций Юго-Западная или Беляево, или на троллейбусе, 33 или 62, или автобусом, 144.

Садимся на 62 троллейбусе, на задней площадке, и начинаем свой вояж по Ленинскому проспекту, к центру Москвы. Смотрим, через окошко, налево и направо, на «коммунистический город», как написано на транспарантах.

Где-то в районе Университетского проспекта в троллейбусе, через заднюю дверь, залезает тетя, еще молодая, с симпатичной мордашкой, но просто невероятных размеров.

Весит она, наверное, килограмм 180-200, не меньше.

В руках тащит две авоськи, под ее же габариты, набитые всякой дребеденью. От нее прямо исходит пар.

- Надо бы нам уступить место *этой корове*, - говорит Миша мне, *на молдавском языке*, и подымается, показывая тете на сиденье и говоря ей, уже на русском:

- Садитесь, пожалуйста!

Я, разумеется, тоже поднимаюсь.

Тетя располагает свои авоськи на сиденье, сама с трудом садится туда же, достает из маленькой сумочки платочек, вытирает старательно пот с лица и шеи, потом поднимает глаза к Мише, и говорит ему, на *чистейшем молдавском языке*:

- Корова, благодарит вас!

Нас, как ветром сдуло на следующей же остановке, и я, с тех пор, больше никогда не слышал Мишу Паскалова, когда-либо, говорить вслух, по-молдавски, при движении по городу.

Бравичи, Молдавия, июнь 2009 года.

Из цикла
«Великий русский язык»

*О вкусах не спорят: есть тысяча мнений -
Я этот закон на себе испытал, -
Ведь даже Эйнштейн, физический гений,
Весьма относительно все понимал.*

Владимир Высоцкий
«О вкусах не спорят»

Москва. Осень 1978 года.

Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Чертежный зал на 6-м этаже университетского здания по улице Орджоникидзе.

В зале человек 200 студентов, которые мучаются с домашними заданиями по сопромату. Из них лишь процентов 10 советские, остальные 90 процентов – иностранцы.

Абсолютная тишина. Каждый ушел в себя и в свое задание. Проводят линии, стирают их, задумываются, опять что-то чертят, опять стирают.

Вова Мышкин, студент 2-го курса инженерного факультета, с остервенением что-то рисует на своем листке.

Стирает, кладет резинку на полочку своей же чертежной доски, задумывается, глядя в одну точку, снова проводит карандашом какие-то линии на листке, недовольно качает головой, на ощупь находит резинку на полочке, опять с остервенением стирает, снова кладет резинку на полочку, также на ощупь, и снова начинает чертить.

Рядом, за своей чертежной доской, миниатюрная девочка из Камбоджи.

Она старательно что-то выводит на бумаге, кривляется, недовольно морщит носиком, даже язычок показывает, хочет стирать, но, увы - нет резинки.

Осматривается.

Наблюдает за Вовкой, и когда тот кладет резинку на полочке своей чертежной доски, незаметно берет эту резинку, стирает у себя неправильные линии, и кладет резинку обратно, на вовочкиной полочке.

Так происходит неизвестное количество раз, пока камбоджийка не забылась, и... положила резинку на полочке своей же чертежной доски, а не вовочкиной.

Вова, забыв обо всем на свете, проводит какие-то очередные линии на своей бумаге, сопит, фыркает и начинает на ощупь искать резинку на полочке.

Резинки, естественно, нет.

Вова смотрит, растерянно и даже как-то очумело, на полочку, у себя под ноги, опять на полочку, и выдает, громко, на весь зал:

- Ну кто, *бля*, резинку *сп*здил*?

Все поднимают глаза от своих чертежных досок и в недоумении смотрят на Вову.

Некоторые девушки смущенно смотрят в пол.

Камбоджийка, интуитивно осознав свою вину, хватает резинку со своей полочки, подходит к Вове и говорит, извиняющимся голосом:

- Извините, я *сп*здила*, - и протягивает ему резинку.

Все 200 человек в зале буквально рухнули на пол. Говорят, хохот был слышен аж до Донского монастыря, а может, и дальше, до метро «Ленинский проспект».

Бравичи, Молдавия, июль 2009 года.

Москва. 1984 год.

Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Государственные экзамены на факультете экономики и права.

Уже сданы экзамены по иностранным языкам и специальности. Остался «коронный» госэкзамен – по философии. Марксистско-ленинской, разумеется.

Госкомиссия авторитетная: во главе – академик, члены комиссии – профессора из МГУ, Дипломатической академии и, естественно, наши, *лумумбовцы*.

Подход довольно жесткий, так как иностранцам присваивают степень магистра права, советским же выпускникам выдают обычный университетский диплом, правда и со штампами о присвоении квалификации не только юриста, но и переводчика разных экзотических языков.

Но, это по основным предметам специальности госкомиссия лютует, а вот по «любимой» философии, члены комиссии настроены довольно жестко лишь к советским выпускникам, и наоборот, очень дружелюбно к иностранцам, не имея никакого желания «завалить» кого-нибудь из них по философии. «Дружба народов», одним словом.

Очередь сдавать экзамен подходит к выпускнице из Палестины, Фирюзе, бойкой и темпераментной

девушке, которая довольно грамотно, на твердую четверку, отвечает на все вопросы.

Но председателю-академику хочется поднять оценку представительнице дружественной Палестины до пяти баллов и задает ей дополнительный вопрос.

Это, в принципе, нормально: экзаменационная комиссия всегда может задать дополнительные вопросы, и если на них отвечаешь толково, то и оценка может стать отличной, если же отвечаешь плохо, то и оценка уменьшается.

Ничего зазорного. Такая практика существовала и существует до сих пор и на Востоке, и на Западе. Практиковалось это и в Советском Союзе.

Академик не стал изобретать велосипед и задал понравившейся ему выпускнице, любимый вопрос советских философов: о взаимоотношениях рабочего класса и буржуазии в мире, в регионе и в конкретной стране.

В сравнительном аспекте, так сказать.

Фирюза сделала неплохой анализ общего состояния взаимоотношений пролетариата и буржуев в мире и в регионе, но как дошла до родной Палестины - начала лепетать что-то несуразное.

Да и что могла она сказать о палестинском рабочем классе, если вся Палестина была в бегах, а все палестинцы - беженцы? Какой рабочий класс и какая буржуазия в палатках для беженцев?

Но академик, уже решивший для себя сделать ее отличницей по любимому им предмету, пытается поддержать ее:

- А не могли бы Вы, Уважаемая Фирюза, более конкретно, на примере вашей страны, охарактеризовать эти взаимоотношения?

Фирюза снова пускается в долгие объяснения о несуществующем конфликте несуществующего палестинского пролетариата с несуществующей палестинской буржуазией, но академик неумолим:

- А не могли бы Вы еще более конкретно, с конкретными примерами этой борьбы в Вашей стране? Одним предложением, так сказать, а то мы теряем время, а желающих отвечать – во сколько, - и кивает головой в сторону нас, ее коллег, ожидающие за партами свою очередь для сдачи экзамена.

- Действительно, товарищ председатель государственной комиссии, - обрадовалась Фирюза, - зачем зря время терять пустыми разговорами?

- Короче, - продолжает она, - если хотите одним предложением, то *мировая буржуазия за*бала рабочий класс* во всем мире, включая Ближний Восток и особенно – в Палестине.

Все члены государственной комиссии замерли и потеряли дар речи, а у ее председателя - буквально отвисла челюсть.

Мы же, за своими партами, уткнули свои лица в листы экзаменационных билетов и записки с ответами на экзаменационные вопросы и, героическими усилиями, буквально в конвульсиях, пытались удержать свой смех, чтобы не ржать во весь голос.

Фирюза же смотрела на членов комиссии невинными глазами, не чувствуя никакого подвоха, так как, в смысловой нагрузке сказанного, она совершенно не сомневалась, а уж насчет лингвистических тонкостей - так это дело филологов.

Дрожащими руками академик достал ее зачетку и проставил там жирную пятерку, скрепив этот проступок

своей подписью, хотя согласно регламенту, оценку надо было бы ставить лишь в конце, всей группе.

Фирюза вышла в коридор и радостно сообщила ожидавшим там коллегам о полученной пятерке, но пикантность ситуации стала известной лишь тогда, когда из аудитории вышел следующий выпускник, отвечавший после палестинки и присутствующий при этом эпохальном случае.

Всей группой мы рванули после экзамена в «Ракушку» и ржали там до утра, отмечая экзамен и могущество русского языка.

А что тут скажешь?

Русский язык, действительно, могуч!

Бравичи, Молдавия, июль 2009 года.

Москва, конец семидесятых.

Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Урок русского языка.

Преподавательница пытается объяснить иностранцам значение термина «Белый танец», когда дамы приглашают на танец кавалеров.

- А «белые ночи» - это когда дамы приглашает кавалеров на ночь? - интересуется Мирхатам, из Афганистана.

Продолжить урок невозможно, и преподавательница бежит, заплаканная, в деканат.

Бравичи, Молдавия, июль 2009 года.

**Из цикла
“Прелести жизни”**

*Пускай живешь ты дворником - родишься вновь прорабом,
А после из прораба до министра дорастешь.
Но, если туп, как дерево - родишься баобабом
И будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь.*

Владимир Высоцкий
«Песня о переселении души»

* * *

Москва, 1986 год.

Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Историко-филологический факультет.

Учится на историко-филологическом факультете девушка Аня.

Девушка, как девушка.

Не дурна собой, даже наоборот, есть в ней что-то такое, что все мальчики, так и поворачивают головы, следя за ее грациозным прыганьем среди луж, по тротуару, или даже по проезжей части дороги.

А также за ее длинной шевелюрой, соломенного цвета, развевающейся как парус, на ветру, поскольку Аня блондинка, притом не какая-то там крашенная, а самая натуральная, от рождения.

Не дура, а даже наоборот, умная, сметливая, с невероятными способностями запоминать все на ходу, хоть стихотворение, хоть литературный текст, хоть доклад Михаила Сергеевича на очередном съезде КПСС.

Не из стыдливых, а наоборот, бойкая, острая на язык, и такое может сказать, хоть мальчикам, хоть девочкам, что те краснеют, а ей, *хоть бы хны*.

Не из пугливых, а даже наоборот, может среди ночи выйти в одиночку прогуляться по самым темным переулкам, а также вступить за кого-то, кого обижают, даже с самыми матерыми мужиками, наддавая им тумачков и наделявая синяков.

Не из обидчивых, а наоборот, может простить нечаянно оброненную фразу, и не обращать никакого внимания на шутки и колкости коллег по группе, разумеется, если это не касается ее роста и ее очков.

В свободное время занимается вязанием крючком и вышиванием крестиком, и всех умиляет, когда приносит в университет и показывает всем подряд свои творения, которые, на самом деле, уникальны, и не могут не вызывать восхищения.

Ну, и спортом, разумеется, занимается.

Конечно, если остается на это время, поскольку страшно занята всякими общественными делами в комсомольском, профсоюзном, женском и какие-то еще комитеты, где она является не просто членом, но самым активным участником всяких собраний, творческих заседаний, капустников и юбилейных вечеров.

Из разных видов спорта она выбрала *самбо*, поскольку *каратэ* тогда еще не был в моде.

Для самообороны, как она объяснила двум африканским студентам из Танзании, которые всю жизнь мечтали пообщаться с какой-нибудь белокурой девушкой наедине.

Правда, они почему-то выбрали место для общения какой-то темный переулок, между четвертым и пятым блоком студенческих общежитий на улице Миклухо-Маклая, прямо за почтой университета, куда Аня попала совершенно случайно, так как о чем-то задумалась, и потеряла контроль над направлением своего движения.

К тому же, они, почему-то засомневались в том, что самбо по плечу и блондинкам.

Но, Аня, миг рассеяла эти их сомнения.

Ударом, снизу, в пах, одному. И, резким выпадом вправо, левым локтем, в кадык, второму.

Мягко так. Вроде, по-учебному.

Но, может, чуток и перестаралась, или силы свои не так рассчитала, потому что после этого, не только представители Танзании, но и всего Черного Континента, обходили Аню на очень приличное расстояние, высматривая возможные пути отхода, в случае непредвиденных обстоятельств.

Короче, не девушка, а целый клад.

Таких, еще поискать надо.

Правда, смущали ее две вещи, и от этого она даже робела.

Временами, очень.

Во-первых, рост.

Конечно, метр девяносто, для девушки, это уж слишком. Явно, *не фонтан*.

А что? Думаете, чепуха?

Ничего подобного!

Где, найдешь себе пару, под такой же рост?

Проблема!

Вот, и приходится нагибаться каждый раз к парню, чтобы послушать, что же он там бормочет.

А как пройтись с ним по улице, когда он доходит тебе лишь до локтя?

А танцы?

Вы, хотя бы, представляете себе, что это такое, когда он упирается носом в тебя, чуть выше пупка, а ты его бьешь, в это время, коленками по груди или по животу?

Приятно, думаете?

Вот, именно.

И, зрение, конечно.

Вернее, не столько зрение, сколько очки.

Аня от рождения была близорукой, и все, что находилось на расстояние дальше трех-четырёх метров от нее, казалось какой-то серой, непонятной массой.

Носила, поэтому, она очки, но страшно смущалась из-за этого.

Ну, вы понимаете. Как бы, не подумали, что она плохо видит.

Кто?

Ну, мальчики, естественно. Думаете, это не важно?

Хе-хе! Еще, как важно!

Мальчики, же..., это..., ну, как вам сказать...

О-хо-хо, в общем!

Поэтому, Аня возненавидела очки, и упорно их не носила, прищуривая на всех, и на вся, свои красивые, выразительные, карие глаза.

Наступая при этом, естественно, на клумбы цветов и на прохожих, и ломаясь, иногда, в напольные окна домов, воспринимая их за входные стеклянные двери.

Случались, поэтому с Аней невероятные случаи, которые, кстати, ее не пугали, а наоборот смешили.

Правда, лишь позже, по прошествии времени, так как во время этих самых случаев, она приходила в ужас, даже в настоящую панику, и теряла всякий контроль над собой.

Как-то, идя на факультет, и посмотрев на расписание очередных занятий, естественно, без очков, а то, что могут подумать мальчики, она перепутала номера аудиторий.

Зайдя в класс, она увидела за задней партой какие-то две фигуры и, подумав, что это коллеги из ее группы, поздоровалась:

- Привет, *Персики!*

В это время там сидели две профессорши.

Два божьих одуванчика.

Настоящие.

Даже, не доцентши, а именно профессорши.

Наверное, решили скоротать свободное между занятиями время, нашли свободною аудиторию, расселись, и начали *долдонить*.

А тут, Аня.

Услышав про *персики*, профессорши заинтересовались и начали искать свои очки, запрятанные где-то в сумках, или карманах.

Посмотреть на автора этих слов, естественно.

Аня же, в это время приближается к ним, и замечает, что сидевшие там субъекты не похожи ни на кого из их группы.

Это ее возмутило, и она решила прогнать с неправомерно занятого места чужих любителейниц рассаживаться по свободным аудиториям:

- Вы, что тут расселись? Ну-ка, дуйте отсюда! Сейчас придут наши, и наддадут вам тумачков! Козы, такие!

Божьи одуванчики, уже нашедшие очки, так и не рискнули их надеть, а спрятали по карманам, в спешке схватили свои манатки, и бегом, к выходу.

Но тут, и Аня узнает одну из профессорш и, в панике, бросается к тому же выходу, обгоняя божьи одуванчики:

- Ой, *мама миа!* Ой, что же будет? Ой, ну, за что же меня Бог, так наказывает???

Но все это прошло без каких-либо последствий, а Ане просто посоветовали носить очки, чтобы этого больше не повторялось, но она даже и не подумала послушать чужие советы.

Поэтому, вскоре, приключился новый случай.

Во время перерывов между занятиями, на межэтажных лестницах в главном корпусе университета случаются настоящие столпотворения, поскольку и студенты, и преподаватели спешат к новым аудиториям, где запланированы следующие занятия, а они, как обычно, находятся на разных этажах.

Придерживаются, как правило, правой стороной, при движении по лестницам, хотя этот принцип и нарушается, временами, что приводит к пробкам.

Тогда, чтобы как-то деблокировать движение, кому-то приходится прижаться к стенке, и пропустить около себя два потока движущихся, и сверху вниз, и снизу-вверх.

И вот, в один из таких моментов, Аня, вместе со своей группой, подымается со второго на третий этаж, а сверху, с третьего и четвертого этажей, рвется вниз, буквально как воды Ниагарского водопада, вереница студентов и преподавателей.

Лестничных проемов там не два, как в обычных зданиях, а целых четыре, так что и поворотов лестницы, оттягивающие движение, было вдвое больше.

К тому же, и освещение оставляло желать лучшего.

Аня, придерживаясь правой стороны, двигается наверх по лестнице, щуря свои глаза, естественно, без очков, глаза на всех и на вся.

И вдруг замечает, впереди, то есть чуть выше, прижатого к стенке парня, который пропускает всех, и вверх, и вниз, отчаянно пытаясь поворачивать голову то в одну, то в другую сторону, а также прижаться, как можно плотнее, к стенке.

Это естественная реакция, так как проходящие мимо лягают его по ногам своими каблуками, бьют в живот папками с конспектами и книгами, а также сложенными

зонтиками, и задевают по физиономии локтями, когда вскакивают с одной лестничной ступеньки на другую.

Аня прищуривает глаза, смотрит на прижатого к стенке парня, и принимает его за Вадима, ее коллегу.

Несмотря на то, что она подымается по лестнице вверх, прижатая и спереди, и сзади, она умудряется выделять разные замысловатые движения телом, практически исполняя танец живота, говоря, при этом, прижатому к стенке парню:

- Ой, какие мы скромные!! Ой, какие мы хорошие! Ой, какие мы джентльмены! Ой, как мы всех пропускаем!

Пританцовывая, она подымается еще на два проема:

- Ой, дай, я тебя поцелую, скромняга, ты мой!

Но тут, замечает, что это никак не Вадим, а Володя Денисенко, заместитель декана их факультета.

- Вах! Ой!!! *Мама миа!!!* Ой, что же будет!? – в ужасе начинает бормотать Аня, меняет направление движения, и уже спускается вниз, со всеми, обратно, на второй этаж.

Обладала она и нестандартным чувством юмора, загоняя в краску, а то и в бегах, любого.

Запросто могла сесть рядом с незнакомым человеком, прямо на скамейке, в парке, или уличном сквере, и спросить:

- А Вы, кем были в прежней жизни?

Тот, обычно, лишь пучил на нее глаза.

А Аня, очень серьезно:

- А я - Баобабом была в другой жизни.

Вставала, и уходила.

Обычно, после этого, ей долго смотрели вслед, пока не исчезала из виду.

Иногда, как ни в чем не бывало, могла обращаться к кому-нибудь из своих женатых коллег:

- Стёп, а давай жить вместе!

- Но, я же женат, - терялся, краснея, объект ее очередной шутки.

- Так, а я, о чем? – удивлялась Аня, невинно округляя глаза. – Создадим новую ячейку, *а-труа*. Слышал об этом?

Так как, в ответ, обычно, мямлили что-то несуразное, Аня продолжала наступление:

- Что, слабо поговорить со своей женой? А давай, я поговорю с ней! Чего, ждать подарков от природы? Хрен мы их получим когда-нибудь! Человек сам должен ковать свое счастье!

Отворачивалась, и решительно направлялась к выходу, оставляя собеседника в панике и в диком ужасе от возможных перспектив супружеских скандалов и необходимости доказать *недоказуемое* своей половинке.

Или же, могла обратиться к молодому парню:

- Вань, или как там тебя, сделай мне ребеночка. Я, прямо, жажду этому! Ей богу, по ночам спать не могу из-за этого нестерпимого желания.

Услышав эту фразу, парни, обычно, рвали когти, срываясь с места как в спринте.

Но, нашелся какой-то *латинос*, то ли колумбиец, то ли перуанец, то ли боливиец, который не растерялся, понял просьбу за просьбу, а не за розыгрыш, и смастерил ей ребеночка.

А потом укатил, в свою Латинскую Америку, возвращать коку, оставив Аню одну.

Совсем одну.

На весь мир.

Бравичи, Молдавия, июль 2009 года.

Из цикла
«Дороги, которые нас выбирают...»

*Не отдавайте в физики детей,
Из них уже не вырастут Эйнштейны,
Сейчас сплошные кризисы идей –
Все физики на редкость безыдейны.*

*У математиков ещё какой-то сдвиг,
Но он у вас не вызовет улыбок,
Ведь сдвиг намечен по теории игр,
А также и по линии ошибок.*

*Мы, граждане, привыкли с давних пор,
Что каждая идея есть идея,
А кто-то там с фамилией Нильс Бор
Сказал, что чем безумней – тем вернее...*

*Нет, Бор, ты от ответа не уйдёшь!
Не стыдно ли учёным называться?
Куда же ты толкаешь молодёжь
При помощи таких ассоциаций?!*

Владимир Высоцкий
«Не отдавайте в физики детей»

* * *

Москва. Весна 1984 года.

Заканчиваю учебу в Университете дружбы народов. Шесть лет пролетели как один миг. Уже сданы государственные экзамены и готовимся к защите дипломного проекта. Деканаты и ректорат подводят итоги, выводят статистику, определяют результаты.

Меня вызывают к ректору университета, и я никак не могу понять зачем. Пытаюсь выяснить это у его секретарши, доброй старушенции, которая еще Ленина помнит, но она испугано машет руками и, легкими толчками в спину, проводит меня в кабинет нашего общего начальника.

Владимир Францевич Станис, ректор нашего университета, собран и деловит. Протягивает мне руку и жестом предлагает сесть за чайный столик. Он что-то жует и попутно читает какие-то бумаги. Потом берет со стола чашку, делает глоток, ставит чашку обратно, бросает на стол стопку бумаг, которую только что читал и лишь после этого облегченно вздыхает.

Даже подтягивается, зевает разочек и, левым глазом подмигивает мне: извини, мол, чертовски устал.

Потом выпрямляется и, уже совершенно серьезно и собранно, садится напротив меня:

- Александр! Мы проанализировали твое дело, в общем порядке, так сказать, и выяснили, что ты можешь претендовать на получение красного диплома.

Красный диплом, вернее диплом с отличием, получали те студенты, которые за время учебы имели не менее 75 процентов отличных оценок.

- Но есть одно, но, - продолжает он. - У тебя на одной четверки больше, чем полагается по статуту о красном дипломе.

- Значит, не повезло, - хмыкаю я. - Придется ходить с синим.

- Не ерничай! - строго ставит он меня на место. - Ты один из лучших наших студентов, и было бы несправедливо, чтобы другие получали такие дипломы, а ты - нет.

Я польщен его словами, но пока не вникаю в суть проблемы.

- Ты просмотри свои оценки за все годы учебы, особенно предметы, по которым у тебя четверки. Выбери дисциплину, которая тебе больше по душе, напиши заявление на мое имя, с просьбой о передаче, и я подпишу это заявление.

Я смотрю на него и молчу. Неожиданно, как-то, все это.

- Что-то я не вижу радости, - недоуменно констатирует он. - Или тебя что-то смущает?

- Да нет, - говорю. - Я думаю.

- Думать - это хорошо! - кивает он головой. - Но долго не думай. Выбирай дисциплину, готовься и передавай. Понял?

- Понял, - киваю я головой.

- Вот и прекрасно, - подытоживает ректор. - Заявление не забудь писать.

Я прощаюсь с ним и потом, целый день, да еще и всю ночь напролет, решаю для себя шекспировский вопрос:

быть или не быть. Красно-дипломником, разумеется, поскольку остальные шекспировские вопросы на этом этапе меня мало волнуют.

Оценки, особенно после учебы в педучилище, меня мало волновали. Я знал твердо, что главное – это знания, а оценки, это так, лишь для того чтобы обозначить степень освоения этих знаний различными индивидами.

Знал я также, что при поступлении на работу, требуется лишь диплом, который подтверждает твою квалификацию, но выписку с оценками никто никогда не требует.

Кроме того, что я буду делать с этим, красным, дипломом? Повешу на шее, на веревочке, и буду ходить по городу, насвистывая, чтобы обратили внимание на меня, и на то, что я красно-дипломник? Хе-хе! Даже не смешно!

Или, что? Буду показывать внукам, чтобы доказать, каким крутым был? Еще смешнее!

Короче, к утру, я твердо решил, что нафиг мне нужен красный диплом. Да и никакой охоты не было возвращаться к процедуре сдачи и пересдачи экзаменов. Они так надоели мне, за все годы моих университетов!

В университете, на протяжении следующих двух месяцев, я был тише воды. Пару раз меня искали из ректората, с десятков раз из деканата, но я был тертым, предугадывал события и избегал, очень дипломатично, всякие контакты с сторонниками красных дипломов.

Защитил дипломный проект, получил свой синий диплом и думал, что эпопея с цветом диплома кануло безвозвратно в прошлое.

Как бы не так!

Аукнулось.

Да еще, каким образом!

Через полгода, осенью, я подал документы для поступления в аспирантуру Института государства и права Академии наук СССР. Меня туда настоятельно приглашал Верещетин Владлен Степанович, один из ведущих специалистов Советского Союза по международному космическому праву.

В принципе, он был крупным ученым мирового уровня, так как на протяжении многих лет был членом Комиссии ООН по международному праву и даже возглавлял эту Комиссию, был членом Международного суда ООН в Гааге, вице-президентом Института международного космического права в Париже.

Он преподавал нам в университете этот предмет, я написал несколько курсовых работ, а потом и дипломную, под его руководством и они ему понравились. Вероятно, что-то разглядел в них, и я удостоился его поддержки.

Казалось, что все уже решено, но после того как подал документы, выяснилось, что это далеко не так.

Во-первых, на одно место, выделенное для специальности «международное публичное право», нас было шесть претендентов. В принципе, нормально. Специальность – престижная, желающих – уйма. Почему бы и нет?

Но дело в том, что среди тех шести кандидатов, один из них - был внуком президента Академии наук СССР Анатолия Петровича Александрова. А институт был академическим. И о степени родства намекнули. Деликатно. Без нажима. Просто так, чтобы знали об этом, и имели в виду. Не то, что сейчас. Это во-вторых.

В-третьих, в Положении об аспирантуре, черным по белому, было написано, что в случае, если у кандидатов

после сдачи вступительных экзаменов в аспирантуру, оказывается равное количество баллов, то преимущество отдается тому кандидату, который обладает дипломом с отличием, то есть КРАСНЫЙ.

Об этом мне поведал Владлен Степанович после того как ознакомился с документами всех кандидатов. Положение об аспирантуре он знал прекрасно, так как был председателем приемной комиссии. Пикантность положения заключалась еще и в том, что у всех кандидатов, кроме меня, были красные дипломы.

Он был очень расстроен, так как искренне считал, что мне обязательно надо заниматься космическим правом, притом в аспирантуре, под его руководством.

- А я даже и не думал, что у тебя не красный диплом, - выдавил он в сердцах. - Ты же был один из лучших!

- А я и не думал, что красный диплом может каким-то образом понадобиться. Думал, что так, как для пионеров, вроде поощрения. Знал бы, не то, что красный, оранжевый бы получил! - хмыкнул я и поведал ему о разговоре с ректором.

Это его еще больше расстроило.

- Ну, Саша! Я тебя считал взрослым человеком, а ты, прямо, как пацан: заартачился, и все!

- Ну, такой я, что делать! - развожу я руками. - *Фато!* Как говорят итальянцы.

- Да подожди ты, со своими итальянцами. Давай подумаем, что можно сделать.

- Вы считаете, что еще можно найти какой-то выход? - смотрю я на него вопросительно.

- Хм! Выход всегда есть! Его просто надо искать. Ясно, что не всегда находят, потому что неправильно ищут. Поэтому, наша задача - правильно искать!

Я с недоверием пожимаю плечами, но он не обращает на это никакого внимания и протягивает к себе Положение об аспирантуре. Угрюмо смотрит на книжицу. Потом поднимает взгляд на меня, неодобрительно качает головой, вздыхает, напяливает на нос очки, и начинает штудировать этот важный для будущих ученых документ.

Я остаюсь без дела. Шляюсь по кабинету, смотрю название книг на полках, но не решаюсь трогать их.

Он не обращает на меня никакого внимания. Читает. Переворачивает страницы. Смотрит в окно, барабанил пальцами по столу. Снова углубляется в изучение положения об аспирантуре. Снова смотрит в окно. Опять возвращается к бумагам.

- Может, мне уйти, чтоб не мешать? – подаю я голос.

- Сиди! – недовольно бурчит он, даже не поднимая взгляд от бумаг. – Хочешь курить, кури здесь.

Он сам не курит, поэтому я терплю, и продолжаю ходить кругами по кабинету.

Наконец, он отодвигает кресло от стола, оттолкнувшись ногами об паркет, благо оно на колесиках, и интригуяюще смотрит на меня. Видимо, какая-то важная мысль промелькнула в его светлой голове, но еще не оформилась.

- А у вас там, в *лумумбарии*, - это он так называет наш университет, - вас учат не только по разным специальностям, но преподают дисциплины и на иностранных языках?

- Да, - киваю я головой. - Около половины дисциплин мы проходим на русском, остальные – на разных языках, каждая группа на своем.

- И дают и диплом переводчика? – напряженно смотрит он на меня.

- Разумеется! Диплом юриста и диплом переводчика.

- Хм! – радостно восклицает он. – Вот тебе и решение!

И через секунду, уже деловито:

- У тебя, по-моему, испанский язык?

- Да, - киваю я головой, пока, не врубаясь в ход его мыслей и не понимая его радость. – Испанский и португальский.

- Вот и отлично! – возбужденно чешет он руки. – Прямо сейчас садись и пиши заявление. С просьбой, разрешить тебе сдавать, вместо вступительного экзамена по иностранному языку – кандидатский экзамен по испанскому языку.

У меня возникает смутная загадка, так как припоминаю, что в пресловутом положении об аспирантуре есть что-то относительно уже сданных кандидатских экзаменов. Не помню, что именно, но помню, что есть.

- А разве разрешат? – пытливо смотрю я на него.

- А куда они денутся? – хмыкает Владлен Степанович.

- В положение об аспирантуре указано, что если у кандидатов после сдачи экзаменов для поступления в аспирантуру, оказывается равное количество баллов, то преимущество отдается тому кандидату, который уже сдал кандидатский минимум по специальности или по какому-либо другому предмету. Ну, а в случае если ни один из кандидатов не сдал этот минимум, то преимущество отдается тому, у которого есть диплом с отличием, то есть красный. *Мать его, итить!*

Я не произношу ни слова и смотрю на него во все глаза.

- А это означает, - назидательно продолжает он свой монолог, - что если предусмотрено, что такой экзамен, то есть кандидатский, может быть уже сдан, то кто-то имеет право разрешать претенденту его сдавать. Наша задача – найти ту инстанцию, которая может это разрешить, и дело с концом.

Я молча смотрю на него и пытаюсь сообразить череду и порядок своих дальнейших действий.

- Что? Еще не врубился? – иронично спрашивает Верещетин.

- Да врубился я, Владлен Степанович, врубился! – огрызаюсь я. – А у Вас не будут проблемы из-за этого?

- А какие проблемы? – смеется он. – Тебе на законном основании разрешат сдавать кандидатский экзамен вместо вступительного. У тебя есть диплом переводчика, и ты имеешь право на это. Как сдашь его, это уже другое дело, но разрешить они обязаны.

- А внук? – недоумеваю я.

- А у внука нет диплома переводчика, и он будет сдавать вступительный экзамен по иностранному языку, а не кандидатский. Кроме того, я же не собираюсь, вообще, провалить на экзаменах внука президента академии наук. Все-таки, внук! Тем более, что он хороший парень, я беседовал с ним. Не виноват же он, что оказался внуком самого президента академии. Но, ведь и ты не виноват в том, что не являешься его внуком! Ведь так?

- Да, - мямлю я. – Но, все-таки...

- Никаких «все-таки»! – отрезывает, как топором, Верещетин. – Я уже сказал, что не собираюсь его проваливать. Но и тянуть его за уши в аспирантуру не намерен. Чей бы внуком он ни был! Сдаст хорошо

экзамены – и на здоровье! Не сдаст – обратно, в свой Саратов.

- Это, кстати, относится и к тебе! – взрывается он через минуту. – Не думай, что будут какие-либо поблажки. И к кандидатскому экзамену по испанскому языку, и к экзамену по специальности – готовься, как следует, потому что я не хочу краснеть за тебя!

- Подготовлюсь! – сердито отвечаю ему. – Успокойтесь, не будете краснеть. Но я имел в виду, что место в аспирантуре, все равно, лишь одно, по нашей специальности, а нас двое.

- Вас шестеро, - хмыкает Верещетин. – И абсолютно не исключено, что все, вшестером, дойдете до последнего этапа конкурса. Они все неплохие ребята. Я с каждым беседовал в отдельности, и каждого бы взял в аспирантуру. Но место то, только одно! А иностранными языками, на хорошем уровне, владеешь только ты. И именно поэтому и даю тебе шанс обойти их. Это честно. И справедливо!

- А внук? – снова возникаю я.

- Да что ты заладил, внук-внук! - хмыкает Владлен Степанович. – О внуке ты не беспокойся! Есть кому беспокоится о нем.

Я, молча, продолжаю смотреть на него.

- Если он действительно внук президента, - проясняет он мне, - то они, когда поймут ситуацию, а они это поймут, непременно поймут, обязательно найдут какой-нибудь гениальный способ, чтоб разрулить ее.

- Каким образом? – не сдаюсь я.

- Каким, каким, - дразнит он меня. – Дадут еще одно место в аспирантуру, например, ссылаясь на острую необходимость подготовки молодых ученых для нашей внешней политики. Мы же сверхдержава! И идет

холодная война. А для того, чтобы победить в этой войне – нужны специалисты. Все просто!

Я с недоверием смотрю на него, но он смеется, шлепает меня по плечу и напутствует:

- Давай, давай! Дуй в библиотеки и начинай готовиться к экзаменам. Или, у тебя есть еще какие-то сомнения?

- Ну, насчет экзаменов по иностранному языку и по специальности, у меня нет сомнений. А вот по философии могут быть проблемы.

- Ну, Саша, философия, тем более марксистско-ленинская, это не моя епархия, и вряд ли чем смогу тебе помочь. – говорит Верещетин задумчиво.

Потом продолжает:

- Я, конечно, знаю их всех, но у них какой-то особый склад ума и, честно говоря, не хочется связываться с ними. Есть среди них и хорошие ребята, но основная масса – настоящие хамелеоны. Но если не возражаешь, могу дать совет. Хочешь?

- Еще бы! – хмыкаю я.

- Ты же в ЦК КПСС работаешь. Вот и намекни им об этом. Не с напором, конечно, потому что можешь испортить все, а так, для общего сведения.

Я смотрю на него с недоверием.

- Да, да! – смеется он. – Когда они узнают об этом, сначала наложат в штаны. От страха. Потом придут в себя, и начнут искать пятки.

- Для чего? – округляю я глаза.

- Твои пятки, не свои, – хохочет он. – Чтоб лизать их! Они же философы. Марксисты-ленинцы. А ты в ЦК работаешь! Они же умрут от счастья. Не то, что пятерку, сгоряча и шестерку могут вклеить на экзамене. По

международному праву и по иностранным языкам такой номер не пройдет, работай ты, не то что в ЦК, а хоть в Канцелярии самого Христа. Более того, узнают, что ты из ЦК – могут и завалить. Не со злости, конечно, а так, для порядка. Но по философии – это реально.

В общих чертах, так оно и получилось. И философию сдал, и кандидатский экзамен по испанскому языку, не говоря уж об экзамене по специальности.

А президиум Академии наук СССР, по просьбе трудящихся, разумеется, и исходя из острой государственной необходимости, специальным постановлением выделил дополнительное место в аспирантуре ИГПАН для подготовки специалистов в области международного морского права, куда и поступил на учебу перспективный будущий ученый.

А я поступил на любимое, мной и Верещетиным, международное космическое право.

Бравичи, Молдавия, июнь 2009 года.

Из цикла
Если друг оказался вдруг

*Опасаясь контрразведки,
избегая жизни светской,
Под английским псевдонимом
«мистер Джон Ланкастер Пек»,
Вечно в кожаных перчатках –
чтоб не делать отпечатков, –
Жил в гостинице «Советской»
несоветский человек.*

*Джон Ланкастер в одиночку,
преимущественно ночью,
Щёлкал носом – в нём был спрятан
инфракрасный объектив.
А потом в нормальном свете
представляло в черном цвете
То, что ценим мы и любим,
чем гордится коллектив.*

Владимир Высоцкий
«Пародия на плохой детектив»

Москва, 1987 год.

Перестройка в разгаре.

Вернее, гласность, потому что пока не видно, чтобы что-то перестраивалось.

Но насчет гласности, то это действительно, прорыв. Страна буквально просыпается из долгого сна. В газетах и журналах появляется все больше и больше информации о беззакониях, творимых в сталинские времена.

Прошлые герои, по которым ставились фильмы, по биографиям которых воспитывали нас, становятся антигероями. И, наоборот, те, которые когда-то считались врагами советской власти, становятся самыми пламенными борцами за нее, превращаясь в герои.

И, хотя речь идет о той же самой, советской власти, легитимность которой пока не ставится под вопросом, а лишь перефразируются некоторые цитаты из классиков марксизма-ленинизма, создается впечатление, что система, все-таки, начала давать сбой.

Все больше и больше митингов и собраний, на которых высказываются ранее не произносимые слова, мысли и даже призывы. Все больше и больше мероприятий, запланированных по одному сценарию и заканчивающиеся совершенно по-другому, так как на этих мероприятиях собирается большое количество людей, вообще не приглашенное на них, выступающие с невиданными ранее лозунгами и требованиями.

Власти беспокоятся. Местные. Им все это видно, вот и беспокоятся. Наверху же рады: процесс пошел! Хотя, им самим, там, наверху, ни хрена не понятно, что за процесс, и куда он пошел.

Беспокоятся и силовые структуры, так как проследить за всем, как с них требует верховная власть, становится все труднее и труднее.

Но ввязываться «в процесс» им не разрешают, поэтому действуют старыми методами, лишь увеличивая количество сотрудников, следящих за соблюдением общественного порядка и «усиливая» их ряды сотрудниками из других подразделений силовых структур, которые никакого отношения не имеют к поддержанию общественного порядка.

Меня все это не касается.

Во-первых, я не являюсь сотрудником силовых структур, и меня никак не пошлют ни на «усиление», ни на «поддержание» общественного порядка. И, слава Богу!

Во-вторых, я не хожу на митинги, собрания, утренники, вечеринки, капустники, корпоративные праздники нового года и восьмого марта, свадьбы, похороны и прочие коллективные мероприятия. Просто не нравится ходить на них. И не хожу!

В-третьих, и это главное, я пишу, вернее – уже написал и редактирую, а точнее – добиваю, кандидатскую диссертацию, поскольку ее защита состоится буквально через месяц-полтора. Поэтому, мне не до митингов.

Разумеется, я читаю абсолютно все что пишут нынче, начиная с «Нового мира» и кончая «Юностью», не считая всяких там «Аргументов и фактов» и прочих «независимых» газет.

Разумеется, пытаюсь понять и анализировать, что происходит, и к чему это может привести.

Пару раз, даже ходил на митинги, так, посмотреть, что же это такое.

Но не более.

Тем не менее, случай сводит меня с человеком непосредственно вовлеченного в эти, буквально исторические, события.

Сижу в своем рабочем кабинете, на Плотников переулок, дом 12. Рабочий день кончился, но я сижу и дорабатываю текст диссертации, уточняю библиографию, подправляю какие-то ссылки.

Дверь тихо приоткрывается и в проеме показывается голова Игоря Макеева, нашего переводчика, с лаосского и тайского.

Вообще-то, Игорь не наш сотрудник. Его просто привлекают в качестве переводчика с его редкими языками, так как, в ЦК КПСС, своих переводчиков по Лаосу и Таиланду нет.

В основное же время, служит Игорь, не где-нибудь, а в ПГУ.

ПГУ – это первое главное управление КГБ СССР. Политическая разведка. Поскольку, есть и военная – ГРУ, но она в составе Министерства обороны, а не КГБ.

Мы познакомились с ним в 1981 году, на 26 съезде КПСС, куда нас пригласили в качестве переводчиков, меня - с испанского, а его – со своего, лаосского, а может тайского.

Мы тогда были еще студентами, он – МГИМО, то есть Московского института международных отношений, а я – УДН, то есть Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Потом мы закончили свои вузы, и меня взяли на работу в ЦК КПСС, а его в «лес», то есть в ПГУ, местонахождение которой было в каком-то лесочке вблизи Ясенево, на окраине Москвы.

Его продолжали приглашать в качестве переводчика, когда прибывали делегации из Лаоса и Таиланда, поэтому мы часто встречались и даже подружились.

Он познакомил меня со своей женой и дочерью, очень милые барышни, а я его, вернее, их всех троих, с моими, не менее милыми барышнями.

И вот, Игорь смотрит на меня через дверной проем.

-Что вылупился? – бесцеремонно спрашиваю я. – Хочешь зайти – заходи, не хочешь – закрой дверь. А то сквозит.

- Какой ты, однако, серьезный, - смеется он, заходя и прикрывая дверь за собой.

- А то! – киваю я головой. – Ну? Что скажешь, Штирлиц? Провалил все явки, и только моя осталась? Или как? Поэтому и заглянул?

- Да нет, заглянул я по другому поводу.

- Ну, давай, расскажи про повод, - одобрительно киваю я головой, отодвигая в сторону надоевшие «звездные войны», по которым я пишу диссертацию.

Короче, Игоря, и все их шпионское братство, стали привлекать на «усиление» по поддержанию общественного порядка. Сначала раз в две недели, потом раз в неделю, а потом, чуть ли не каждый день.

А поскольку митингов становилось все больше и больше, то и их тоже стали призывать все чаще и чаще. Причем, без предупреждения, а по тревоге, как на войне, с табельным оружием.

Это нарушало ритм жизни, притом не только служебной, столько семейной, поскольку бывали случаи, когда собирались идти куда-то всей семьей, а очередная тревога портила все предварительные планы.

Тем более, что после окончания тревоги, они должны были не ехать домой, как все нормальные люди, а в свой лес, в Ясенево, сдать там табельное оружие, получить взамен карточку-заместитель, и лишь потом *дуть* туда, куда была договоренность встретиться со своей семьей.

Или чужой - не важно. Главное, что это было неудобно.

И вот, именно такой случай приключился с Игорем в тот день. Они с женой и дочерью договорились сходить вечером в детский театр, купили билеты, приоделись специально для этого, и тут, на тебе, тревога.

Притом, не та, боевая, о которой даже и нет смысла говорить что-то против нее, а бутафорская, «на усиление».

К великому для Игоря счастью, ему как-то удалось договориться со своим начальством, и те его отпустили пораньше с «усиления».

Однако ему еще предстояло ехать в Ясенево, сдать там табельное оружие, и лишь после того вернуться в Москву и идти с женой и дочерью в театр.

Это было практически невозможно, потому что он не успевал вернуться к ним до начала представления в театре, так, как только на дорогу, до Ясенево и обратно, он должен был бы тратить минимум два часа.

- Саша, - молящим голосом обращается Игорь ко мне, - а можно, я оставлю свою пушку у тебя. Не пойду же я с пистолетом в детский театр. Там же дети!

И смотрит на меня, прямо как ребенок на Деда Мороза в новогоднюю ночь.

- И куда я суну, эту твою пушку, товарищ капитан? – недовольно, и немного удивленно, спрашиваю я. - У меня же нет пирамиды, мы же мирные люди, не то, что некоторые.

- Да в любой свой сейф, смотри, сколько их у тебя, - радостно калякает он, чувствуя, что я практически уломан, и соглашусь.

- И когда заберешь? – пытаюсь я, все-таки, отвертеться от пушки, - мне же домой тоже надо появляться, хоть изредка.

- Да сразу же после театра. Я их посажу на такси, отправлю домой, и сразу к тебе. Ну, а потом в Ясенево, и только уж потом домой, - вздыхает он.

- Ладно, - сдаюсь я. – Молись Богу, что я добрый. Сунь его в большой сейф, где мы обычно храним паспорта.

Игорь радостно распоясывается, снимает кобуру и пистолет и кладет все это на верхней полке большого настенного железного шкафа, где мы храним паспорта зарубежных делегаций. После этого быстро прощается и уматывает в свой детский театр.

Я продолжаю работать над диссертацией, но потом решаюсь выпить чашку кофе и чуть-чуть отдохнуть. О пистолете - забыл напрочь.

Пока кипятильник греется, я решаюсь проверить, какие делегации у нас есть, и не предполагается ли незапланированный отъезд какой-либо из них. С этой целью открываю шкаф, где хранятся паспорта, авиабилеты и другие атрибуты и аксессуары зарубежных делегаций, и вижу на верхней полке кобуру с пистолетом и двумя запасными обоймами.

Мне становится интересно, чем же вооружены наши Штирлицы. Достаяю весь арсенал из шкафа, и сажусь за свой стол для того чтоб спокойно рассмотреть его.

В это время дает знать о себе кипятильник, я варю себе наикрепчайший кофе, зажигаю сигарету и продвигаю к себе оружие *суперменов*, каковыми они себя считают.

Изучаю. Рассматриваю. Ничего особенного. Обычный ПМ. Правда, в хорошем состоянии. Но все же, *Макаров*, а не *Стечкин*, не говоря уж о том, что не *Люгер*, или хотя-бы *Беретта*.

- Тоже мне, шпионы, - хмыкаю я, и сую все хозяйство в ящик стола, так как лень вставать и положить пистолет обратно, в шкаф.

Потом, все-таки, встаю, делаю несколько упражнений, чтоб отогнать усталость, сажусь за стол и возвращаюсь к своей диссертации.

Через часочек дверь тихо открывается и заходит Игорь.

- Хорошо, что застал, - радуется он. - А то я беспокоился.

Я вспоминаю, что положил пистолет в ящик стола и решаю разыгрывать его:

- А ты, что *приперся*, в такое время? Из дому выгнали, что ли?

- Да нет, пока не выгнали, - испуганно смотрит он на меня. - Ты что такое городишь? Почему это, меня должны выгнать из дому?

- А что? Просто интересуюсь, чего это ты, *заявился* ко мне, в такой час.

- Дык, - Игорь растерянно показывает рукой на шкаф: - Я за своим хозяйством.

- За каким, таким, хозяйством? - удивляюсь я. - И где это, твое хозяйство?

- Как это, за каким? – округляет он глаза. – И как это где? Вот, в шкафу я оставил, - и снова показывает рукой на железный сейф-шкаф.

- Ну, раз говоришь, что оставил, тогда – заberi, - добродушно говорю я.

Игорь открывает сейф и, не видя там свой пистолет, буквально каменеет. Это продолжается с минуту.

Потом он энергично начинает переворачивать содержимое полок, становится на корточки и смотрит под шкафом, прыгает вверх и смотрит над шкафом, снова переворачивает все на полках в самом шкафу и, наконец, медленно, поворачивается ко мне.

Лицо растерянное. Белое-белое. Взгляд потухший. Неуверенным, каким-то глухим голосом, спрашивает, показывая дрожащей рукой к шкафу:

- Где?

- Что? – невозмутимо спрашиваю я.

- Как это что? – взрывается он. – Пистолет!

- Чей? – так же, невозмутимо, интересуюсь я.

- Как это чей? – орет он на меня. – Мой! Мой пистолет!

- Игорь, - говорю я ему спокойным голосом. – Ты же взрослый парень. Откуда я могу знать, где твой пистолет?

- Как откуда? – растерянно вопрошает он. – Я же тебе оставил его.

- Пистолет? Твой? Мне? – удивленно интересуюсь я. – И как оставил? Под расписку? Или получил карточку-заместитель взамен, от меня? Я тебе кто? Дневальный? Или камера хранения?

Он тупо глядит на меня и молчит.

- Нет, - мямлит он через какое-то время и опять замалчивает.

Глаза – совершенно пустые. Руки висят вдоль тела будто ватные.

Он медленно садится на пол, хватая голову двумя руками и начинает крутить ее из стороны в сторону, не издавая ни одного звука.

Я понимаю, что дальше нельзя продолжать игру, так как это может привести к непредсказуемым последствиям. Достāju кобуру с пистолетом и запасными обоймами из ящичка стола и протягиваю Игорю.

- Вот твоё хозяйство. Пошутил я. Извини!

Он вскакивает, хватая кобуру, и снова садится на пол. Достает пистолет и обоймы. С невероятной быстротой разбирает и собирает пистолет, проверяя наличие каждой пружинки и каждого шурупчика, пересчитывает пару раз патроны, выстреливая их из обоймы и снова загружая их обратно.

Все в порядке.

Он поднимает глаза на меня. Они какие-то измученные, но уже с признаками жизни.

- Ну и шутки у тебя! – со злостью произносит он, и поднимается с пола. – Дурацкие!

- Ну, извини! – повторяю я.

Он одевает кобуру, сует в неё пистолет, прицепляет обоймы. Потом садится на находящийся рядом стул и, устало, говорит:

- Я же мог чокнуться. Ты же знаешь, что они со мной бы сделали за потерю боевого оружия?

- Откуда я могу знать порядки в вашей поганой организации? Я там, слава Богу, не служу!

- Твоё счастье, что ты там не служишь, – кивает он головой.

- Значит, я счастливый человек! – начинаю я смеяться, но его печальный вид подсказывает мне, что этого делать нельзя.

- Ну, извини! – снова обращаюсь я к нему. – Неужели ты думаешь, что я мог бы взять твой пистолет и не вернуть, подставив тебя?

- Раньше не думал. Думал бы так – я бы не оставил его у тебя, без расписки. – говорит он тихо, и как-то измученно.

- А сейчас уже так не думаешь? – спрашиваю я.

- Да нет, - отрицательно машет он головой. – Хотел бы не вернуть, не вернул бы. И никто бы тебе ничего не сделал. Я, ведь, ничего бы доказать не смог.

Он тяжело вздыхает, отворачивается и направляется к двери.

- А урок ты мне преподавал хороший! Это – на будущее, я имею в виду. Чтоб не был и впредь, дурак-дураком.

- Ладно, тебе, - резюмирую я. – Тоже мне, дурак нашелся. Хочешь, подвезу до дому, у меня же есть дежурная машина.

- Да нет, - отрицательно машет он головой, - я сам. Хочу побыть в одиночку, о жизни подумать, о себе, - и выходит из кабинета.

- Ну, давай-давай, думай, - киваю я головой и возвращаюсь к своей писанине.

Но в голову ничего не лезет, и я хлопаю, в сердцах, черновик диссертации, одеваюсь и тоже выхожу на улицу.

Не знаю, подействовал ли на него этот урок, как он сам выразился, или не подействовал, но в марте 1994 года, уже в звании подполковника, будучи сотрудником Бангкокской резидентуры Службы внешней разведки

России, Игорь Макеев покинул территорию Российского посольства в Таиланде, где числился третьим секретарем, с портативным компьютером, содержащим секретную информацию.

Согласно данным распространяемыми разными СМИ, он тайно был вывезен, вместе с семьей, в США, где передал ЦРУ, АНБ и ФБР всю имеющую у себя информацию.

За это, его, вроде бы заочно, СВР приговорило к смерти, сообщают те же СМИ.

Узнав эту информацию, я как-то подумал, а не оставил ли Игорь кому-нибудь на хранение этот самый злосчастный лэптоп с секретной информацией, и тот, в отличие от меня, не захотел вернуть его обратно?

Вот и *шуганул* Игорь в Штаты.

Шутка шутками, а что было бы, если бы я не вернул ему тогда пистолет? Неужели, тоже сбежал бы? И тоже приговорили бы к смерти?

Пути Господни неисповедимы.

Бравичи, Молдавия, июль 2008 года.

Из цикла
Конфликт поколений

*Ну, а завтра спросят дети,
Навещая нас с утра:
- Папы, что сказали эти
Кандидаты в доктора?*

*Мы откроем нашим чадам
Правду - им не все равно:
- Удивительное рядом,
Но оно запрещено.*

Владимир Высоцкий
«Письмо в редакцию телевизионной передачи
(Очевидное - невероятное)»

Молдавия. Лето 1986 года.

Жена и дочь приехали из Москвы погостить у родственников.

Пошли любоваться природой, и дочь, ей три годика, открыв для себя, что названия предметов, растений и животных на русском и молдавском языках совершенно разные, пытается Татьяну вопросами:

- Это что? – спрашивает она, тыча пальцем в цветок?

- Ромашка, отвечает Татьяна.

- А по-молдавски? – допытывается дочь.

- Романица.

- А это что?

- По-русски - липа, по-молдавски - тей.

Так продолжается довольно долго.

- А это? – задает она очередной вопрос, тыча пальчиком в неизвестное для Татьяны растение.

- Не знаю, - признается она. – *бурьян* какой-то.

- Да ты что, мама? – возмущается дочь. – Какой это бурьян? Это я – *Буриан*, это папа – *Буриан*, тетя Лена – *Буриан*, а то, что ты показываешь мне – это травка какая-то!

Январь 1989 года, Москва.

Москва, 1986 год.

Утро. Сидим дома, на кухне, завтракаем.

Дочь, ей три годика, уже одета для садика, сидит на своем стульчике и, с невероятным аппетитом, ест все выложенное на стол.

Одной ручкой она запихивает в рот бутерброд с колбаской, а другой пытается достать еще кусок хлеба из хлебницы. Но хлебница - на другом конце стола, и она не может достать хлеб.

После двух-трех неудачных попыток, она поворачивается ко мне и выдает:

- Мужчина, подайте мне, пожалуйста, кусок хлеба!

- Какой я тебе мужчина? - возмущаюсь я.

- А кто ты? - удивленно смотрит она на меня.

- Я - твой папа! - назидательно отвечаю я.

- Ну, пап, дай мне кусок хлеба! - как ни в чем не бывало, говорит она.

Мы с женой обмениваемся взглядами и, почти одновременно, пожимаем плечи и разводим руки в стороны: мол, что тут поделаешь?

Фразы, услышанные детьми в троллейбусе или каким-то другом виде городского транспорта, типа: «Мужчина, закомпостируйте, пожалуйста, билет», становятся эталоном общения.

Ну, это еще можно исправить, а как быть, если они слышат мат, и постараются его воспроизводить?

Январь 1989 года, Москва.

Бравичи, Молдавия, январь 1987 года.

Дочь гостит у бабушки.

Ей три с половиной, и переезды для нее уже стали интересными. Тем не менее, ей хочется обратно, домой, в Москву, о чем сообщает нам по телефону, когда мы справляемся о ее самочувствии, и мы с женой вырываемся на пару дней, отпраздновать Старый новый год и, заодно, забрать оттуда и ее.

На улице совсем не по-зимнему тепло, растаял снег, и погода меняется каждые полчаса, то дождик ударит, то солнышко появится.

Дочери хочется на улицу, однако там грязь не просветная, так как лесной чернозем, который преобладает в этих местах, при такой погоде становится липким, как кефир, только черного цвета, и прилипает ко всему, к обуви, одежде, и всему остальному. К тому же, там сыро, дует ветер, и довольно холодно.

Жена пытается объяснить дочери все это, но ребенок упрям, как сто ослиц, вместе взятых.

Наконец они приходят к компромиссному решению, что она оденется хорошо, чтоб не простыть, и постарается не запачкаться, так как некогда стирать одежду, ведь в Москву же надо ехать.

Дочь утвердительно кивает головой, давая тем самым клятвенное обещание, что именно так и будет, и они пускаются в поисках подходящей одежды и, главное, обуви.

С обувью, как раз и проблема, поскольку дочь выросла из своих резиновых сапожек, купленных еще летом, и ее нога туда проступает с превеликим трудом, благо обута еще и в толстый шерстяной носочек.

С таким же усилием они проделывают ту же операцию и со вторым сапожком, и ребенок, счастливый, вырывается на улицу.

Однако там, холодно, к тому же дует пронизывающий ветер, и дочь минут через десять уже лезет обратно в дом, обляпанная, с ног до головы, бравицким черноземом.

Недовольная, так как ее предупреждали о том, что на улице будет холодно и сыро, но не желавшая признаться в своей неправоте, она снимает, сопя, с себя одежду, но как доходит до сапожек весь процесс останавливается.

Дочь смотрит на нас, но мы делаем вид, что не замечаем ничего. Но она тоже не просит помощь, и это длится какое-то время.

Наконец, она не выдерживает и, смотря на нас из-под бровей, произносит:

- Разуть.

Жена, недовольно качая головой, но, не произнеся ни слова, поднимается, подходит к ней, и помогает разуться.

Дочь бродит по комнатам минут десять, и молча подходит к своей, оставленной на полу, одежде и начинает одеваться, но как добирается до сапожек - история повторяется.

Она икает, сопит, бьет ножкой об пол, но тщетно. Мы делаем вид, что ничего не замечаем. Тогда, опять смотря из-под спущенных бровей, она произносит:

- Обуть.

Жена, опять, не произнеся ни слово, подходит к дочери и помогает ей обуть сапожки.

Сморкаясь, дочь выходит на улицу, но минут через десять опять возвращается, и история повторяется, точь-в-точь.

Так происходит раз пять-шесть, и когда дочь, в очередной раз появляется с улицы, вся заляпанная в грязи, жена не выдерживает, раздевает и разувает ее с быстротой молнии и, поворачивая ее попочкой кверху, шлепает по мягкому месту, повторяя, в ритм шлепков:

- Обуть-разуть, обуть-разуть, обуть-разуть!

Ребенок, естественно, пускается в плач.

Я поднимаю взгляд, с стопки бумаг которую изучаю, так как в скором времени предполагается защита кандидатской диссертации, и с укором смотрю на жену.

Она взрывается, и объявляет:

- Точь-в-точь, такая же, как ты!

И через секунду:

- Абсолютно! Как две капли воды! – встает, и уходит в другую комнату.

Ребенок перестает плакать, какое-то время о чем-то раздумывает, потом решительно поднимается, подходит к маленькому столику, что у окна, берет оттуда зеркало, такое круглое, с подставкой и смотрит в нее на себя.

Потом поднимает взгляд и направляет его на меня. Долго смотрит, потом снова заглядывает в зеркало, и снова на меня.

Кладет зеркало на столик, молча садится на стульчик, около окна, и долго потом смотрит в окно, о чем-то думая.

Когда же, через пару дней, уже в Москве, она в чем-то провинилась и я, в сердцах, бросаю: - И в кого ты пошла такая, самоуверенная и непокорная? – она, округлив глаза, удивляется:

- В кого, в кого, - ясно в кого!

Александр Буриан. Блокнот в "Norton commander".

- И в кого же? – интересуюсь я.

- Пап, ну посмотри на себя в зеркало, - и показывает на напольное зеркало, что в холле. - Мы же – как две капли воды!

И смотрит, безапелляционно.

Потом, через минуту, с деланным недовольством:

- Такие вопросы задаешь!

И еще через минуту, уже со смешком:

- Такие вопросы...

- Да уж, - бурчу я, не находя ничего другого в ответ.

Январь 1989 года, Москва.

Москва. Осень 1987 года.

Далеко за полночь.

Возвращаюсь из очередной зарубежной командировки. Усталый. Злой. Командировка какая-то дурная, никчемная. Из самолета – прямо в посольство. Там – целые сутки работа с документами. Какие-то споры, какое-то дурацкое толкование известных терминов, согласование каких-то текстов, давным-давно согласованных. Из посольства – опять, прямо в самолет, минуя даже здание аэропорта.

И вот, еду по ночному городу домой, и даже гостинцев для дочери не успел купить.

Открываю дверь, тихо раздеваюсь и на цыпочках захожу в комнату дочери.

Она не спит, хотя завтра ей в садик. Ждет меня. Привстала с кровати и шепотом, чтобы не разбудить мать, спрашивает:

- Пап, что принес?

Мне стыдно. Как ни скудны были «командировочные» советских времен, всегда ухитрялся купить ей какие-то безделушки. А тут – так ничего и не успел.

- Знаешь, говорю, так получилось, но на этот раз ничего тебе не принес.

- Ничего-ничего? – ее глазки, как две спелые черешни, смотрят на меня с недоверием: такого ведь еще никогда не было.

Александр Буриан. Блокнот в "Norton commander".

Наконец осознает, что это правда.

- У тебя, папа, что, *сто девочек*, что ли? Или, *только одна*?

- спрашивает она с обидой в голосе и поворачивается к стенке.

С тех пор гостинцы я заготавливаю впрок.

Январь 1989 года, Москва.

Молдавия. Лето 1987 года.

Дочь гостит у бабушки.

Она приготовила голубцы из молодых виноградных листьев и угощает ими внучку.

Такие голубцы имеют особый привкус в отличие от тех, которых готовят из листьев капусты. Но сами виноградные листья почему-то чернеют, становятся жесткими, совсем неприличными на вид.

Дочь их не ест, а аккуратно отделяет от содержимого самих голубцов и кладет на краю тарелки.

- Ну что, внученька, - спрашивает бабушка. - Дать добавку?

- Давай, - соглашается дочь. - Но дай мне только кашу, без этих, твоих *тряпочек*.

Январь 1989 года, Москва.

Молдавия. Лето 1988 года.

Дочь гостит у бабушки и посещает местный детсад, где ее включили в соответствующую возрастную группу.

В конце лета дети из старшей группы уходят из садика в школу, в первый класс, а средняя группа становится старшей. Это производит неизгладимое впечатление на детей, «повзрослевших», вдруг, за один день.

Они становятся значительными, даже заносчивыми, и начинают свысока смотреть на «малышек» из средней и младшей группы, постоянно подчеркивая и напоминая им, да и всем остальным, о том, что они из старшей группы.

Разумеется, это преобразование не обходит стороной и мою дочь, которая бредит этим событием почти целую неделю.

Каждые пять минут она спрашивает меня:

- Пап, а ты знаешь? Я уже в *старшей группе!*

Она собирает губки в комочек, упирает ручку, тыльной стороной ладони, в талию, поднимает правую бровь, морщит лобик, нацеливает на меня вопросительно-изучающий взгляд иссиня-черных глаз и ждет мою реакцию.

- Правда? – поражаюсь я, хотя слышал этот вопрос, по крайней мере, с десяток раз. – А когда это было?

- Вчера, - сообщает она мне таким голосом, будто решение о переводе в старшую группу было принято постановлением политбюро. – Мы проводили

школьников в первый класс, а потом, сразу же, нас перевели в *старшую группу*.

Она делает многозначительную паузу, и продолжает:

- А знаешь, пап, я раньше, когда была маленькой, - опять недолгая, но многозначительная пауза, - то, как-то, даже и не обращала внимание на то, какие все-таки глупые девочки в *младшей группе*. Они даже не умеют одеваться, и не могут сами заплетать себе косички. Представляешь?

Ее глазки округляются, сверлят меня настойчиво и ждут ответа.

- Ужасно, - говорю я. - Но что с них взять? Они же еще в *младшей группе*.

- Да! - сокрушенно кивает она головой. - Совсем зеленка!

«Зеленка» - это, вероятно, новый термин, которым она обогатила свою лексику в последнее время.

Я осознаю, что за этим процессом мне никак не уследить, поэтому согласительно киваю головой, что ее радует, так как мое мнение, как ни странно, пока для нее играет роль.

В это же время у бабушки гостит и ее сын, который приходится дядей моей дочери, прибывший в отпуск из армии.

Ему, конечно же, уже сообщили о чудном переводе в старшую группу и о несмышлёных малявках из средних и младших групп детсада.

Но, кажется, он не совсем вник в суть проблемы, так как занят другими мыслями: вечером готовится идти на танцы, своеобразная дискотека 80-х годов.

Он стоит перед большим зеркалом, одетый в парадный военный мундир и, кряхтя, пытается правильно завязать галстук.

Александр Буриан. Блокнот в "Norton commander".

- Ты, Вань, куда собрался? – пытается дочь провести предварительную разведку его намерений.

- Дык, к девушкам, - отзывается он с ухмылкой.

У нас так принято отвечать, когда пристают с вопросами, а не хочется раскрывать, куда идешь.

- К девушкам из *старшей группы*? – уточняет дочь.

Мы заржали как сумасшедшие. Смеялись до икоты, волнами, переходящие в истерику, особенно когда встречали непонимающий и обиженный взгляд дочери.

Январь 1989 года, Москва.

Из цикла Жизненные круговороты

Была пора - я рвался в первый ряд,
И это все от недопониманья, -
Но с некоторых пор сажусь назад:
Там, впереди, как в спину автомат -
Тяжелый взгляд, недоброе дыхание.

Мне вреден первый ряд, и, говорят
(От мыслей этих я в ненастье ною),
Уж лучше где темней — последний ряд:
Отсюда больше нет пути назад,
И за спиной стоит стена стеною.

И пусть хоть реки утекут воды,
Пусть будут в пух засалены перины —
До лысин, до седины, до бороды
Не выходите в первые ряды
И не стремитесь в примы-балерины.

Может, сзади и не так красиво,
Но - намного шире кругозор,
Больше и разбег, и перспектива,
И еще - надежность и обзор.

Владимир Высоцкий
«Была пора - я рвался в первый ряд»

Кишинев, Молдавия, Август 1990 года.

Заседание Молдавского Парламента.

Лидия Истрати, депутат от Народного Фронта, выходит к микрофону и задает риторический вопрос:

- Ну, когда же, наконец, господа, мы достигнем европейских стандартов? У нас в парламенте лишь 13 депутатов-женщин, что составляет всего 3,42% от общего количества депутатов, в то время как в скандинавских странах – 50 % депутатов – это женщины.

Парламентарии в замешательстве.

Во-первых, идет прямая трансляция по телевидению, на всю республику, и каждый взвешивает свои слова перед тем как выйти к микрофонам, чтобы не иметь проблем с избирателями.

Во-вторых, женщин-депутатов действительно 13, но все они такие скандальные и непредсказуемые... Не дай бог, если их будет 50%!

В-третьих, на что она намекает? Проводить новые выборы, что ли?

В-четвертых, и это самое главное, связываться с Лидией Истрати – себе дороже. Она любого - так может облить грязью пред микрофоном, что тот - век не отмоеся.

Поэтому молчат. Не высказываются.

Наконец к трибуне выходит депутат Ион Ватаману.

Задумчиво смотрит в зал, поворачивает голову к президиуму, неуклюже поправляет галстук. Почему-то

стучит пальцем по микрофону и с деланным вниманием слушает отзвук в динамиках. Достает очечник, вынимает оттуда очки и напяливает их на носу, смотрит в зал, потом на президиум и довольно хмыкает. Прячет обратно очки, опять смотрит на президиум, переводит взгляд на зал и выдает:

- Мда! А ведь, действительно, у нас лишь 13 женщин-депутатов из общего количества в 380 парламентариев.

Делает паузу.

Зал молчит. Ждет.

- Но, господа! Это же абсолютно достаточно! Согласитесь,!!!

- Более того, - продолжает он азартно, входя в раж. - Я бы даже сказал - разумная достаточность! Особенно, если учитывать их пыл и темпераментность.

Зал в восторге.

Даже представители Приднестровья согласно кивают головами.

Лишь Лидия Истрати молчит.

Левой подошвой она подбивает какой-то такт в оперение соседнего стула и смотрит немигающим, рыбьим глазом, на Ватаману.

Но он не обращает на нее никакого внимания и под бурные аплодисменты возвращается в зал, на свое место.

Один из тех случаев, когда *правду-матку* нечем крыть.

Между прочим, так и не достигли мы, до сих пор, «европейских стандартов», в этом непростом и довольно скандальном вопросе.

Честно скажу: даже и не знаю, как это оценить - к счастью ли, к сожалению, ли...

Бравичи, Молдавия, июнь 2009 года.

Кишинев, Молдавия, Сентябрь 1990 года.
Заседание Молдавского Парламента.

Новоиспеченный спикер парламента, Александру Мошану, не очень разбирается в тонкостях техники. Да и в других вопросах он, мягко говоря, плавает и недалек.

То и дело забывает отключить микрофон в президиуме, и его разговоры с коллегами слышны всему залу, а иногда и всей республике, так как пленарные заседания парламента транслируются прямой передачей на всю страну.

В зале шум и гам. Только что прошло какое-то голосование, и идет процесс подсчета голосов. Это - муторное занятие и длится, как обычно, долго. Депутаты, в ожидание результатов голосования, обмениваются новостями, травят анекдоты.

Среди общего гама выделяются два голоса, мужской и женский, которые все больше и больше набирают обороты.

- Что там за крики, кто там орет? - спрашивает спикер парламента своего заместителя, Виктора Пушкашу, не подозревая, что его слова слышны всему залу, и даже за его пределами.

Он вглядывается в зал и, наконец, обращает внимание на возмутителей порядка.

- Ну вот, опять эта Лидия Истрати, - жалуется он членам президиума. - На этот раз с Георгием Мазылу схлестнулась. Интересно, что они, на этот раз, не поделили?

Слова спикера, усиленные динамиками, заставляют депутатов прервать свои разговоры, и в зале становится сравнительно тихо, если не считать криков Лидии Истрати и Георгия Мазылу.

- Депутаты Истрати и Мазылу, - обращается к спорящимся громким, официальным, голосом спикер. - Что там случилось? Что за крики?

- Она ругается! Обзывает меня! - изрекает Мазылу.

- Ну вот, прямо как дети в первом классе. - сетует спикер, тихим голосом обращаясь к другому своему заместителю, Иону Хадыркэ, хотя это слышно всему залу и вызывает взрыв хохота среди депутатов.

И продолжает, уже громким голосом, обращаясь к Лидии Истрати:

- Вы же депутаты, разве можно ругаться? Сейчас же помиритесь!

- Ну да, - хохочет Лидия. - Буду я с ним мириться. Он же голубой!

- Кто он? - не понимает спикер. - Голубой? Как это, голубой?

- Адзуро! - кричит на весь зал Истрати.

- Как адзуро? - еще больше недоумевает спикер. - В каком смысле? Что это значит, ад-зу-ро?

- Да *пид*рас* он! - под общий хохот зала орет Лидия. - *Пи-д*-рас*! - уточняет она по слогам.

- Ну вот, - опять тихим голосом говорит Мошану своим заместителям, Пушкашу и Хадыркэ, - я же говорил, что они ведут себя как дети в первом классе.

Результаты голосования объявили нам лишь на следующий день, так как парламент не смог в тот день продолжить свою работу.

Бравичи, Молдавия, июнь 2009 года.

Кишинев, Молдавия, 1992 год

Кулуары Молдавского парламента.

В баре на шестом этаже сталкиваюсь с Лидией Истрати, писательницей, депутатом от Народного фронта.

Она ко мне равнодушна. В смысле собеседника. Нет-нет, да и заводит разговоры на разные темы. Конечно, в первую очередь о политике.

Но мы стоим на разных платформах, представляем разные фракции, поэтому точек соприкосновения практически нет.

Но все чаще и чаще она заговаривает то о Латинской Америке, то о Афганистане, то о Индии. Она узнала у кого-то, что я был в этих странах и, то-ли проверяет это, то ли на самом деле хочется узнать что-то новое.

Особенно нравится ей беседовать о древней Греции, поскольку пронюхала что я когда-то учился на историческом факультете. Меня это не радует, так как её знания в этой области – мягко говоря, нулевые.

- Ты почему не поздравляешь меня? – спрашивает она задиристо.

- А по какому поводу? – удивляюсь я.

- Как это, по какому поводу? – обижается она. – Я же книжку выпустила. Ты что, не прочитал ее?

Возмущение неподдельное. Самое настоящее. Ее глаза так и сверлят меня. Злобно. Немигающее.

- Нет, не читал, - признаюсь я.

- И тебе не стыдно, что ты не прочитал мою книгу? – взвинчивает она себя.

- А почему это мне должно быть стыдно оттого, что я не прочитал твою книгу? - отбрыкиваюсь я. - Пусть тебе будет стыдно, что такую книжку написала, что никто ее не читает.

Лидия уничтожающе смотрит на меня. Отворачивается и, не говоря ни слова, уходит.

Мне становится неловко.

Женщина все-таки. А обидел ее по-жлобски.

Достаю ее книгу. Читаю.

Серая какая-то. Абсолютно!

Но еще не факт, что плохая. Может, я что-то недокумекал, недопонял. Бывает, ведь.

Через недельку останавливаю её в кулуарах парламента и прошу автограф. Это что-то вроде индульгенции. Своеобразная форма прощения прощения за допущенный промах.

Она вся светится. Как люстра, в сочельник.

Победоносно смотрит на меня и спрашивает:

- И как?

- Нормально, - выдавливаю я из себя.

- То есть, как это нормально? - взрывается Лидия?

- Что? - и задиристо смотрит на меня. - Ничего так и не высмотрел, своим орлиным взглядом? А я на тебя надеялась!

- Как это, надеялась? - теряюсь я.

- Да так! Думала, увидишь, что это не просто результат моей жизни, а своеобразный урожай моего творчества, так сказать.

- Ну, если учитывать, что это своеобразный урожай творчества, - мямлю я, - то есть там, кое-какие, зернышки.

Она смотрит на меня воинственно, даже агрессивно, но я выдерживаю взгляд. Это сбивает ее с толку, и молча,

Александр Буриан. Блокнот в "Norton commander".

выдержав определенную паузу, она медленно-медленно
отдаляется.

Думаю, эти «кое-какие зернышки», она мне никогда
не простила.

Бравичи, Молдавия, июнь 2009 года.

Из цикла
«Нам вождя не доставало...»

*Мы не сделали скандала —
Нам вождя не доставало:
Настоящих буйных мало —
Вот и нету вожаков.
Но на происки и бредни
Сети есть у нас и бредни —
И не испортят нам обедни
Злые происки врагов!*

*Это их худые черти
Мутят воду во пруду,
Это всё придумал Черчилль
В восемнадцатом году!*

Владимир Высоцкий
*«Письмо в редакцию телевизионной передачи
«Очевидное — невероятное»*

Молдавия. Осень 1990 года.

Чимишлия, райцентр на юге Молдавии.

Сюда президент Снегур вызвал всех депутатов Парламента и всех членов Правительства, для проведения чрезвычайного совместного заседания по поводу опасности раскола Молдавии из-за сепаратистских действий гагаузских властей.

Кворума нет. Во-первых, не всех оповестили. Во-вторых, такое ощущение, что даже и не хотели всех оповестить.

Главный вопрос в том, что происходит на самом деле, и как выйти из кризисного состояния.

В стране хаос. В СССР.

Но мы еще часть Советского Союза, одна из союзных республик. А Союз трещит по швам.

Карабах, Баку, Тбилиси...

А сейчас вот, и у нас.

Советчиков - уйма!

Один деловитее другого:

- Гагаузы, при поддержке турков, а турки члены НАТО (при этом делают круглые глаза и многозначительно кивают головой), направляются к Кишиневу, - твердит один из «советчиков».

Снегур смотрит на него с издевательством и даже не реагирует на «сигнал». «Советчик» обиженно дует губы и прядется за спины присутствующих.

- Войска Одесского военного округа, - говорит другой «советник», - в количестве до 500 танков, пересекли границу Молдовы и двигаются к нам.

- 500 танков? - поражается Снегур. Да ты что? Да нет у них столько танков. Вообще!

Гробовое молчание.

- И где же они сейчас, эти танки? - интересуется он через минутную паузу.

- Где-то поблизости, - потупляет глаза «советник».

- Мда! - резюмирует Снегур. - Наградил меня бог «советниками» и «советчиками». Ладно, хватит дурью маяться и играть в прятки и пугалки. Что нам делать?

Все молчат. А что делать, если неизвестно что происходит?

- Атаковать их надо! - выходит на первый план премьер-министр Мирча Друк. На голове у него - берет, *а ля ЧеГевара*, но без звездочки, а под мышкой - тонкая кожаная черная папка, как у *Берии*.

Лаврентия Павловича, разумеется.

- Но как их атаковать, голова ты садовая, если мы даже не знаем, где они находятся? - поражается Снегур.

- Знаем! - уверенно заявляет Друк.

Он открывает тоненькую папку, которую держит под руку, и достает оттуда лист бумаги. Это - карта Европы. Скорее всего, вырванная из учебника по истории для 4-го класса, поскольку на ней отмечены только Москва и Париж.

- Вот они, здесь! - тычет он пальцем где-то между Босфором и Дарданеллами.

Снегур молча, с неприязнью, смотрит на него.

- Уйди с моих глаз! - вдруг изрекает он. - *И так на душе тошно.*

С тех пор я зауважал Мирчу Снегура.

Бравичи, Молдавия, июнь 2009 года.

Из цикла
«Индеец Джон Белая рубашка
и новые «бледнолицые»

*В Африке, в районе Сенегала,
Европейцам – форменный бардак:
Женщины хоть носят покрывала,
А мужчины ходят просто так.*

*Сами независимость хотели,
А теперь пеняйте на себя*

Владимир Высоцкий
«В Африке, в районе Сенегала»

* * *

Кишинев, 1993 год.

Парламент Молдовы получил от Конгресса США приглашение направить двух парламентариев с визитом в США.

Приглашение такого рода поступило к нам впервые, и баталии за право ехать в Америку разыгрались нешуточные.

Я в то время был председателем парламентской комиссии по международным делам, и выступал за то, чтобы в любую заграничную поездку направлялись не только представители большинства в парламенте, но и представители оппозиции.

После долгих препирательств эту процедуру утвердили, а со временем она стала даже традицией, и место от большинства досталось Вове Солонарю, председателю парламентской комиссии по международным вопросам.

Второе место было выделено Народному фронту, оплоту нашей оппозиции в те времена.

Как они там распределили это место доселе неизвестно, но досталось оно Александру Арсений, который представлял их фракцию в парламентской комиссии по иммунитетам и привилегиям.

Поездка намечалась на целые три недели, и оба строили грандиозные планы своего пребывания в стране чудес для ознакомления с культурой и бытом самой

счастливой нации на Земле, как вторили нам смазливые певицы из популярного тогда ансамбля АВВА.

Конечно, им показали и Белый дом, и Здание Конгресса, свозили на самый высокий и известный небоскреб «Утюг», позволили прогуляться по нью-йоркским трущобам, а также попробовать *чисбургеры* не только в «Макдональдсе», но и в китайских ресторанах.

Почувствовать разницу, так сказать.

Вова Солонарь рассказывал мне потом, что никакой разницы и не заметил: такие же безвкусные, будто газеты жуешь.

Лишь кетчуп отличался – у китайцев был острым, а в «Макдональдсе» - полусладким.

Сходили они, конечно, и в знаменитый магазин «Александр», что на восьмой авеню в Нью-Йорке, ибо ни одному из *совков* не избегать этого.

Сам был, и знаю об этом, не понаслышке.

Там продавцами, да и владельцами, насколько я знаю, являются *совковские* евреи, то есть выходцы из бывшего СССР.

Они питают особую слабость к тем, которые приезжают *оттуда*, то есть от нас, из-за *занавеса*, хоть и не *железного* уже, и стараются их отблагодарить, за желание посетить их магазин, разными *дефицитными* и *фирменными* товарами, которые они «уступают» своим землякам по смехотворным, по их словам, ценам.

Правда, по выходе из «Александра», такие же товары встречаются на каждом шагу, в любой лавке, притом, по цене в два-три раза меньше.

- Но, это уже проза, - признался Вова, - так как, обратно, купленные вещи не вернешь.

Вероятно, он попытался, все-таки, это сделать, так как вид у него, когда рассказывал об этом, был очень несчастный.

Короче, выполнили они всю программу, составленную департаментом внешних связей Конгресса, но в резерве осталось еще два дня, запланированные на личное время и покупку сувениров.

Однако, после посещения «Александера», каких-либо денежных знаков у них не оставалось, а ходить по магазинам без денег – это то же самое, что пойти в баню без мыла.

Поэтому, не мудрствуя лукаво, они попросили организовать им еще какое-нибудь зрелище, или представление.

В департаменте внешних связей Конгресса на это среагировали без особого энтузиазма, однако, все же, поинтересовались, а что же еще они хотят видеть.

И тут, Вову Солоняря посетила гениальная мысль: посетить индейскую резервацию и удостовериться, на деле и на практике, а не только в теории, как обстоят дела с нацменьшинствами в бастионе демократии и свободы.

Саше Арсению идея не очень понравилась, но, чуть подумав, согласился.

Сказать, что это обрадовало функционеров Конгресса, было бы неправильно.

Но и отказать в просьбе они не могли, поэтому, договорившись с главой какой-то индейской резервации в Южной Дакоте, посадили Сашу и Вову на самолет и направили их в самую гущу индейской цивилизации для того, чтобы они познали, на практике, *очевидное и невероятное*.

В аэропорту их встретил какой-то представитель резервации, который, проверив предварительно их

паспорта, довез на джипе любителей острых ощущений прямо в *святая-святых* их племени.

Подъехав, наконец, к долгожданной резервации, они были встречены прямо у ворот вождем краснокожих, который по совместительству выполнял и функцию главы индейской резервации.

Вождь был похож, как две капли воды, на *Чиганчкука*, из известного фильма об индейцах и носил кличку *Джон Белая Рубашка*.

Это от того, наверное, что во время выполнения официальных функций главы резервации он одевал ослепительную белую рубашку.

В остальное же время, он ходил в обычную индейскую одежду и в мокасинах, а то и в чем мать родила, если погода позволяла, и если вокруг не собиралось слишком уж много зевак.

Джон был выпускником какого-то колледжа, увлекался охотой и рыболовством, был не в меру начитан и считался одним из самых грамотных среди своих соплеменников.

К тому же, обладал острым чувством юмора, и часто доводил до ужаса слишком любознательных туристов своими не всегда уместными шутками и нестандартным поведением.

Смотрел вождь краснокожих на прибывших гостей как бы *индифферентно*, как выражался когда-то Зощенко, но от его взгляда оба молдавские парламентария робели и теряли голос, когда приходилось отвечать на какой-либо вопрос.

Вождь сделал небольшой экскурс для гостей по резервации, показывая им шалаши, где проживали его

соплеменники, и даже знакомя приезжих с некоторыми из них.

Показал он им, и кое-что из утвари и одежды, но потом посетовал, что не имеет возможности ознакомить их с индейскими *традициями*, которые еще живы, и применяются на практике, так как *снятие скальпа* одного провинившегося индейца из соседней резервации запланирована лишь на послезавтра, а процедура *дефлорации* юной амазонки будет лишь через неделю.

- Конечно, - добавил вождь, - если гости хотят это непременно увидеть, а может и участвовать во всем этом, то могут остаться в резервации хоть еще на неделю, а то, и на месяц.

Разумеется, за плату, поскольку резервация являлась самокупаемой единицей.

Но молдавские парламентарии испугано стали мотать головами в знак нежелания остаться, а тем более, участвовать, хоть в снятие скальпа, хоть в дефлорации, хоть за плату, хоть задарма.

Увидев такое неуважение к индейским традициям, вождь замолчал, меря их немигающим взором и прикидывая что-то при себе.

Может, с какой стороны головы начать *снятие скальпа* у гостей, а может, не дожидаться целой недели процедуры *дефлорации* амазонки, а начать, прямо сейчас, это нехитрое дело, используя гостей в качестве опытных образцов, обогатив тем самым традиции индейцев новыми веяниями бледнолицых относительно равенства полов.

Парламентарии притихли, мысленно прощаясь с жизнью и коря себя за любознательность, пытаясь, с ужасом, отгонять от себя всякие дурные мысли о разных

индейских пытках из популярных фильмов про краснокожих.

Однако вождь, понаблюдав какое-то время за ними, смилоствивился, и попросил гостей рассказать о своей стране и, главное, о порядках, которые там существуют относительно разных племен.

Первым пришлось выступать Саше Арсению, так как вождь так посмотрел на него, что отказаться было невозможно.

Он начал с далекой истории Рима, потомками которого считают себя молдаване, промямлил что-то про турецкое иго и про русскую оккупацию, но потом плавно перешел на тематику объединения с Румынией, талдыча лишь об этом, и уповая на то, какие молдаване, все-таки, дураки, оттого, что не хотят этого самого объединения.

Подробно остановился он и на то, как нагло обижают румын русские.

Вождь с полминуты молчит, удостоверившись в то, что Саша закончил монолог, и уточняет:

- Молдавия, свободная страна? Независимая?

- Да! – подтверждают оба парламентария.

- Член ООН?

- Да! – снова, в один голос, звучит ответ.

- А Румыния? – приподнимая левую бровь, интересуется вождь краснокожих.

- Тоже свободная, и тоже независимая. И тоже член ООН! – задиристо объявляет Саша.

- И Румыния, хочет объединиться с Молдавией?

- Хочет, - угрюмо подтверждает Вова Солонарь.

- А Молдавия, не хочет этого объединения?

- Не хочет! – сокрушенно, недовольно сморкаясь, машет головой Саша Арсений.

- Хм! – резюмирует вождь краснокожих.

Молчит с минуту, о чем-то размышляя, потом поднимает взгляд на Вову, что означает, что тому предоставляется слово.

Вова Солонарь, начинает без предисловия, опуская историю Рима и завоевание Молдавии Османской империей, концентрируясь на процесс ее освобождения от турок Российской империей.

Впрочем, опуская при этом и то, что сначала эту миссию пыталась выполнить Австрийская империя.

А также то, что Австрии удалось освободить от турок лишь северную Молдавию, Буковину, а России удалось освободить лишь ее восточную часть, Бессарабию, оставив туркам западную Молдавию, которая позже объединилась с Валахией, создав новое государство, Румынию, которая и пытается сейчас проглотить Молдавию, объединив ее с собой.

Вова нажимает на то, как трудно живется русским в Молдавии, поскольку их притесняют румыны.

Саша Арсений, забывая о том, что они находятся в индейской резервации, а не в зале заседаний молдавского парламента, пускается в спор с Солонарем, доказывая тому, что румыны лишь отвечают на притеснения русских.

Вова, конечно, с этим абсолютно не согласен, и приводит примеры, когда именно румыны притесняли и продолжают притеснять русских в Молдавии, и все их последующие действия, являются, таким образом, лишь ответной мерой на наглое поведение румын.

Вождь краснокожих молча смотрит за ними и за их перепалкой, переводя свой ироничный взгляд от одного выступающего на другого.

Наконец, ему это надоедает, и он останавливает их прения одним коротким возгласом:

- Ш-а-а-а-а!!!

Оба парламентария замалчивают, испуганно глядя на него.

Вождь о чем-то размышляет, потом выдает:

- А ты, вообще, кто? – и показывает пальцем на Сашу.

- Я, румын, - с вызовом отвечает тот.

- А я – русский, - не так категорично и пафосно, но не без гордости, сообщает Вова.

- А живете оба, в Молдавии? – уточняет вождь.

- Да, - подтверждают оба парламентария.

- И даже являетесь депутатами парламента этой страны? – допытывается он.

- Да, - кивают оба.

- А в Молдавии, помимо румын и русских, есть и молдаване?

- Есть, - угрюмо соглашаются оба.

- Хм, - иронично склоняет голову на бок вождь, глядя на них.

Минута молчания.

- Короче, - подытоживает разговор Джон Белая Рубашка, - русские обижают румын? – и смотрит, не моргая, на Сашу Арсений.

- Да, обижают! – энергично кивает головой Саша.

- А русских, значит, притесняют эти самые, как их, румыны? – интересуется он, глядя на Вовку.

- Не то слово, - возмущается Солонарь. – Просто, похамски, ведут себя!

Вождь краснокожих молча кивает головой, глядя поочередно, то на одного, то на другого.

Потом, с сарказмом, выдает:

- А понимаете ли Вы, господа, что для меня, Вы, оба, - *бледнолицые?*

Парламентарии молчат и испуганно пучат глаза на вождя краснокожих.

- Кстати, и для молдаван, там, в вашей стране, Молдавии, вы – тоже *бледнолицые*.

И уходит, не прощаясь.

Вернулись из Штатов Вова и Саша какие-то присмирившие, и уже не так рьяно продвигали свои идеи о том, что их якобы прижимают по языковому и этническому признаку.

Бравичи, Молдавия, июнь 2009 года.

Из цикла Реквием

*Почему все не так? Вроде все как всегда:
То же небо - опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода,
Только он не вернулся из боя.*

*Мне теперь не понять, кто же был прав из нас,
В наших спорах без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас,
Когда он не вернулся из боя.*

Владимир Высоцкий
«Он не вернулся из боя»

Кишинев, Молдавия. Апрель 1993 года.

Парламент Молдовы стал членом Межпарламентского союза, международной организации, служащая для координации действий парламентов мира.

Это событие взбудоражило большинство молдавских депутатов. И не столько из-за значимости самого факта присоединения, который, тем самым, как бы закрепил статус Молдовы как «равная среди равных» с другими странами мира, столько из-за того, что для нашей маленькой страны были выделены два места для участия в работе очередной Ассамблеи этой организации которая должна была состояться в Нью-Дели, столице Индии.

Страсти еще более разгорелись, когда стало известно, что расходы по пребыванию нашей делегации берет на себя Межпарламентский союз.

Естественно, возник вопрос, кто же туда поедет, кто же окажется тем счастливецом, который увидит своими глазами эту сказочную страну, Индию, про которую в Молдавии знали лишь понаслышке, по сведениям почерпнутых из индийских фильмов, страшно популярных среди определенных слоев населения.

Все понимали, что делегация должна иметь главу, и этим главой должен быть кто-то из высшего руководства парламента. Однако оставалось еще одно место, и за нее

разыгралась настоящая баталия, сначала на пленарных заседаниях, а потом и во фракциях.

Вместе с тем, логика подсказывала, что поскольку глава делегации представляет власть, то член делегации должен представлять оппозицию. С этим не были согласны аграрии, но в конце концов победил разум и это место было отдано Народному фронту, с тем, чтобы они сами определились, кого будут делегировать.

Понятие не имею, как фронтисты определили кандидатуру. Думаю, не мало было пролито слез и вылито грязи. На это они были великие мастера. Но, как бы не было, в скором времени они сообщили, что от оппозиции в Нью-Дели поедет Лидия Истрати.

Вопрос о главе делегации решился еще проще, так как спикер парламента, Петр Лучинский, которому полагалось по статусу возглавить делегацию, отказался ехать в Дели, мотивировав это тем, что он там уже был, и пусть поедут и другие, предложив вместо себя своего заместителя, Виктора Пушкашу.

Парламент как раз был в сборе, поскольку шло очередное пленарное заседание и, не мешкая, приступил к одобрению состава делегации, что и было сделано в течение нескольких минут.

Казалось, вопрос решен, однако мне, как председателю парламентской комиссии по внешним связям пришлось еще повозиться по поводу этой злополучной поездки, так как Лидия, сразу же после того как ее утвердили, тут же приступила к подготовке своей поездки.

Пикантность ситуации состояла в том, что ни Лидия, ни Пушкашу не владели иностранными языками. Кроме русского, разумеется, который для нас и не являлся

иностранным и, молдавского, которого Лидия упорно стала называть в последнее время румынским, хотя обороты румынской речи так и не освоила, выступая перед микрофонами на своем, софийском наречии.

Предвидя, что там у них могут возникнуть трудности при общении, она сначала попыталась выбить для делегации переводчика, если не с хинди, то хотя-бы с английским.

Поняв, что это нереально, она сходилa в местное румынское посольство, где попросила, чтоб их включили в состав румынской делегации, или, чтоб их обслужил переводчик с румынского посольства в Дели.

Однако, братья-румыны отказали ей, ссылаясь на то, что включить их в состав румынской делегации невозможно, так как может произойти международный скандал, что было бы нежелательно, а лишних переводчиков в румынском посольстве в Дели нет, так как были сокращены штаты из-за финансовых трудностей.

Аргументы, впрочем, вполне обоснованные, однако совершенно неприемлемые для Лидии, которая сразу же обозвала их *цыганами*, и пригрозила, что впредь будет сопротивляться любым их попыткам осуществить «великое объединение всех румын отовсюду».

Заявление, мягко говоря, не очень-то правдоподобное и осуществимое, так как была она особой импульсивной и, сгоряча, могла сказать и не такое.

И вот, сидит она в кресле напротив меня, заплаканная и страшно возбужденная, и задает вечный вопрос: «Что делать?»

Я пока не вижу какого-либо выхода из создавшегося положения и сжимаю плечами, как бы отвечая ей, что понятия не имею, как быть.

Но она не верит этому и продолжает неотрывно смотреть на меня, упорно, с мольбой и даже с надеждой.

- Ты же учился в Москве, - подает она голос. - Не может быть, чтоб с тобой не учились индийцы.

- Учились, - подтверждаю я, - но не поддерживаю я связь с ними, и понятия не имею, где и куда они разбежались.

Она сопит, недовольна, и упорно сверлит меня глазами.

- Ну, - продолжает она поиск решений своего вопроса, - ты же работал там, в своей Москве, где-то в МИД-е, или в ЦК, не знаю точно где. Но знаю, что это было связано с международными связями. Неужели у тебя нет ни одного знакомого в Дели, который мог бы нам помочь?

И продолжает смотреть на меня, как смотрит ребенок на Деда Мороза, в новогоднюю ночь.

Я вздыхаю, достаю записную книжку, и набираю по автоматической связи номер телефона Андрея Гуляева, советника Российского посольства в Индии.

Как ни странно, связь устанавливается, и сквозь треск и характерные шумы телефонной связи тех времен, я слышу голос Андрея. Здравуемся, обмениваемся новостями, и я перехожу к главной теме дня.

- Саша, - говорит Андрей, услышав мою просьбу, - никаких проблем. Все сделаем, как надо: встретим, поможем, выделим транспорт, организуем переводчика. Главное - сообщите, когда придут, каким рейсом.

- Ну вот, - говорю я Лидии, кладя трубку, - все решилось. А ты - боялась!

Она слушает, глядя на меня не моргая, будто в состоянии летаргии, но потом приходит в себя и, с недоверием, спрашивает:

- Нас, на самом деле встретят, и дадут переводчика?

- Встретят, - киваю я головой, - и переводчика дадут.

Она молчит, о чем-то соображая, потом снова, с таким же недоверием:

- А этот, с которым ты сейчас говоришь, на самом деле, в Дели находится?

- На самом деле, - киваю я головой.

- И он, этот, из Дели, на самом деле, твой друг?

- Подруга! - взрываюсь я.

Как ни странно, это на нее действует. Она поднимается с кресла, смотрит на меня вызывающе, и выдает:

- Ну, посмотрим!

И через какое-то время, видя, что я не реагирую, продолжает, угрожающе:

- Но если он нас не встретит...

- Вот, если не встретит, тогда и поговорим, - прерываю я ее.

Она хочет еще что-то добавить, но передумывает, поворачивается и, не прощаясь, уходит.

Недельки через полтора в мой кабинет, без стука, врывается Лидия, с огромной коробкой, заклеенной индийской подарочной бумагой и перевязанной многоцветными ленточками.

Она одета в какое-то воздушное платье, явно индийского производства, на голове волосы собраны в невообразимую куафюру, а глаза светятся, будто светлячки в безлунную ночь.

Чинно садится в кресло, на которое я едва успеваю показать рукой, и кладет, прямо на стол, коробку.

- А у тебя хороший друг! - объявляет она вместо приветствия.

- А то! - хмыкаю я.

Она оценивающе смотрит на меня и снова:

- Я серьезно!

- Я – тоже!

Молча разглядывая меня, она кладет свои руки на стол, переплетая их, и потом упирается на них подбородком. И продолжает смотреть на меня безмолвно.

- Знаешь, - произносит она тихо, через какое-то время, - все было именно так, как ты и обещал.

- Значит, все было в порядке? – осведомляюсь я.

- Что ты, - воодушевленно начинает она, поднимая голову со сложенных рук. – Нам оказывали больше внимание, чем российской делегации. Представляешь?

Я пожимаю плечами.

- Да! – с нажимом утверждает она. – Я даже спросила Андрея, не будут ли у него из-за этого проблемы в посольстве, а он только посмеялся в ответ.

Я опять пожимаю плечами.

- Хороший парень! – снова повторяет Лидия.

На этот раз я киваю утвердительно головой и интересуюсь:

- Так, ты удовлетворена приемом?

- На сто процентов!

- Значит, получила все, что хотела от этой поездки?

- Все? – смотрит она на меня с некоторым удивлением.

Потом ее лицо преобразовывается, и она выдает, с вызовом:

- Не только все, что хотела, но даже больше! – и хохочет.

Я молча смотрю на нее.

- Когда выходили из самолета, - вдохновенно сообщает она мне, - а мы летали на одном самолете с братьями-

румынами, то нас встретили, прямо около самолета, посадили в посольскую машину и повезли сразу в гостиницу, даже без проверки багажа и паспортов. Представляешь?

Я утвердительно киваю головой, так как, после восьми лет работы в службе протокола ЦК КПСС, прекрасно осведомлен, как это делается.

- А румыны, - продолжает она, сверкая глазами, - остались с дутыми губами! Видел бы ты, их рожи, когда мы сели в лимузин российского посольства!

И хохочет, довольная.

- Их повезли на ржавом автобусе, даже без окон, поскольку у них там страшная жара, сначала в пограничный терминал, а потом в таможенный, - продолжает она, чуть успокоившись. - Целых два часа они еще томилась в аэропорту.

И снова хохочет, страшно довольная.

Мне не очень понятна ее радость, но вспомнив, что они ей отказали в помощи, понимаю ее настрой.

- А Андрей Михайлович столько рассказал о тебе, - уже совсем успокоившись, сообщает она мне.

- Неужели, только хорошее? - делаю я вид, что удивляюсь ее утверждению.

- Только - хорошее! - с вызовом смотрит она.

И через минуту молчания:

- Он нам город показывал, в картинную галерею свозил, к Святославу Рериху, - и смотрит на меня, но я молчу.

- Он говорил, что ты был знаком с Рерихом.

- Да, - выдавливаю я из себя. - В порядке общего знакомства. Он же недавно умер.

- Да, Андрей говорил об этом.

Она опускает голову и о чем-то задумывается. Я тоже молчу, так как неохота говорить с ней больше ни об Андрее, ни о Рерихе.

- А знаешь, что мне сказали братья? – интересуется она у меня через какое-то время.

- Какие братья? – не врубаюсь я, так как полностью ушел в свои думы.

- Ну, какие-какие, - сверкает она глазами, - братья-румыны!

- Ну, и что же сказали тебе, твои братья-румыны? – интересуюсь я.

- Мои братья-румыны! – недовольно ворчит Лидия.

Сморкается, и недовольно смотрит в одну точку. Точь-в-точь, как ребенок, которого несправедливо обидели.

Но через пару минут она прерывает молчание:

- Они сказали, что я – агент КГБ! – и возмущенно смотрит на меня, будто это я сказал, а не ее братья.

- Представляешь? – сверлит она глазами.

- Представляю, - хмыкаю я, - почему же нет.

Она молчит, и с негодованием смотрит в окно.

- Дураки, твои братья-румыны, - говорю я. – Как было у них государство полицейским, при Чаушеску, так и осталось полицейским, и сейчас. Как подозревали всех, что они агенты иностранных разведок, так и продолжают всех подозревать. И как писали доносы на всех и против всех, так и продолжают писать.

Она утвердительно кивает головой, но лишь недовольно сопит, не произнеся ни слова.

- А еще, дураки они, - продолжаю я свою мысль, - потому что, будь ты агентом КГБ, вряд ли они, кgb-шники, показали бы, что знают тебя. Этим же они раскрыли бы вашу связь!

- Да, - утрюмо кивает она головой, - я пыталась им это толковать, но разве есть с кем говорить?

- Ну, это тебе решать, - ухожу я от дальнейшей дискуссии.

- Да, наверное, - кивает она головой.

Еще с минуту она о чем-то думает, недовольно дует губы и сопя носом, потом решительно поднимается с кресла и говорит:

- Спасибо тебе!

Поворачивается и направляется к двери. Открыв ее, она склоняет голову на бок, и через плечо, сообщает:

- Это тебе от Андрея, - и глазами показывает на коробку. - Там какая-то картина, от Рериха, насколько я поняла, он же был художником.

Я молча киваю головой.

Она поворачивается всем телом ко мне и, глядя прямо мне в глаза, произносит:

- Хорошие у тебя друзья! - и уходит.

После этого случая у Лидии изменился подход к моей персоне. И если до этого она постоянно корила меня за то, что я, якобы, не так голосую, и что я, якобы, не так понимаю проблематику национального возрождения нашего края, то, с того момента, перестала этого делать и уже никогда не критиковала мою позицию.

Через несколько лет она ушла из жизни.

Без нее парламент стал каким-то нелюдим, неинтересным, поскольку не было слышно ее хохота, ее окриков, ее наставлений.

Она ушла из жизни непокорной, непобежденной, хотя и не признанной, своими же соратниками по фракции и партии, так как они видели в нее сильного конкурента, сильную личность, могущая им помешать в

продвижении своих узколобых меркантильных интересов, прикрытых лживыми лозунгами.

А еще через пару лет не стало Андрея Михайловича Гуляева.

С Андреем мы были знакомы еще с конца семидесятых.

Поработали вместе в аппарате ЦК КПСС более десяти лет, он занимался в международном отделе Индией, Бангладешом и Пакистаном, я же, сначала проработал в протокольной службе, немножко занимался космическими делами и «звездными войнами» в международном отделе, а потом, там же - Латинской Америкой.

Из Москвы мы уехали практически одновременно, он - в Дели, я - в Кишинев, потом меня назначили послом Молдовы в Германии, а его, чуть позже - послом России в Пакистане.

Связи между собой не теряли, и даже удалось пару раз за это время встретиться, строя планы на будущее, в надежде на дальнейшее совместное сотрудничество.

Будучи уже Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Исламской Республике Пакистан он скоропостижно скончался 4 декабря 1999 года.

«То, что пусто теперь, - не про то разговор, вдруг заметил я - нас было двое. Для меня - будто ветром задудло костёр, когда он не вернулся из боя» - пел Владимир Высоцкий своим прекрасным, хрипловатым баритоном, и именно это я почувствовал, именно такое было мое состояние, когда услышал о смерти Андрея.

Думаю, такое же ощущение было и у других его друзей и соратников, которые трудились вместе с ним в

международном отделе ЦК КПСС, не говоря уж о МИД-овцах.

У Константина Симонова есть прекрасные стихи:

*Говорят, раз ты умер - таков уж закон,-
Вместо "ты" про тебя говорить надо: "он",
Вместо слов, что люблю тебя, надо: "любил",
Вместо слов, что есть друг у меня, надо: "был".*

*Так ли это? Не знаю. По-моему - нет!
Свет погасшей звезды еще тысячу лет
К нам доходит. А что ей, звезде, до людей?
Ты добрей был ее, и теплей, и светлей,*

*Да и срок невелик - тыщу лет мне не жить,
На мой век тебя хватит - мне по дружбе светить.*

В годовщину его смерти, мы, его друзья, поминаем его, доброго и отзывчивого человека, талантливого дипломата, безвременно ушедшего в мир иной.

Безвременно, потому что у него было много планов, которых так и не удалось осуществить. А интересовался он многими и многими вещами, временами не очень-то понятными для остальных.

Были у нас и общие планы, так как он, как-то обещал свозить меня в Гималаи, в Лхасу, историческую столицу Тибета, куда он раньше ездил с Святославом Рерихом, в поисках мифической страны Шамбала.

Я же обещал ему, что свезу на Остров Пасхи, где побывал до этого, в поисках затерянного континента, поскольку сопровождающий меня в эту поездку, Марио Паредес, известный чилийский архитектор, ученик

Александр Буриан. Блокнот в "Norton commander".

великого Оскара Нимейера, утверждал, что такой континент есть.

Не удалось нам, к сожалению, осуществить эти планы. Но я постараюсь побывать в Лхасу, и еще раз на остров Пасхи, потому, что этого очень хотел Андрей.

Бравичи, Молдавия, июнь 2012 года.

Из цикла
«Незабываемое»

*Как-то раз к Марине Влади
Подошёл огромный дядя,
Прорычал: - Я - Фантомас!
Я давно влюблённый в Вас!*

*А Марина отвечала: -
Я таких в гробу видала!
Мне не нужен Фантомас,
Мне б Высоцкого б сейчас!*

Владимир Высоцкий
«Фантомас- кровавый глаз»

Москва, июль 1980 года.
Похороны Владимира Высоцкого.

В стране - горе.
Неподдельное.

Не организованное и официально не объявленное, а самое настоящее - умер Владимир Высоцкий.

Кумир мальчишек и стариков, мужчин и женщин, богатых и бедных, ментов и эков...

Короче, кумир нас всех. Наш кумир!

Власти, естественно, беспокоятся, как бы «чего не вышло». В смысле, массовых манифестаций, актов неповиновений, и т.д. и т.п.

Да, мало ли что?

Запретить, что либо, - не решаются. Как ни странно, и до них дошло, что это может выйти боком. Но и сидеть, сложа руки, власти тоже не могут. И не хотят.

Во-первых, поскольку, ясное дело, не может власть предержащих бояться каких-то там почитателей какого-то там певца, хоть и всемирно известного, но лишь певца.

Во-вторых, поскольку на носу - Олимпиада-80, которая бойкотируется некоторыми странами, в первую очередь США, и властям не хочется привлечь дополнительное внимание к предстоящим похоронам Высоцкого.

Исходя из этого, власти решают проигнорировать, насколько это возможно, саму процессию похорон Высоцкого и, одновременно, предотвратить, опять же,

насколько это возможно, неподвиженные акции и манифестации, которые могут иметь место.

В этой связи, одной из самых вероятных «головных болей» для властей, может стать появление в Москве жены Владимира Высоцкого, знаменитой французской актрисы русского происхождения Марины Влади.

Она жила в Париже, как пел сам Высоцкий в одной из своих песен, поэтому проследить за ее появлением в Москве не так уж и сложно.

Вопрос, однако, возникает чисто технический, насчет того, как сделать так, чтоб ее, по прибытии в Шереметьево, не встретила толпа, и не устроила какие-либо незапланированные митинги.

Но тут нашлись «светлые головы», которые просчитали что, к чему, когда, и как.

Остается определить лишь исполнителя этой акции.

И тут начинаются чудеса.

В протокольной службе ЦК КПСС, которая и должна, по задумке, провести эту акцию, вдруг все заболели.

Поголовно. Начиная с начальника этой службы, Пал Пальча Безушко, и кончая Женей Деменковым, ответ-исполнителем.

Притом, у всех больничный лист, выданный, не какой-то там городской поликлиникой, а 1-й поликлиникой Четвертого главного управления Минздрава СССР, которой заведует, не кто иной, как сам Чазов Евгений Иванович, лечащий врач и личный друг Леонида Ильича.

Брежнева, разумеется.

Ну, разве можно не верить этим больничным листам?

Верили, или не верили, не до конца понятно, но вопрос о том, как быть, встал совершенно реально.

О чем они там талдычили, с кем они там советовались – я не знаю, но мне позвонил заместитель начальника протокольной службы ЦК КПСС Петров Юрий Иванович, который, почему-то, не заболел в такой ответственный момент, и поинтересовался, что я делаю, и какие у меня планы на ближайшее будущее.

Дело в том, что к тому времени, будучи студентом Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, я был определен переводчиком на Олимпиаду-80, притом должен был работать не со спортивными делегациями, а с официальными.

В этой связи, из оргкомитета Олимпиады-80 я был направлен в протокольную службу ЦК КПСС, которая и ведала приемом и обслуживанием официальных делегаций, приглашенных на Олимпиаду.

В этой службе со мной побеседовали, протестировали, попробовали в работе, дав возможность самостоятельно встретить и проводить зарубежные делегации в различных аэропортах и вокзалов Москвы и, после этого, сказали сидеть дома, и ждать телефонного звонка.

Я и сидел дома, и ждал звонка. Телефонного, разумеется. И он поступил.

Послушав мое сообщение, что я свободен, и жду вызова на службу, Петров распорядился, чтоб я прибыл к нему, на Полотников переулоч, дом 12, в «ЦеКовской» гостинице «Октябрьская», где на тот момент располагался «рабочий штаб» протокольной службы ЦК КПСС.

Я прибыл в назначенный час.

Юрий Иванович поздоровался со мной и глазами показал на стул, чтоб сел. Он ходил кругами по кабинету и ждал, от кого-то, телефонного звонка. Но звонок так и

не поступал, поэтому Петров дергался, нервно поглядывал на часы, и продолжал ходить, туда-сюда, по кабинету.

- Не звонят! – с досадой вымолвил он, в очередной раз посмотрев на часы. – А самолет, вот-вот, пересечет нашу границу, и времени останется только для того, чтоб рвануть в аэропорт.

Не зная, о каком самолете идет речь, и почему не звонят, я предпочел не вступать и не задавать лишних вопросов.

Петров, тем временем, сделал еще пару кругов вокруг стола, остановился посередине комнаты, и изрек:

- Саша! – и строго посмотрел на меня. – Ты знаешь Высоцкого?

- Владимира Высоцкого? – уточнил я.

- Да! Владимира Семеновича Высоцкого. Он умер, и его скоро должны похоронить на Ваганьковском кладбище.

- Нет, не знаком, - отрицательно качаю я головой. – Не приходилось. Но я знаю его песни. Они мне нравятся. Даже был на его концертах.

- И мне нравятся! – бурчит Петров. – И что из этого? Кому-то, ведь они не нравятся!

- Ну, и что из этого? – в недоумении, развожу я руками.

- Не задавай глупых вопросов! – отрезает он. – Смотри, кому они не нравятся.

Он задумывается на минутку, потом продолжает:

- Вот, Леониду Ильичу они нравятся, а Суслову, Михаилу Андреевичу – не нравятся! И что тут поделаешь?

Я молчу, так как понятия не имею, что можно поделать. В моем представлении, генсек у нас - Брежнев,

а не Суслов, поэтому и решение, вроде-бы, само собой напрашивается.

- Непросто все у нас, - качает головой Петров. - Ох, как непросто. - И опять смотрит на телефоны, а их у него на столе - целая куча, и все молчат, а потом на часы.

- Ладно, - резюмирует он через пару минут. - Пусть меня посадят, или снимут, - и замалчивает, о чем-то думая.

- Нет! - я тебе неверно говорил. - Пусть меня снимут, или, в крайнем случае, посадят. Вот это будет правильно! - и хохочет.

Но еще через минуту:

- Как это правильно? А за что же, собственно говоря, меня сажать? - и, вдумчиво, озадаченный, смотрит в одну точку.

Потом машет рукой, и снова, мне:

- Твоя задача: ехать в Шереметьево-2, встретить Марину Влади, снять ее с самолета, рейс «Эр-Франс» 720 из Парижа, так, чтоб ни одна душа это не увидела, и перевести ее в Москву, в то место, куда она укажет. Ясно?

И смотрит на меня внимательно.

- Надеюсь, ты знаешь, кто такая Марина Влади? - уточняет он.

Я молча киваю головой.

- Твои действия. Я слушаю, - и продолжает внимательно смотреть мне в глаза.

- Приезжаю в Шереметьево-2, - говорю я ему, - связываюсь с руководством аэропорта, уточняю время прилета «Эр-Франс» 720 из Парижа, и стоянку или теле-трап, куда подгонят самолет, связываюсь с пограничниками, таможенниками и службой безопасности, объясняю им, что имею полномочия снять

с рейса человека, провести его вне зоны контроля и вывести из аэропорта. Объясняю им, какие людские и технические ресурсы мне нужны будут для этого.

- И какие? – интересуется он.

- Лучше всего самолет загнать к 21-му теле-трапу, это в правое крыло, там свободнее. Мою машину загнать под самолет, около лестницы с теле-трапа. Мне нужна будет одна операторша с зала ВИП, а также рация «Ангстрем», чтоб мог напрямую связаться с пограничниками в случае чего.

- Молодец! – довольно, кивает головой Петров. - Я бы тебя взял на работу к нам. Конечно, если ты все это выполнишь именно так, как расписал.

Я молчу, а Юрий Иванович, буквально через секунду:

- От меня, что требуется?

- Звонить во все службы и предупредить, кто я такой. А то, могут и задержать.

- Ну да, представителя ЦК КПСС задержать! – и хохочет. - Да они, наложат в штаны, когда тебя только увидят!

- Велико удовольствие, - бурчу я.

- Велико-невелико, но ситуация такова! Ладно, дуй в Шереметьево! Машина тебя ждет у подъезда.

Я «дую» в Шереметьево, уточняю и организовываю все именно так, как и запланировал.

В аэропорту настоящий аврал. Все взбудоражены, но никто не знает, что делать, и смотрят на меня немножко испуганно, в ожидание распоряжений. Но их нет, так как я не вижу в этом никакой необходимости.

Наконец, самолет садится, его подгоняют к заранее определенному трапу. В сопровождении грациозной Аллы Барановой, сотрудницы зала ВИП, захожу в

самолет, узнаю Марину Влади, подхожу к ней и объясняю ситуацию.

Она практически сразу врубается в тематику разговора и понимает ситуацию. Но напряжена. Не скажу, что испугана, но явно напряжена. И, как-то нерешительна. Вероятно, что-то ее беспокоит.

Пытаюсь узнать, в чем дело.

- Меня должны встречать, - говорит она. - Если не встретят, будут беспокоиться.

Я согласно киваю головой, и спрашиваю, кто должен встречать.

- Сева Абдулов, - сообщает она мне, после секундного раздумья.

Я сообщаю по радиции имя Абдулова и прошу разыскать его. Буквально через минуту, мне говорят, что Абдулова нашли, и интересуются, куда его *доставить*.

Я морщусь, и объясняю в радицию, что его не надо куда-то доставить. Пусть ему сообщат, что Марина прибыла, и она подойдет к нему сама. Или, пусть он ждет около своего автомобиля, а вы скажете нам, как вас найти.

В радиции щелкает привычное «есть» и Марина, вроде, успокаивается.

Мы покидаем самолет и садимся в машину, находящееся буквально под ним, выезжаем с территории аэропорта, заезжая к автостоянкам, где, по словам Марины, должен находиться автомобиль Севы.

К нам подходит группа людей, среди которых Марина узнает Абдулова и она выходит из нашей машины.

Они здороваются, о чем-то шепчутся, потом перетаскивают ее вещи с нашей машины в его, и уезжают.

Я звоню Петрову и докладываю о выполнении «операции», он меня хвалит и отпускает домой, до следующего звонка.

Позже я узнал, что Петров ждал звонка от Могилевца Михаила Евстафьевича, зам-управляющего делами ЦК, свояка Виктории, супруги Генсека.

Леонид Ильич же одобрил «акцию» лишь после того, как Марина уже была в Москве. Был чем-то занят - мало ли у генсеков проблем - и не до Марины Влади ему было.

Впрочем, думаю, как и ей до него.

Я же, много раз после этого вспоминал этот неординарный случай, осознавая свою роль маленького винтика в огромном механизме существующей тогда государственной и партийной системы.

Что ж, все мы винтики системы, и тогдашней, и теперешней, как бы ни старались этого отрицать.

Бравичи, Молдавия, июнь 2012 года.

Из цикла
«Лошадиная профессия...»

*Есть у всех, у дураков
И у прочих жителей
Средь небес и облаков
Ангелы-хранители.*

Владимир Высоцкий
«Есть у всех, у дураков»

* * *

Кишинев, октябрь 1994 года.

МИД Молдавии.

Сидим в моем кабинете на третьем этаже здания Правительства и разбираем предстоящую поездку в Китай.

Поездка трудная, так как предстоит вести переговоры по нескольким направлениям экономического сотрудничества между нашими странами, поэтому я пригласил к себе не только своих подчиненных, но и представителей разных министерств и ведомств, имеющих отношение к данной проблематике.

Все уже порядком устали от разнообразия цифр и диаграмм, и я предугадываю, что у каждого из нас есть желание сделать паузу и освежиться.

- Ну, может, кто-то расскажет какой-нибудь анекдот, пока нам принесут кофе и бутерброды? – спрашиваю я.
- А то, вижу, рожу у всех слишком кислые.

Все переглядываются, но зачинщик никак не определяется.

В принципе, оно и понятно: анекдотов новых практически нет, а рассказывать старых – кому охота?

Нам приносят заказанные кофе и бутерброды и мы, молча, приступаем к трапезе.

После кофе, разумеется, всем хочется курить, и я достаю коробку гаванских сигар, подарочный набор, мастерски исполненного в виде маленького чемоданчика.

И тут, один из сидящих, мидовец, то есть, мой подчиненный, увидев маленький чемоданчик, заполненный гаванскими сигарами, подает голос:

- Анекдот я не расскажу, а вот случаем из личной жизни – поделюсь.

Мы устремляем на него свои взгляды и ждем продолжение.

- Короче, - начинает он, - в лицее, где учится моя дочь, решили навести порядок с данными относительно того, где и кем работают родители учащихся.

Мы, подбадривая его, молча киваем головами, так как у нас тоже есть дети, и их также спрашивают в своих школах, кем же работают их родители.

- И когда мою дочь спросили, кем же работает ее папа, она ничего вразумительного не смогла сказать, - глухим голосом сообщает он нам.

- Ну, ребенок же еще! – дрожащим тенором уточняет он, и мы, в поддержку, согласно киваем головами.

- А училка, подняла ее на смех, перед всем классом, и дала наказ: - если на второй день она не узнает, кем же работает ее папа, то может и не появляться в школе.

- Представляете? – сверлит он нас глазами.

Мы утвердительно киваем, и он продолжает:

- Ну, когда она мне обо всем рассказала, я тоже удивился, и говорю ей: «Да, как же ты не знаешь, кем я работаю? Я же – дипломат! Понимаешь? Дип-ло-мат!!! Так и скажи там, в своей школе, что твой папа – ДИПЛОМАТ!!!».

Мы молчим, и ждем продолжение.

- И вот, она позвонила мне полчаса тому назад, - могильным голосом сообщает он нам.

И сморкается.

- Плачет. Говорит, что я неправильно сказал, кем работаю, так как весь класс хохочет, - продолжает он через минуту.

Мы, в недоумение смотрим на него.

- И, я ее спрашиваю, - почти плачущим голосом продолжает он, - «А, что же, ты им сказала?»

Мы, с нетерпением, ждем продолжение, но он, расстроенный, смотрит в окно.

Потом, через долгую паузу, поворачивает голову в нашу сторону, и добавляет:

- Она сказала, что я работаю *чемоданом!*

Мы взрываемся в хохот, от чего его вид становится еще сумбурней и трагичней.

- Ну, есть у меня маленький кейс такой, чемоданчик, который мы все называем *дипломатом*, - объясняет он. - И появилась, наверное, у нее такая ассоциация. Но разве, можно так глумиться над ребенком?

Мы продолжаем хохотать, но, во избежание срыва, так как рассказчик абсолютно не в себя, мы пытаемся его успокоить, напомним про чеховский случай с *лошадиной фамилией*, отметив, что он, возможно, также прорвался в классику, своей *лошадиной профессией*.

Бравичи, Молдавия, апрель 2010 года.

Из цикла
«Интимные отношения...»

*Как-то вечером патриции
Собрались у Капитолия
Новостями поделиться и
Выпить малость алкоголя.
Не вести ж бесед тверёзыми:
Марк-патриций не мытарился –
Пил нектар большими дозами
И ужасно нанектарился.*

Владимир Высоцкий
«Семейные дела в Древнем Риме»

* * *

Кишинев, Молдавия, 1994 год.

Сижу на работе, в МИД-е, готовлю свою командировку в Иран.

Работы много, материалов мало, поэтому дергаюсь, психую.

Звонит телефон, и я поднимаю трубку в надежде на то, что кто-то, или что-то, отвлечет меня от состояния неопределенности и нерешительности, в которой нахожусь, и даст импульс к другому стилю работы, может, конструктивному.

- Александр Дмитриевич, это Вы? - робко слышен в трубке женский голос.

- Да, - отвечаю я, узнав Аллу Ивановну, врача-эндокринолога, из поликлиники Лечсанупра, бывшего 4-го управления Минздрава..

- Ой, я такое наделала, такое наделала, - охает трубка.
- Даже и не знаю, как извиниться перед Вами.

- А что же такое, Вы наделали, Алла Ивановна, что даже и не знаете, как извиниться? - иронично спрашиваю я.

- Ой, все - по *дурости* своей! Все - из-за моей *нездоровой любознательности*, как говорит моя бабушка.

- Ну-ну, - поддакиваю я, - давайте-ка, расскажите.

- Короче, - щебечет трубка, и я представляю, как она округляет при этом свои глаза, - у меня сегодня прием в поликлинике, и заходит в кабинет молодая, красивая, интересная женщина.

Я жду продолжение.

- Ну, я спрашиваю, «Вас что-то беспокоит?», а она мне отвечает: «Нет, слава Богу, ничего не беспокоит! Мне только диспансеризацию пройти», и протягивает мне свою медицинскую книжку.

- Ну, я смотрю в книжку, - продолжает Алла Ивановна, - и вижу фамилию: *Буриан*.

И замалчивает, видимо ожидая с моей стороны какие-то комментарии, или вопросы, но я молчу.

- Ну, - продолжает дальше трубка, - я знаю десять человек с фамилией *Буруянэ*, семь или восемь человек с фамилией *Буруян*. Но я знаю только одного, с фамилией *Буриан* - Вас, Александр Дмитриевич.

Я продолжаю молчать.

- Ну, и я, *дура*, - продолжает Алла Ивановна, чуть не плачущим голосом, - вместо того, чтоб заниматься своим делом, спрашиваю ее: «А Вы, Буриана Александра Дмитриевича, знаете?». «Знаю», отвечает она.

Я молчу.

- И я, *дважды дура*, - чуть ли уже не плачет докторша, - спрашиваю ее: «А в каких отношениях, Вы, с Александром Дмитриевичем?». А она, так, с интересом, посмотрела на меня, и отвечает: «В интимных! Он мой муж».

Я начинаю хихикать, но Алла Ивановна выводит меня из состояния веселья своим трагическим голосом:

- Александр Дмитриевич, что же будет?

Тут уж я не могу сдержаться и хохочу прямо в трубку:

- Да что может быть, Алла Ивановна? Вы спросили, она ответила. Притом, правду. И все дела.

- А она, не подумает, что-то, такое? - беспокоится она.

- Ну, это уж ее дело, что думать и о чем думать. А Вы - поступили правильно, и Вам нечего беспокоиться. - успокаиваю я докторшу и кладу трубку.

Настроение резко повышается и я, уже с подъемом, возвращаюсь к своим бумажкам.

Бравичи, Молдавия, июль 2011 года.

Из цикла
"Парковка по немецки"

*...Узнаю и в пальто, и в плаще их,
Различаю у них голоса,
Ведь направлены ноздри ищеек
На забытые мной адреса.*

Владимир Высоцкий
"Узнаю и в пальто, и в плаще их"

* * *

Бонн, Западная Германия, 1996 год.

Автомобильная учебная площадка на берегу Рейна.
Здесь проходят практику вождения, желающие получить права водителя.

В Германии, с этим строго.

Учиться на водителя можно лишь в автошколах, которых здесь несметное количество.

В большинстве своем, они частные, разного уровня организованности, но во всех неукоснительно выполняются общие правила подготовки молодых водителей.

Любые практические занятия по вождению должны проходить лишь в присутствии инструктора, который имеет специальное разрешение соответствующих государственных органов.

Индивидуальное репетиторство запрещено законом.

Для Германии, это непростой звук.

Немцы народ, очень организованный и законы, чтут.

Притом, если замечают, что кто-то нарушает их, то без зазрения совести тут же сообщают об этом кому надо.

Реакция полиции моментальная.

Нарушителя тут же выявляют, фиксируют нарушение каких-то правил или инструкций, а то и закона, штрафуют, а то и прячут в каталажку.

В зависимости от тяжести проступка.

Это касается всех случаев жизни, в том числе и процессу подготовки молодых водителей.

На этом и держится порядок в Германии, немцы этим очень гордятся, а мы, все остальные, жутко им завидуем, хотя и возмущаемся, когда это касается нас, лично.

Вечер.

К одной из таких автомобильных площадок, а их в Бонне несметное количество, подъезжает серый БМВ М3 с дипломатическими номерами молдавского посольства.

За рулем Ваня, второй водитель посольства, рядом, справа, Татьяна, моя жена.

Машина принадлежит Татьяне.

Мы ее купили пару месяцев тому назад, по случаю, и Татьяна страшно довольна, что будет независимой в своих передвижениях по городу, и не надо будет каждый раз просить и клянчить, чтобы я ее куда-нибудь довез, или чтобы разрешил, чтоб, в порядке исключения, это сделали водители посольства на посольских машинах.

Я постоянно занят на работе, и лишен возможности уделять ей то внимание, которое она, безусловно, заслуживает.

К тому же, я слишком принципиален и предусмотрителен, чтобы разрешить ей пользоваться посольскими машинами.

Молдаване, хоть и не немцы, но *стучать*, куда надо и куда не надо, тоже умеют.

Притом, делают это очень изобретательно, может, даже, с любовью к этому делу, добавляя в своих доносах такие подробности и нюансы, которые и во сне не приснятся.

Поэтому, и решили купить ей машину.

Как говорят, чтобы и овцы целы, и волки сыты.

Она водит машину, и неплохо, но есть одна проблема, в которой она не совсем уверена: парковка автомобиля.

Из-за этого, она комплексует, не садится за руль, и ее завоеванная независимость превращается в фикцию.

Но она настырная, и добивается, чтобы я разрешил любому водителю нашего посольства, после работы, на ее автомобиле, а не на автомобиле посольства, проводить с ней несколько практических занятий по парковке автомобиля.

Тем более, что это не противоречит немецким законам и правилам, так как у нее уже есть водительские права, полученные еще в Молдавии, как национальные, так и международные, продублированные немецким *аусвайсом* на вождение автомобиля, любезно выдаваемый немецкими властями всем дипломатам и их женам, владеющими национальными документами этого рода.

Я разрешаю, и вот, они въезжают на территорию автомобильной площадки для вождения.

Они были здесь и вчера, но навыки парковки никак не могут быть освоены только за день учебы, поэтому они продолжают начатый курс, даже и не предполагая, что *бдительные* немцы уже *настучали*, куда надо, об их вчерашних учебных занятиях.

На площадке, чуть в стороне, стоит машина дорожной полиции, через ветровое стекло которой видны два офицера дорожной службы, которые о чем-то беседуют.

Решив при себе, что немцы тоже люди, и тоже хотят *сачковать* иногда, убегая от службы, и нашедшие для этого дела тихое место, в тени, Татьяна и Ваня, не обращают на них никакого внимания, и начинают свои учебные занятия по парковке.

Тем более, что знают, даже уверены в этом, что никаких немецких правил и законов не нарушают.

Они меняются местами, Татьяна садится за руль, и начинает свое *туда-сюда*, пытаясь освоить науку

парковки автомобиля, а Ваня, садится справа, вроде в роли инструктора и советчика.

Дав ей возможность совершить несколько *пируэтов* по парковке, машина дорожной полиции срывается с места и приближается к ним.

Из машины выходит офицер дорожной полиции, представляется, беря под козырек, и объявляет, что они нарушают ту и ту статью, той и той инструкции, а также еще и ту статью, такого-то федерального закона.

И, невозмутимо, смотрит на нарушителей, ожидая их реакцию.

А какая реакция может быть?

Будь это в России, или в той же Молдавии, все могло бы обойтись бутылкой водки, или небольшой денежной компенсацией.

Но здесь Германия.

И здесь живут немцы, а не русские или молдаване.

А у немцев, только один подход к нарушителям законов и инструкций.

Наказание.

Других подходов они не признают.

На то они и немцы.

Поэтому, заставленные врасплох любители изучать практические навыки парковки притихли, и у них даже и не возникли какие-либо крамольные мысли идти на сделку с немецкими стражами дорожного движения.

Ваня притих, и сделался маленьким-маленьким, пригнувшись на автомобильном сидении, в надежде, наверное, что стражи порядка его не заметят.

По немецким законам, за несанкционированное *инструкторство* и *репетиторство*, нарушитель не просто

штрафуется, огромным штрафом, но и лишается водительских прав на N-ое количество лет.

Такая перспектива его совсем не радует, поэтому сидит тише воды.

Татьяна, хоть сначала и засмутилась, быстро приходит в себя, и начинает атаку.

Она объявляет, что никаких правил, инструкций, и тем более, законов они не нарушают, поскольку эти правила касаются тех, которые только учатся на водителя, а она к ним не относится, поскольку у нее есть водительские права.

- А водитель, имеющий водительские права, - добавляет она, очень серьезно, хоть и чуть иронично, - может тренироваться сколько угодно, для того, чтобы повысить свое мастерство. Хоть в одиночку, хоть в присутствии зрителей.

И смотрит, с вызовом, на офицера дорожной полиции.

Но немец терт.

Он снисходительно усмехается, и говорит, что если у фрау есть водительские права, то пусть она показывает их, и инцидент исчерпан.

Татьяна пускается в поисках своего водительского удостоверения в своей дамской сумочке.

Но, увы, их там нет.

Рванув, впопыхах, на *парковочную* учебу, она забыла их дома.

Она, разумеется, смущается, сообщает об этом неприятном своем открытии офицеру, и говорит, что может сейчас же поехать домой и принести сюда водительское удостоверение, если они немножко подождут здесь.

Офицер, снова снисходительно, но уже более настороженно, говорит, что нет смысла, чтобы она поехала домой и вернулась обратно со своими водительскими документами, а было бы лучше поехать вместе домой, под их эскортом, так сказать, и там показать их, если, конечно, таковые есть в наличии.

И оба, со своим напарником, усмеваются.

- Сейчас, покажу, - недовольно мямлит Татьяна, - так покажу, и столько покажу, что рады не будете.

Ваня садится за руль, она занимает место рядом, и они трогаются с места, а за ними, как фантом, следует машина дорожной полиции.

На каком-то перекрестке, они поворачивают к боннскому микрорайону Боэль, где расположен дом, в котором мы проживаем, но машина дорожной полиции тут же их догоняет и, через опущенное стекло, офицер сообщает им, что Молдавское посольство находится в другом направлении, чем то, в котором они движутся.

И оба полиция, уже не усмеваются, а хохочут, вовсю.

Татьяна, зло глядя на них, отвечает, что посольство, действительно, находится в центре города, но резиденция посла находится в другой части города, и именно туда они и направляются.

Немцы, продолжая хохотать, кивают головами, и показывают, чтобы следовать дальше, раз уж такой расклад.

Вероятно, связываются по рации со своими коллегами и сообщают им об этом неординарном случае, так как когда подъезжают к нашему дому там уже стоит еще одна машина полицейской дорожной полиции, из которой выходят два улыбающихся офицера.

Вряд ли, случай настолько серьезный, чтобы была нужна подмога, или усиление.

Скорее всего, это для них *хохма*, и возможность весело скоротать время дежурной смены.

Татьяна, вихрем заходит в дом, достает бумажник, где расфасованы все ее три удостоверения водителя, выходит к представителям дорожной полиции, которые, уже вчетвером, с интересом смотрят на нее.

Рты у всех – аж до ушей.

Глаза, так и светятся.

Наверняка, уже предвкушают, как они расскажут, вечером, после службы, в какой-нибудь пивнушке, об этой попытке *молдаванчиков* уйти от немецкого правосудия.

Татьяна подходит к их группе и, с вызовом, говорит:

- На тебе, права, на тебе, права, и на тебе, права!

И вручает каждому по водительскому удостоверению.

Прямо, как в известном грузинском анекдоте.

Лишь с той разницей, что каждое удостоверение водителя заработано ею честным трудом, в автошколе, а не куплено на базаре, как у грузин.

Потом поворачивается к четвертому офицеру:

- А Вам, извините, не хватило. Вот, получу еще и испанские и датские удостоверения водителя, поскольку мой муж аккредитован и в этих странах в качестве посла, и тогда, милости просим, хоть впятером!

Немцы в трансе.

Улыбки стерлись с их лиц, как будто их там и не было, а глаза смотрят серьезно и с интересом на предъявленные корочки.

Они сличают их.

Во всех, одна и та же фамилия, одно и то же имя, одна и та же фотография, которая, нет сомнения,

Александр Буриан. Блокнот в "Norton commander".

принадлежит стоящей перед ними Татьяне, которая с ухмылкой смотрит на них.

Все печати и подписи на месте, срок действия всех документов не просрочен.

К тому же, наличие немецких водительских прав подтверждает идентичность и остальных, поскольку немцы, они же немцы, никогда не дадут какой-нибудь документ, пока не проверят аутентичность оригинала.

Все, вчетвером, занимают стойку смирно, извиняются за причиненные неудобства, четко отдают честь, беря на козырек, садятся в своих машинах и укатывают.

Наверное, рассказали они там, своим, в дорожной полиции, об этом случае, поскольку впредь, при встрече с машинами с молдавскими дипломатическими номерами, все полицейские машины дорожной службы Бонна приветливо моргали им фарами, а офицеры из этих машин дружно махали рукой, поднятой в знак приветствия.

Бравичи, Молдавия, июнь 2010 года.

Из цикла
«Товарищи ученые»

*Товарищи ученые, доценты с кандидатами!
Замучились вы с иксами, запутались в нулях,
Сидите, разлагаете молекулы на атомы,
Забыв, что разлагается картофель на полях.*

*Товарищи ученые, Эйнштейны драгоценные,
Ньютоны ненаглядные, любимые до слез!
Ведь лягут в землю общую остатки наши бранные, -
Земле - ей все едино: апатиты и навоз.*

Владимир Высоцкий
«Товарищи ученые»

* * *

Кишинев, Молдавия, март 2006 года.

Институт истории, государства и права Академии наук Молдавии.

Несколько месяцев назад меня назначили, решением правительства, директором вышеозначенного института. Институт непростой. Откуда ни глянь на него.

С одной стороны – направления деятельности – история и юриспруденция, самые политизированные и самые идеологизированные сферы науки в новых, независимых государственных образованиях на территории бывшего СССР.

С другой стороны – материальное обеспечение, не говоря уж, о кадровой несостоятельности, хотя в штатах института есть даже академики и членкоры.

Как ни странно, меня больше беспокоит материальная сторона дела, так как знаю, что здесь будет совсем непросто привести все в надлежащий порядок.

Разумеется, я осознаю, что «профильная» реорганизация института не менее важная и не менее трудная задача, но почему-то в этом отношении у меня нет сомнений, что своего добьюсь. В принципе, не будь этой уверенности в себе, я бы и не согласился занять место директора.

Территориально институт размещен в одном здании с Министерством юстиции. Здание хорошее, капитальное. Построенное еще при советской власти.

Но мебель и другая институтская утварь просто приводят в уныние. Оно - тоже «советское», но время сказало свое слово и, практически, во всем институте, нет ни одного стола, который бы не шатался, грозясь развалиться под грудами книг и журналов, разложенных на них. О стульях и нечего говорить - буквально ни одного, на котором можно было бы сесть без боязни, что сейчас же не свалишься на пол.

О компьютерах и других нововведениях даже и стыдно напоминать: их было всего две-три штуки, все были они - *допотопные*, к тому же - ни один из них не действовал. Хотя на балансе, в бухгалтерии, числились как «рабочие», притом по своей стоимости на день покупки - 31 декабря 1993 года.

Конечно, я попытался выяснить у бухгалтеров, почему не ведется учет амортизации технического оборудования, и почему это оборудование не списывается, в установленные сроки, с баланса института, однако они смотрели на меня с таким невинным непониманием и с такой трогательной преданностью, что я махнул рукой на все их недоглядки.

С горем пополам я выбил у президента Академии наук и в правительстве некоторые фонды, которые позволяли отремонтировать помещения и приобрести новую мебель и соответствующую духу времени технику.

В скором времени в каждом кабинете появились новые столы и стулья, шкафы и полки для книг и журналов, телефонные аппараты и другие аксессуары, не говоря уж о канцелярских принадлежностях, типа скрепок, скреперов, дыроколов, папок, файлов и других диковинок, о которых в институте раньше даже и не знали.

Появились и компьютеры, принтеры, сканеры, факсы. Появился интернет, о котором они, в принципе, и раньше слышали, что он есть, но как выглядит – довольно смутно представляли.

Примечательны в этом отношении некоторые случаи, произошедшие в институте сразу же после «материально-технической революции», как они шужливо стали называть произошедшие преобразования.

Присоединение к интернету в те времена было дело непростым, даже несмотря на то, что Молдавия, как это ни странно, занимала лидирующие позиции в мире, как по оптико-волоконным коммуникациям, так и по скорости и объему предоставляемых услуг в этой сфере человеческой деятельности.

Дело в том, что все, вдруг, захотели подключиться к интернету и образовались настоящие очереди желающих присоединиться к всемирной паутине.

Я, конечно, нажал, где требовалось, и нас подключили, но, из-за технических недоглядов, один кабинет остался неподключенным.

Я, разумеется, опять нажал, и соединение сделали и в этом несчастном кабинете, обещав, что подключат к сети на следующий же день.

Иду довольный по коридору, а навстречу мне – Леня, начальник этого самого подразделения, где был тот самый компьютер, не подключенный к сети.

- Ну все! – докладываю я ему. С завтрашнего дня и в твоём кабинете будет интернет.

- Интернет? – как-то неодобрительно уточняет Леонид.

- Да, - говорю. - Интернет. Сможете получать и отправлять письма кому угодно, сможете читать газеты из любой страны мира, сможете искать литературу, скачать книги, музыку и фильмы.

Он напряженно смотрит на меня, но молчит.

- Ну, - продолжаю я, - конечно, если будет желание, сможете поболтать в *скайпе*, или искать *чужих* в *одноклассниках* или в *фейсбуке*, - и довольно смеюсь.

Но Леня не разделяет мою радость и, с некоторым сарказмом, объявляет мне:

- Да он же у нас не поместится!

- Кто не поместится? - не доходит до меня.

- Кто-кто! - чуть издевательски произносит Леня. - Интернет этот, Ваш.

- Как это, не поместится? - недоумеваю я.

- Александр Дмитриевич, - как-то устало и даже с чувством неловкости, что такие простые вещи должен объяснять мне, начинает свое нравоучение Леня. - Вы же были в нашем кабинете неоднократно, не то, что другие директора. И увидели, что у нас все забито: столы, стулья, шкафы, сейфы. Да еще и два компьютера приволокли, и молодежь только в них и смотрит. Голых баб, наверное, ищут!

И смотрит на меня с укором и неодобрением.

- Ну и что? - подаю я голос, так ничего и не понявший из его разъяснений.

- Да не поместится он у нас! - категоричным голосом, почти в крик, заявляет он.

Я смотрю на него молча, в задумчивости, потом тихо и медленно, чтоб не обидеть, говорю:

- Леня! Интернет - это кабель, который присоединяется к компьютеру. И по этому кабелю идет

информация, от сети к компьютеру и на оборот. Как же не может поместиться кабель?

Он с непониманием смотрит на меня, но постепенно в глазах появляется какой-то блеск, и он опускает их вниз.

- Ну, если это просто кабель, - тянет Ленья, и глаза его смотрят куда угодно - на стены, на потолок, в пол, но только не на меня. - То, тогда, конечно. - И шаркает ногой по полу, будто нашкодивший пятиклассник.

- Кабель, кабель, - киваю я головой. - Но можно подсоединиться к интернету и без кабеля.

- Как это, к интернету - и без кабеля? - взрывается Ленья.

Голос возмущенный. Вид - уже боевой. Такое ощущение, что он всю жизнь знал про интернет и про то, что к интернету можно подключиться лишь кабелем.

- Через *вай-фай*, например, - говорю я ему и направляюсь к своему кабинету, оставив его одного в коридоре, так как провести еще один урок *ликбеза* с ним у меня не было никакого желания.

Бравичи, Молдавия, июнь 2011 года.

Кишинев, Молдавия, апрель 2008 года.

Институт истории, государства и права Академии наук Молдавии.

Два с половиной года назад решением правительства меня назначили директором института и я, сразу же, бросился в чехарду его реорганизации, которая предполагала огромное количество кардинальных решений, начиная с чисто организационных и административных, так как появились два новых направления научной деятельности – юриспруденция и международные отношения, и кончая бытовыми, если можно так их называть.

Несмотря на нашу бедность, да и на скупость наших властей, мне удалось, все-таки, выбить фонды для ремонта помещений, которые были в устрашающем виде после того как их покинул Институт филологии Академии наук, вместо которого предполагалось заселить туда Центр государства и права.

Довольно быстро удалось решить вопрос и с заменой мебели, а также с покупкой оргтехники, канцтоваров и другой дребедени нужной в любой организации, будь оно государственной, общественной или частной.

Но был один вопрос, который оставался нерешенным, как я ни бился, и в какие кабинеты ни стучался. Речь шла о ремонте мужского туалета на третьем этаже здания Минюста, где мы размещались. Женский туалет отремонтировало Министерство, а мужской – они

отказывались ремонтировать, так как считали, что это уже наше дело и наша очередь. В принципе, правильно, поскольку здание было общее.

Но и в Академии наук, и в Правительстве, когда слышали, на что я прошу деньги – лишь качали головой. Отрицательно, разумеется.

Притом, довольно настойчиво, советовали искать спонсора, давая этим понять, что средства на это дело – не будут.

Я попробовал, так как было у меня какое-то количество знакомых бизнесменов, но как они только слышали, что речь идет об институте истории, их лица сразу же становились непроницаемыми, и начинали жаловаться на отсутствие средств и тягости бизнес жизни.

Но один, все-таки, смилостивился, да и то, только после того как он, сделав постное лицо услышав про историков, дослушал меня до конца, выяснив, что в этом институте не только историки, а и юристы, и международники.

- Ну, если там не только историки, - игриво вымолвил он, - а еще и юристы, да если еще учесть, что юристы – это не только менты и прокуроры, но и дипломаты, то можно, конечно, пойти на это благородное дело, хотя, честно говоря, филантропией никогда раньше не занимался.

И, не мелочась, он выделил необходимую сумму, закупил необходимое оборудование и стройматериалы, нашел добросовестных ремонтников, плиточников и сантехников, и в течение недели мы обзавелись вполне приличным, даже по европейским стандартам, туалетом.

И вот, в день сдачи в эксплуатации этого филантропического чуда, ко мне в кабинет заходит один из сотрудников института, столпов исторической науки, как их у нас называют за глаза, и просит выделить ему буквально пару минут для личного разговора.

- Нет проблем, - говорю я. - Слушаю Вас.

- Знаете, господин директор, - начинает он монотонно, рассматривая свои руки, которые держит на колени, переворачивая их то ладонями вверх, то ладонями вниз. - В институте довольны, как Вы управляете нами.

Я смотрю на него и молчу, так как не нравится, когда меня начинают хвалить. Особенно, когда хвалят подчиненные.

Во-первых, хрен разберешь, где правда, а где ложь. Во-вторых, редко, когда просто так хвалят. Как обычно, после этого, следует какая-нибудь просьба. Чаще всего - невыполнимая.

Поэтому, я молча его слушаю и думаю, что же он попросит в конце.

- Это касается и организации нашей работы, но больше всего все довольны вашей хозяйственной хваткой, - продолжает он тем же тоном.

Я молча киваю головой, и жду, что будет дальше. А дальше, он подымает голову и смотрит на меня в упор:

- Особенно радуется то, что Вы отремонтировали туалет, так как, честно говоря, было стыдно ходить туда в том состоянии, в котором он находился.

Я опять молча киваю.

- Кран в мужском туалете - это хорошо! - продолжает он. - И горячая вода - это тоже хорошо, но неужели не могли подключить и холодную? - и смотрит на меня с укоризной.

- Как это? – поражаюсь я. – Разве там нет холодной воды?

- Нету! – спокойно констатирует он.

Я сам еще не успел там побывать и принять работу, поэтому, неуверенно, спрашиваю:

- А вы не могли там что-то не то открыть или закрыть?

- Да Вы что, господин директор, - беспристрастно говорит он, - что, я крана не видел в своей жизни? – и смотрит на меня прямо, не моргая, как на нашкодлившего пятиклассника.

Я выдерживаю его взгляд и, ощупью, добираюсь до кнопки громкоговорящей связи, на которой сидит наш администратор, и нажимаю ее.

Костя Мошняга сразу же отзывается, и я адресую ему прямой вопрос:

- Закончили работы в туалете?

- Полчаса тому назад, - радостно сообщает Костя.

- И все там в порядке?

- Как в лучших домах ЛондОна, - рапортует он, разумеется, делая акцент на второе «о».

- И есть и вода? – интересуюсь я.

- А как же!

- И холодная и горячая? – продолжаю я допрос.

- Конечно! Я же сказал, как в лучших домах ЛондОна!

- Ну-ка дуь туда, - говорю я, - и проверь что к чему, и если что-то с водой будет не в порядке, то ты получишь премию, в виде известного аксессуара, название которого тоже кончается на «он», - и отключаю связь.

Светила исторической науки продолжает беспристрастно разглядывать меня, но я жду сообщение администратора и не реагирую на него.

Проходит несколько томительных минут, и дверь кабинета приоткрывается, а в ней показывается голова Кости.

- Заходи, гостем будешь! – иронично говорю я. – Ну что там, в твоём Лондоне?

- Да все в порядке! – рапортует он. – Есть вода. И холодная, и горячая.

- Ну, есть, так есть, – киваю я головой. – Пошли, посмотрим.

Мы выходим из кабинета и направляемся к объекту спора. Впереди идет Костя. Он суетится, постоянно поворачивается к нам, пытаясь понять, в чем загвоздка нашего интереса к туалету, и то и дело задевает стены коридора, так как он довольно узкий.

Вторым идет, невозмутимо, светила исторической науки. Третьим, заинтригованным, следую я.

В туалете все чисто, аж блестит. Над раковиной красуется сверкающий кран испанского производства. Из тех, с одной только ручкой, повернув которую, вверх-вниз, управляется напор воды, а влево-вправо – холодная и горячая вода.

Костя подходит к крану и начинает манипулировать им, объясняя нам, что к чему, и суя, для пробы, руку под струю воды.

Я киваю головой, подхожу, и делаю тоже самое, но молча. Вода, действительно, и холодная, и горячая.

Отхожу в сторону и молча, кивком головы, показываю столпу науки, чтоб сам попробовал.

Он, в нерешительности, подходит к крану, и несколько раз проделывает те же операции, что и мы. Потом – еще раз. Потом – переводит ручку крана на режим горячей воды и несколько раз открывает и закрывает кран.

Молча кивает головой и отходит в сторону. Смотрит какое-то время в пол, потом подымает глаза на меня и сжимает плечи:

- Никогда раньше не видал таких кранов.

- Да и мы, то же самое! – успокаиваю я его. – Ну, будьте здоровы! – и ухожу.

Костя следует за мной и тихонько хихикает, но я останавливаюсь и делаю ему внушение, чтоб об этом – ни-ни никому.

Он утвердительно кивает головой, но по блеску его глаз я понимаю, что это вряд ли будет. И действительно, через пару дней весь институт знает о происшедшем, правда, без точной фамилии главного героя.

Бравичи, Молдавия, июнь 2011 года.

Кишинев, Молдавия, июнь 2008 года.

Институт истории, государства и права Академии наук Молдавии.

Как-то приехали к нам в институт президент Академии и его первый заместитель. Собрались все в актовом зале Минюста, на втором этаже, и устроили дебаты. О планах работы, о научных исследованиях, о публикациях. Разговор получился неплохой, хотя первый зам. и высказал недовольство по поводу малого количества книг, которых мы выпускаем.

В конце беседы, президент, как обычно, спросил у присутствующих, есть ли у кого-нибудь жалобы, запросы, предложения, вопросы.

Сотрудники института пожимали плечами, смотря друг на друга, так как основные вопросы, волнующие всех, были уже затронуты.

И тут подымается один из наших столпов исторической науки:

- Я хочу высказаться.

Весь зал, который уже собирался сняться с мест, поворачивает свои взгляды к выступающему, а он, кашлянув в кулак, продолжает монотонным голосом:

- Вот, Вы назначили к нам нового директора. Сначала мы сопротивлялись его назначению, но потом согласились. И что? Он оказался дельным руководителем и организатором. Навел порядок в институте. Провел

реорганизацию научной деятельности, провел ремонт, купил компьютеры.

Это общеизвестные истины, поэтому в зале теряется интерес к выступающему и начинается шушуканье. То же самое и в президиуме.

Но президент куда-то спешит, поэтому подстегивает говорящего:

- Ну, с *лаудацио* по поводу работы директора Вы сможете выступить и в другой раз, а сейчас, есть что-нибудь конкретное?

- Так я как раз к этому и подхожу, - невозмутимо продолжает выступающий. - То, что делает директор - это, разумеется, хорошо. Но есть и вещи, которые непонятны, хороши ли они, или нет.

В зале прекращается шушуканье, и все снова устремляют свои взгляды на выступающего.

- Я к чему? Я к тому, что в каждом компьютере, который он купил - есть *грызуны*.

В зале недоуменно смотрят друг на друга и пожимают плечами. В президиуме - то же самое. Один лишь первый заместитель поднял голову и внимательно смотрит в рот столпу исторической науки.

- Какие еще грызуны? - слышен возмущенный голос Кости Мошняги, исполняющего обязанности нашего сисадмина. - Что за ахиня?

- Ахиня это, или не ахиня, - пусть руководство Академии разбирается! - отрезает выступающий. - Мое дело - предупредить, а они уж, обязаны нас защитить от всяких там *грызунов*. А то, пишешь, пишешь, и вдруг *грызун*, который может превратить твой многолетний труд в ничего.

Все смотрят на него удивленно, абсолютно не понимая, о чем идет речь.

- О каких таких грызунах Вы говорите? – интересуется и президент Академии. – Откуда они взялись?

- Дык, я и говорю, директора надо спрашивать.

Все переводят взгляды на меня, но я в недоумении сжимаю плечи, так как действительно, не понимаю, о чем идет речь.

- А Вы их видели? – интересуется снова президент.

- Да как их увидишь, они же *микробы!*

- Какие микробы могут быть в компьютерах? – недоумевает президент. – У вас что, эпидемия какая-то?

- Да нет у нас никакой эпидемии! – почти хором голосит зал.

- Эпидемии нет, но *микробы* есть! – противится столп науки. – Да вы все знаете об этом! Чё, скрываете от начальства, будто сговорились? – возмущается он.

- А может, не *микробы*, а *вирусы*? – догадывается кто-то из зала.

- Может быть, - соглашается выступающий. – Я же не биолог, я историк.

Половина зала, те что моложе, и более продвинута в компьютерной технике, поняв, о чем идет речь, буквально слезает со своих стульев, с трудом сдерживая приступы истерического хохота, однако другая половина – столпы науки, так сказать, смотрят с серьезным видом, и даже с вызовом на президента Академии, потом на меня.

Их взгляды означают не что иное, как требование: разобраться и наказать!

- Точно, *вирусы!* – восклицает выступающий. – Я вспомнил!

Хохот в зале становится все слышнее, однако и взгляды столпов науки твердеют и суровеют.

- Я не то, что жалуясь, - продолжает, как ни в чем не бывало, выступающий. - Я просто хотел донести до сведения руководства Академии об этом факте. А то, вот, вы спрашиваете нас, почему так мало книг по истории. А ведь мы пишем. Трудимся! И что? Приходят эти *вирусы* и *грызут*. *Грызут, грызут!* И нет работы, нет книги! И, кто-нибудь ответит за это? Вот что меня интересует.

- Да что он, брешет? - раздается возмущённый голос сисадмина. - У нас на каждый комп, в каждом кабинете, стоит лицензионный Касперский!

- Не знаю я вашего Касперского! - невозмутимо парирует выступающий. - К нам в кабинет, во всяком случае, он не заходил. И не стоит он там, и не сидит! И, надо еще уточнить, откуда у него лицензия, кто дал ее ему, - и переводит строгий взгляд на меня, будто я выдавал лицензию Касперскому, изобретателю антивирусных компьютерных программ.

Несколько столпов науки из зала, а также первый заместитель президента, из президиума, также устремляют на меня свои требовательные и осуждающие очи.

Но мне *до-фени*. Я хохочу. Вместе со всеми, так как зал практически в агонии.

Да и президиум тоже.

Кроме первого зама, который, продолжая строго смотреть на меня, буквально как на *врага народа*, что-то говорит своему шефу. То ли, чтоб сейчас же устроить проверку, то ли, чтоб меня сейчас же уволили, а то, и посадили бы, за *вредительство*, даже без проверки.

Но тот отстраняет его рукой, подымается, прощается с залом, поднимая вверх обе руки, сжатые между собой, и быстро покидает зал.

Первый зам плетется следом, что-то недовольно бормоча при себе.

Эпопея с вирусами так и осталась ни с чем, поскольку даже и не о чем было говорить.

Но поохотали от души.

Бравичи, Молдавия, июнь 2011 года.

Из цикла
«Муки познания...»

*Куда там Достоевскому
с "Записками" известными, -
Увидел бы, покойничек, как бьют об двери лбы!
И рассказать бы Гоголю
про нашу жизнь убогую, -
Ей-богу, этот Гоголь бы нам не поверил бы.*

Владимир Высоцкий
«Песня о сумасшедшем доме»

* * *

Кишинев, Молдавия, июнь 2006 года.

Институт истории, государства и права Академии наук Молдавии.

Ко мне в кабинет заходит один из сотрудников института, из тех, столпов науки исторической, которые были ее столпами при всех властях, и страшно возмущенно объявляет, что подаст в суд.

- На кого? – интересуюсь я.

- На всех! И на Вас – тоже!

- Можно поинтересоваться почему?

- Можно! Почему нет? – с вызовом орет он.

Он взбудоражен, весь красный, даже пунцовый, и дрожит, как стебель на ветру.

- Они мой почтовый ящик в утиль сдали.

- Кто это они? Какой почтовый ящик? Из дома, что ли? Какой утиль? – недоумеваю я.

- Из компьютера! – орет он на меня.

- Из какого компьютера? – продолжаю я недоумевать, так и не врубаясь в суть происходящего.

- Из моего!!! – еще сильнее орет он.

- Ладно, ладно, - успокаиваю я его. – Вы можете, внятно, объяснить мне, что произошло?

- Могу, - упавшим голосом произносит он, утвердительно кивая головой.

Потом сморкает носом и тыльной стороной руки проводит по лицу. Такое ощущение, что сейчас заплачет.

- Ну? – подбадриваю я его.

Он тяжело вздыхает, сокрушенно машет головой, сморкается и медленно, с расстановкой, очень тихим голосом, начинает:

- Понимаете, у меня был компьютер. Не мой, конечно, а институтский.

Я молча киваю головой, подбадривая, чтоб продолжал.

- Не новый, но вполне хороший. - Он снова сморкается и сокрушенно машет головой.

- Ну? И что? - интересуюсь я.

- А они заменили его на новый, а старый сдали в утиль.

- Так это ж хорошо, - говорю я.

- Хорошо? - снова переходит он на крик.

- А что тут плохого? - поражаюсь я. - Старую технику всегда надо менять на новую, если есть такая возможность.

- Но они сдали в утиль его! - переходит он на визг. - В утиль!!! А там был мой почтовый ящик, с письмами.

Он воинственно смотрит на меня и у меня такое ощущение, что сейчас набросится и начнет меня царапать.

- Тихо, тихо, - успокаиваю я его. - Так вы о пропаже именно такого почтового ящика возмущены?

- Да как не возмущаться? Вы знаете, с кем я вел переписку?

Я отрицательно машу головой.

- С мировыми светилами в области истории я переписывался, - и поднимает вверх указательный палец, многозначительно кивая при этом головой. - И вот, эти идиоты, сдали их письма в утиль! - и снова, уже сокрушенно, качает головой.

До меня, наконец, стал доходить смысл его возмущения.

- Ах вот оно, в чем дело! – тянущим голосом выдаю я, стараясь не смеяться.

- Да! – энергично кивает он головой. – В этом!

- Ну, если только в этом, то все поправимо, – миролюбивым голосом говорю я. – Думаю, Ваш почтовый ящик в Вашем новом компьютере. Пошли, посмотрим, – и направляюсь к его кабинету.

Он остается на месте и смотрит на меня с недоверием, но потом срывается с места и, аллюром, обгоняет меня и влетает в свой кабинет.

Пока я дохожу, он уже успевает подключить новый компьютер и ждет, когда тот загрузится, нетерпеливо барабанил пальцами по столу.

Как только появляется растр на экране монитора он сразу же входит в почту и начинает, двумя пальцами, быстро набирать что-то на клавиатуре, – опасно подглядывая на меня.

Я отворачиваюсь к окну, чтоб он не подумал, что хочу вызнать его пароль, и он продолжает свое цоканье.

- Есть! – тихо, с облегчением, произносит он, наконец. И через минуту, во весь голос: – Иеху!

Минут пять он сосредоточенно проверяет содержимое ящика, открывая и закрывая файлы, потом с облегчением растягивается на спинку стула и счастливо смотрит на меня.

- А как они могли его туда перенести? – думает вслух светила исторической науки, теребя пальцами подбородку. – Или, что? – вдруг округляет он глаза, приподнимаясь на стуле, – они узнали мой пароль, открыли ящик и прочитали мои письма?

Он вскакивает со стула и бросается к двери, но останавливается около них, поворачивается ко мне и визжит, что есть силы:

- Да я им – головы всем оторву! Гады!

- Да бросьте Вы, - усмехаюсь я. - Никто не вскрыл Вашего ящика. Его можно открыть в любом компьютере, не только в Вашем.

Он смотрит на меня с недоверием.

- Хотите? Пойдем ко мне и откроем Ваш почтовый ящик в моем компьютере.

- В Вашем компьютере! – с сарказмом произносит он.

- Да, - киваю я головой. - А что?

- Да ничего! – с ухмылкой отвечает он. – Как будто неизвестно, кто Вы такой, и чем Вы занимаетесь.

- А кто я такой, и чем таким занимаюсь? – поднимаю я левую бровь вверх.

- Ха! – снова, с ухмылкой, визжит столп науки. - Да любой школьник Вам скажет, что если Вы не *Штирлиц*, то уж точно – *Джеймс Бонд*.

- С чего это? – ухмыляюсь я.

- Да с того, что слишком уж хорошо Вы разбираетесь в технике, от ракетной до компьютерной, - и кивает головой на оргтехнику разложенной на разных столах. - И фотографии я видел, как Вы их делаете. И не только это!

И многозначительно качает он головой.

Меня бросает в смех, и я хохочу от всей души, аж до слез. Потом достаю платок, вытираю их, еще смеясь, и говорю:

- А давайте откроем Ваш почтовый ящик на другом компьютере, не на моем.

Он смотрит на меня затравленно и не знает, что сказать. Вероятно, ему кажется, что я его разыгрываю или что-то пытаюсь скрыть от него.

- Давайте, зайдём к Вере, секретарше, и откроем Ваш ящик, - снова предлагаю я. - Или она - *Мата Хари*? - и начинаю снова хохотать.

- Пойдём, - вдруг соглашается он. - И никакая она не *Мата Хари*. Куда ей...

- А я, значит, все-таки *Штирлиц*, или *Джеймс Бонд*?

- Ну, насчет Вас, вопрос совершенно неясен, - уклончиво отвечает он.

- Да уж, - хихикаю я, махая головой.

Мы заходим в секретариат и он, бесцеремонно, сразу же садится за компьютер и начинает цокать по клавиатуре. Я делаю знак секретарше, чтоб не обращала на это внимание, и светила исторической науки вволю подается процессу познания тонкостей вычислительной техники.

Через какое-то время он перестает цокать и опускается на спинку стула, глядя в одну точку. Потом вздыхает, тяжело подымается и выходит, не говоря ни слова.

Из секретариата он заходит в первый же кабинет, садится за компьютер и проверяет, откроется ли его почтовый ящик.

Открывается. Он барабанит пальцами по столу, смотрит в какую-то точку, подымается и идет к следующему компьютеру.

Снова открывается. Он снова барабанит пальцами, снова подымается, и снова двигается к следующему компьютеру.

И так до вечера.

Бравичи, Молдавия, июнь 2011 года.

**Из цикла
«Свободу Попугаю!»**

*Войны и голодухи натерпелися мы всласть,
Наслушались, наелись уверений,
И шлёпнули царя, а после – временную власть,
Потому что кончилось их время.*

*А если кто-то где-нибудь надеется на что,
Так мы тому заметим между прочим:
Обратно ваше время не вернется ни за что –
Мы как-нибудь об этом похлопочем.*

*Владимир Высоцкий
«Войны и голодухи натерпелися мы всласть»*

* * *

Кишинев, 2013 год.

После «кирпичной революции», которая состоялась, как известно, 7 апреля 2009 года, когда бунтующие сожгли парламент и президентуру, в стране сменилась власть и оппозиция, недовольная что потеряла доступ к *рулю* государства, начала грозить, что совершит «бархатную революцию».

Правда, революции, как таковой, не получалось, но митинги происходили довольно часто.

Буквально за неделю до так называемой очередной «бархатной революции» в одном из ВУЗ-ов Кишинева состоялся примерно такой разговор между преподавателем и студентами-заочниками юридического факультета:

- Господа, так называемые студенты! В субботу экзамена не будет, он переносится на следующую неделю.

- Это, еще почему? — обиженно замычали те, кто готовился.

- Потому, что в субботу состоится акция протеста, митинг оппозиции, на котором я, как гражданин и прогрессивно мыслящий человек, не могу не присутствовать.

Ну, может он не дословно так сказал, но смысл понятен.

- Кстати, - добавил преподаватель, - если я там кого-то из вас *совершенно случайно* встречу, тот может рассчитывать на зачет, *автоматом*, на месте.

Ну, и вот значит, суббота, пестрая колонна митингующих, оцепление, неуверенная в себе полиция и хмурый «Фулджер», наш спецназ.

И профессор, с красным бантом на груди, плакатом «Долой мафию» (или что там пишут они в подобных случаях), движется не спеша в колонне единомышленников.

Вдруг слышит, вроде зовет кто.

Остановился, обернулся, нет никого.

Только собрался идти дальше, и тут в оцеплении возникает брешь, оттуда появляется рука, берет его за шиворот, и рывком выдергивает за оцепление.

Щиты смыкаются, словно вода за камнем, и как бы вот только что был профессор, и уже сразу нет.

Он уже открыл было рот, чтобы возмущенно прокричать: «Что вы себе, позволяете!», и привлечь внимание.

Глядь, стоит перед ним боец, в полной выкладке, в одной руке дубинка, в другой зачетка.

- Профессор, вы обещали!

Говорят, после этого профессор стал еще въедливей и принципиальней, а фраза «зачет *автоматом*» навсегда исчезла из его лексикона.

Бравичи, Молдавия, июнь 2012 года.

Из цикла
«Поколение пепси»

*Витька книжек не читал,
Знал стихи отрывками;
Запинался и писал
С грубыми ошибками.*

*А однажды на уроке
Сказанул такое он!..
Будто во Владивостоке
Протекает Волго-Дон.*

*Путал даты он несносно —
Сам учитель хохотал.
Но зато молниеносно
Он делил и умножал.*

Владимир Высоцкий
«Детская поэма»

* * *

Бравичи, Молдавия, девяностые годы.

К соседу по даче прибыл в гости друг.

Они, когда-то, еще в советские времена, служили вместе в Советской армии, не виделись лет десять, а то и пятнадцать, и вот, решили «погудеть».

У соседа – девятилетний сын.

Смышлёный такой парнишка, гроза всех огородов в наших дачных окрестностях.

Он самостоятелен, до умопомрачения, задирист как боевой петух и буквально по всем вопросам имеет собственное мнение, которое не утруждается сообщить всем вслух, притом безапелляционным тоном.

У соседского армейского гостя не было детей, а он их, по-видимому, любил, поэтому души в мальчика не чаял, выполняя все его капризы и участвуя с ним во всех мальчишеских проказах.

Это, разумеется, не остается без последствий, поскольку от соседей начинают поступать жалобы.

Особенно от двух старых дев, одна из которых помнит еще знаменитое землетрясение 1940 года, когда треснула колокольная башня нашей церкви.

Она, тогда, вроде бы страшно испугалась, и именно поэтому и не вышла замуж до сих пор.

Мужики, поголовно все, ее раздражают. Особенно те, которые играют с чужими детьми.

Матери проказника надоели постоянные намеки и претензии соседок, и решается поговорить с гостем:

- Ну, что Вы пристали к ребенку, и сбиваете его с панталыка? У Вас, что, своих детей нет?

Гость краснеет, но берется в руки, и непринужденно отвечает:

- Есть, почему же?

Проказник, присутствующий при этой сцене, сразу же заинтересовался, сколько детей, какого пола, и сколько им лет.

Гость, лишь на секунду замедлил с ответом, и выдает:

- Сын у меня. – И через паузу: - Один.

- Вот и поигрались бы с ним! - заключает соседка, - а не пудрили бы мозги нашему сынишке!

- Дык, - растерянно мямлит гость, - он большой уже, с ним не поиграешься.

- А сколько ему лет? – интересуется проказник.

- Скоро тридцать лет будет, - отвечает гость, исходя, наверное, из того, что чем больше лет будет его мнимому сыну, тем меньше претензий будет ему предъявлено, почему он с ним не играет.

Проходит еще денечек, и вечером, во время очередной трапезы, возникает вопрос о предстоящем в скором будущем дне рождения гостя, на празднование которого, естественно, он приглашает своего друга. Разумеется, с женой и с сыном, если будет такое желание и такая возможность.

- И сколько стукнет? – интересуется соседка.

- Дык, - счастливо улыбается гость, - тридцать шесть, как и Вашему супругу.

Соседский мальчик лопает в это время, большой ложкой, варенье из крыжовника, выставленное на стол, его матерью, лишь для того, чтоб показать, похвастаться перед гостем, что и как она приготавливает на зиму.

Из трехлитровой банки осталось меньше трети, и мальчик старается ухватить из нее, хотя бы еще пару ложек, пока мать не заметит его разрушительные действия, и не заберет банку.

Однако, услышав про возраст гостя, проказник перестает свое занятие и задумывается.

Через минутку, что-то посчитав при себе, он решительно облизывает ложку, ставит ее рядышком с банкой с вареньем, и заявляет:

- Дядя Вова, запомни, это – не твой сын!

Гость, да и все остальные, смотрят на него с непониманием.

- Неужели, ты не понимаешь, что тебя *лоханули*? – спрашивает малец.

И продолжает:

- Ему, видите ли, скоро тридцать шесть, а его сыну – скоро тридцать. Ну? Что тут скажешь?

И решительно встает из-за стола и уходит.

А что сказать, на самом деле?

Бравичи, Молдавия, июнь 2008 года.

**Из цикла
«Встречи с Папой. Римским,
разумеется...»**

*Я вам, ребята, на мозги не капаю,
Но вот он – перегиб и парадокс:
Ковой–то выбирают римским папою –
Ковой–то запирают в тесный бокс.*

*Там все места – блатные расхватали и
Пришипилась, надеясь на авось, –
Тем временем во всей честной Италии
На папу кандидата не нашлось.*

*Церковники хлебальники разинули,
Замешкался маленько Ватикан, –
Мы тут им папу римского подкинули –
Из наших, из поляков, из славян.*

**Владимир Высоцкий
«Лекция о международном положении»**

Рим, Италия, 1994 год.

Нахожусь в служебной командировке в Италии.

Командировка тяжелая. Переговоры идут туго, практически безрезультатно.

Итальянцы не поддаются, ни на какие уловки, ни на какие уговоры, и временами ведут себя жестче, чем подошва.

Мне, в принципе, не надо ничего подписывать. Моя главная задача состоит в том, чтобы уломать их, уговорить, чтоб открыли посольство в Кишиневе.

Но они сопротивляются. Говорят, что средств нет. Финансовых.

Это верно. Но не до конца. Есть еще какая-то загвоздка, которую я никак не могу преодолевать, так как контакт с ними не получается.

Так проходит целая неделя, и я оказываюсь в пятницу, после обеда, с нулевыми результатами и нулевыми перспективами.

Решаюсь возвращаться домой, так как нет смысла дальнейшего моего пребывания в вечном городе.

Но тут звонит телефон, и я, гадая, кто же это может быть, поднимаю трубку.

- Лисандро! – раздается на том конце провода. – Ку-ку!

Я делаю паузу, и задумываюсь, кто же это, черт-побери, может быть, так как знаю только одного человека, который так здороваётся.

- *Альо*, - звучит на том конце провода, - *Тавариц Синьоре!*
Ви где?

- В *Караганде*, - отвечаю я, узнав того, кто звонит, поскольку лишь один *охламон* употребляет в своей речи слоган «*товариц синьоре*», и этот тип мне хорошо знаком.
- *А ви, где?*

- Да, там же, но только первый вариант ответа, потому что ты назвал второй вариант, - хихикает трубка.

- Привет, Марио, - уже нормальным, без *выкидонов*, голосом, говорю я. - Ты, что, в Риме?

- А то! - отвечает он. - Это же мой родной город. Я здесь родился, здесь учился, здесь женился. Пять раз, между прочим!

- И пять раз развелся, - с той же интонацией, продолжаю я.

- Нет, четыре.

- Так ты, что, женат? - разыгрываю я удивление.

- Юридически, - лаконично отвечает он. - Я ее ищу два года, чтобы развестись с ней, *этой паршивой амазонкой*, и никак не могу найти. Посоветуй, что делать. Ну? Ты же умный!

- Прими ислам. У них можно иметь четыре жены одновременно. И разводится совсем не обязательно.

- Я чувствовал, что ничего кроме свиньи, ты не можешь мне подложить.

- Ну, тогда ищи ее, и разведись!

- Опять свинью подкладываешь, - возмущается трубка.

- Ну, ничего себе, я подкладываю. Ты же, сам нашел ее, *амазонку* свою, и сам женился на нее. Вот, поищи, и разведись!

- И найду! И разведусь! Как это, у вас, у русских, говорят? «*Тот, кто ищет, тот всегда найдет!*»

- У них, у русских, так говорят. А у нас, у молдаван, говорят по-другому.

- Ну, и как говорят, у вас, у молдаван?

- У нас говорят, что *не ищешь, и найдешь, а если уж поищешь, то такое найдешь...*

- Умный народ, эти молдаване!

- Ага! Скажи об этом своим, в *Фарнезине*.

- Без толку! Ни хрена не поймут.

- Охотно верю. Целую неделю с ними мучаюсь.

- Знаю. - И через паузу: - Слушай! А что это я тебе звоню?

- Сам хотел тебя спросить, но как-то не сообразил.

- Это, ты то? Не сообразил? Хе-хе!

- А что? С годами, говорят, серое вещество перестает воспроизводиться. На нормальном, человеческом, языке это означает, что с годами - люди тупеют.

- Ага, говорят. Но не о тебе!

- Спасибо! Вы - страшно любезный!

- Ага, любезный. Знаешь, что я тебе сейчас предложу?

- Стать Римским папой?

- Хе-хе! Нет! Но идти к нему на аудиенцию - предложу.

- Марио! Ты же прекрасно знаешь, что я лишь заместитель министра. Ты понял? *За-ме-сти-тель* министра иностранных дел очень маленькой страны. Ну, очень маленькой! Понимаешь?

- *Канечно, панимаешь! Да?* - переходит он на кавказский манер разговора. - *У тибя савсем маленикий страна, но очинь гордый страна! Правильно я гаварю?*

- Правильно, правильно!

- И?

- И-и-и!!! И о какой, к черту, аудиенции может идти речь? Даже если я, каким-то мудрёным способом, и

запишусь в очередь, на эту самую аудиенцию, к папе, Римскому, разумеется, то эта очередь дойдет до меня, лишь тогда, когда мне перевалит за сто, что вряд ли произойдет, так как я столько не проживу.

- Ты, как всегда прав. Более того, ты снова поражаешь меня своими познаниями.

- Спасибо, ты очень любезен!

- Спасибо, ты тоже!

- И?

- И-и-и! *И я хачу тебе сказать адин умный вещь, но ти только не абижайся!*

- Валяй!

- Так вот, один премьер министр, не важно какой страны, всю жизнь мечтал попасть на аудиенцию к папе. Римскому, разумеется.

- Ну?

- Что, ну? И он записался на эту самую аудиенцию, и дошла его очередь. Не через сто лет, конечно, а где-то, через полгода. Премьер, все-таки, притом, не важно, что африканский. Кумекаешь?

- Пока нет.

- Я так и думал, что не сразу дойдет.

- Давай-давай, валяй дальше!

- Валю! И вот, этот Ибн Салих, или как там его величают у себя, на своей далекой родине, приехал, за целую неделю до этого, в Рим, со своей огромной свитой, и гулял по вечному городу, подавая милостынь бедным итальянцам и глаза на наших, недоступных, даже за деньги, самых прекрасных женщин на свете.

Я молчу, поэтому он продолжает:

- Хочу обратить внимание на то, что у нас есть и бедные итальянцы, а не только там, всякие *аль-берлускони*, как думают некоторые.

- Ну?

- Что, ну? Ну, и гулял он, до сегодняшнего утра, поскольку аудиенция была зафиксирована именно на сегодня, на четыре вечера.

- У папы? Римского, конечно.

- Ъхь!!! У папы! Конечно, Римского. Сечёшь?

- Пока нет.

- Я так и думал, что никак не врубишься.

- Валяй дальше, и не паясничай!

- Валю, но не паясничать - не могу. Так вот! А сегодня утром он, вдруг, вызывает личный самолет, оттуда, с далекой родины, садится в него, вместе со свитой, разумеется, и улетает. У них там какой-то переворот случился. Или должен был случиться. Или, вот-вот случится. Хрен их знает! Представляешь?

- Смутно.

- Я так и думал! Хотя, честно говоря, надеялся, что уже начнешь вникать в суть дела.

- И в чем состоит эта суть? Дела, в смысле.

- А весь смысл этой сути дела заключается в том, что мне недавно позвонили из протокольной службы папы, Римского, разумеется, и пожаловались, что у них, в графике аудиенций появилось окошко, «финестра», по-итальянски, которая - пуста. Дошло?

- Еще нет.

- Пора бы, брат, пора! А то, что-то сдал ты, как я погляжу.

- Да, уж.

- И я, о том же, потому что в этой графе раньше был записан премьер министр, родина которого в далекой, желтой Африке.

- Ну и что?

- Да ничего! Премьер улетел, и графа стала пустой. Графа, в графике аудиенций у папы. Римского, разумеется. И, что важно, что я раньше и не знал, что у них есть такой график.

- Слава богу, узнал. Рад за тебя!

- Знал бы ты, как я рад! Потому что они мне не просто позвонили, чтоб сообщить об этом прискорбном случае, но попутно и спросили, не знаю ли я, кого-нибудь, которого они могли бы записать в этой самой графе, вместо не вовремя улетевшего Ибн Саида, или Ибн Салиха, или как там его. Они очень переживали, что папа, Римский, разумеется, целый час будет сидеть без работы.

- Ужасно! Это же нарушение трудового законодательства!

- Вот именно!!!

- Я им сочувствую.

- Я тоже. Поэтому, я взял на себя наглость, и сказал, что знаю такого. Догадываешься, кого я им назвал?

- Догадываюсь.

- Ну, наконец-то! А то я, на самом деле, стал волноваться, что у тебя котелок перестал варить. Даже, почти начал жалеть, что сказал им вписать твое имя в графу.

- Я тебя пожалею! Я тебя, так пожалею! Ну, и что мне делать?

- Лисандро! Ты меня поражаешь! Бери такси, садись в нем, и дуй в Ватикан. Ты же был там раньше?

- Был, но с папой не встречался. Римским, разумеется.

- Так, иди, и встречайся! А то, не дай бог, еще раздумает. Папа, я имею в виду. Римский, разумеется. Мало ли, у пап этих, Римских, пятниц на неделю? Сегодня же пятница!

- Пятница, пятница.

- Ох, люблю я пятницу!

- Люби, люби. Робинзон Крузо тоже любил. Пятницу, разумеется.

- А ты злой.

- Злой, но справедлив.

- Да уж, справедлив. Даже и спасибо не сказал.

- Спасибо!!! Будь здоров, вечером встретимся.

- Да уж, надеюсь!

Я тут же вызываю такси и мчусь, на всех парах, к кафедральному собору Сан Педро, в котором и размещается резиденция папы. Римского, разумеется.

Пока такси мчится в Ватикан, я пытаюсь вспомнить, где и как познакомился с Марио.

Это было в Шереметьево, в начале восьмидесятых. Скорее всего, осенью восьмидесятого, сразу после Олимпиады.

Я встречал какого-то нелегала, то ли чилийца, то ли колумбийца, не помню, прибывшего в Москву на партучебу, в ИОН при ЦК КПСС.

Была такая организация. Интересная, между прочим.

И вот, у этого *латиноса*, пропал чемодан.

Он не мог не пропасть, так как летал латиноамериканец к нам кружным путем, через пять или шесть стран, чтоб запутать следы, меняя не только паспорта и фамилии, но, наверняка, и «*чумаданы*», как выражался Толя Дударь, наш коллега по протокольной службе.

Это бывает.

Притом, не так уж и редко, как может некоторым показаться. Происходит это по самым разным причинам, но главная состоит в том, что во время погрузки и разгрузки багажа в самолет, иногда рвутся багажные бирки, прикрепленные к чемоданам, баулам и сумкам

пассажиров, и этот багаж превращается в ничейный. Его собирают по всему аэропорту и доставят в специальную камеру невостребованного багажа, которая существует в любом аэропорте мира.

Но бывают случаи, когда сами пассажиры не могут найти свой багаж. То ли не там, где надо, то ли не так, как надо ищут.

Поэтому, прежде чем зайти в камеру невостребованного багажа, я спустился в зал прилета, к кругам подачи багажа, чтоб проверить, не проморгал ли будущий *партстудент* свой багаж, на радостях, что добрался, живым и невредимым, до столицы мирового пролетариата.

А там, возле этого самого круга подачи багажа, стоял растерянный и несчастный Марио, только что прилетевший из Рима, и только что выяснивший, *мама миа*, что у него пропал *чумадан*.

Он суетился, смущался, дергался, и на ужасном русском языке, приставал ко всем с вопросом, *а не видели ли они?*

Конечно, не видели!

Мне как-то стало жалко его, и решился помочь ему в поисках пропавшего багажа, благо, и так, и так, должен был искать пропавший *чумадан* моего подопечного.

Я подошел к нему и поинтересовался, в чем дело. Он страшно обрадовался и начал мне объяснять, на совершенно непонятном русском, о постигшей его беде, жестикулируя, при этом, не только руками, но и всем своим телом. Глаза его смотрели на меня с таким выражением мольбы и отчаяния, что я был готов отдать ему свой чемодан, был бы у меня таковой при себе.

Я перешел на итальянский, который тогда был у меня не лучше его ужасного русского. И он затараторил о своих

бедах на своем, макаронном, с такой скоростью, что я попросил его вернуться обратно, к русскому наречию, так как совершенно ничего не понимал в его витиеватых тирадах.

Не найдя пропавший багаж в зале прилета, мы поднялись в камеру невостребованного багажа.

Что представляет собой камера невостребованного багажа - двумя словами не опишешь. Об этом, то есть о ней, камере, целую книгу можно написать. *Это зрелище, от которого могут прослезиться и ангелы*, как метко отметил когда-то О. Генри. Правда, по другому случаю.

Размером с футбольное поле, но в другом формате (но не в 3D – это я для современной молодежи!), эта камера представляла собой невероятное скопище огромного количества, пропавшего и ненайденного вовремя, а значит, пропавшего на веки вечные, багажа.

Я бывал здесь и раньше, и девчушки, работавшие в этом заведении, узнав меня, приветливо улыбнулись, и поинтересовались, чем могут помочь. Я в двух словах обрисовал им картину происшедшего, описал характеристики пропавшего багажа, и через пять минут эти злосчастные *чумаданы* оказались у ног моих новых друзей.

Они, оба, были на девятом небе от счастья.

Мы поблагодарили девчушек и вышли перед зданием аэропорта, к стоянке автотранспорта.

У меня была машина, встречал ведь иностранного гостя ЦК КПСС, но не имел право взять в нее еще кого-нибудь, кроме наших гостей.

Тем более, что мой гость был нелегалом, и этим я мог бы его «засветить». Правда, получалось так, что я уже «засветил» его, так как итальянец догадался, что я его

встречаю. Вместе с тем, они летали вместе из Рима до Москвы, одним рейсом, в одном самолете, и сами «засветились» друг перед другом, и разыгрывать в таком случае *конспирацию* было бы смешно.

Но я проследовал инструкциям, и даже не намекнул итальянцу о возможности ехать в Москву в нашу машину, а вежливо попрощался, сказав, что возможно, еще увидимся.

Он заволновался, увидев, что я собираюсь уезжать, буквально забегал вокруг своего «спасенного» *чумадана*, открыл его ключом и достал свою визитную карточку, вручив которую, заявил, что будет рад видеть меня в итальянском посольстве, где он имеет честь служить.

Я приподнял свою левую бровь. Дочь говорит, что я всегда так поступаю в подобных случаях, то есть, когда берут *нахрапом*.

Посмотрев сначала на визитку, где значилось, что сей господин, Марио Капучо, является вторым секретарем Итальянского посольства в Москве, потом на самого Марио, который стоял передо мной как первоклассник перед директором школы в день 1 сентября, я сказал, что непременно зайду, в крайнем случае, позвоню.

Он радостно помахал головой и сунул мне руку, которую я сжал крепко, по-мужски, что ему явно понравилось.

Я развернулся на 180 градусов, и вместе со своим нелегальным подопечным помчался в Москву, оставив Марио перед зданием аэропорта, с найденным *чумаданом*, у ног. И с невероятно счастливыми и радостными глазами.

Потом мы встречались с ним множество раз, в разное время и в разных местах.

Притом, в такие места, где я никак не ожидал его встретить.

Например, в Аргентине, на космодроме в *Мар-дель-Плата*, или в Боливии, в деревушке *Ла-Игера*, где был расстрелян когда-то легендарный Эрнесто «Че» Гевара дела Серна, или в *Гаване*, в баре Хемингуэя, или на *острове Пасхи*, где Марио умудрился отстать от своей туристической группы, и когда мы приближались к таинственному острову увидели среди каменных истуканов, безмолвно смотревших в океанскую даль, вполне человекоподобную фигуру отчаянно махавшего руками в нашу сторону, или в *Тегеране*, где целую неделю прожили в одной гостинице, выяснив об этом лишь в конце срока проживания. Или во многих других местах, где мне приходилось бывать.

У меня даже начали возникать какие-то ассоциации и подозрения по этому поводу, но Марио всегда вел себя непринужденно, вежливо и мастерски держал дистанцию.

Во всем. В общении. В делах. В отношениях.

Мы стали приятелями, так как наши отношения вряд ли можно было квалифицировать как дружбу, но приятелями особыми, так как понимали друг друга с полуслова, и, не встречаясь, иногда и по два-три года, мы, встретившись, начинали общаться, будто расстались лишь накануне, то есть, без *информационных провалов*, которые всегда появляются при длительном разобщении.

Создавалось странное впечатление, что мы живем в каких-то параллельных мирах, каждый своей жизнью и своими заботами, даже и не ведая, чем занимается другой.

Но, одновременно, вроде бы, и будучи в курсе того, чем занимается этот, другой, что и позволяло нам сразу же восстановить длительное расставание.

Фантасмагория, какая-то. Но именно так оно и было.

Будучи в Москве, он довел свой русский до совершенства, и, обладая острым чувством юмора, очень метко использовал крылатые фразы из, действительно золотого, литературного и кинематографического советского наследия.

Вот эти мысли промелькнули в моей голове, пока такси держало путь к Его Преосвященству, Иоанну Павлу Второму.

У кафедрального собора Сан Педро меня уже ждали сотрудники протокольной службы Ватикана.

Они держались чинно и важно, но меня, проработавшего столько лет в протокольной службе ЦК КПСС, это не могло ни удивлять, ни смутить.

Хотя встреча с папой, Римским, разумеется, не скрою, волновала.

По всему, они не поменяли ничего в протокольной процедуре, предусмотренной для африканского премьера, и все шло, как и полагалось в таких случаях и для такого уровня, хотя я и не соответствовал ни тому, ни другому. Но я не обращал никакого внимания на эти мелочи и всю свою энергию сконцентрировал на предстоящую встречу с Его Преосвященством.

Он оказался невысокого роста, с невероятно умными, живыми глазами. Восседал на своем троне непринужденно, и смотрел на меня, как ни странно, с интересом, и даже без иронии.

Негромко, на довольно приличном русском, поинтересовался, на каком языке будем общаться.

Преодолев волнение, я сообщил ему, что владею несколькими языками, но свободно лишь тремя: русским, испанским и молдавским.

- Если хотите - румынским, - добавил я через пару секунд.

Он прикрыл один глаз и, воровато посмотрев на меня, изрек:

- Ну, тогда, давайте на испанском, языке инквизиторов, - и изобразил на лице подобие улыбки.

Разговор получился почти дружеским, так как был он необычайно образованным человеком, умевшим чувствовать собеседника, распознавать его внешнюю оболочку и познавать его внутренний мир, не говоря уж об его умении видеть сущность явлений и процессов современного мира.

В конце разговора, во время которого мы затронули и некоторые проблемы молдавской истории, а также наши взаимоотношения с соседями, он подвел меня к старинной карте XVI века, во всю стену, в зале, примыкавшем к его кабинету.

Показав на территорию Молдавского княжества, отмеченного на карте почти метровыми буквами на латыни: MOLDAVIE, Иоанн Павел спросил:

- Так, была все-таки Молдавия?

- Разумеется, была! — ответил я.

- Ну вот! – покачал он головой. - А они говорят, что ее якобы не было. А она была и еще будет! – и попрощался со мной.

Мне очень хочется, чтобы это его предсказание сбылось.

Бравичи, Молдавия, июнь 2011 года.

Из цикла
„Сколько живу, столько удивляюсь“

*Скучаю, Ваня, я, кругом Испания,
Они пьют горькую, лакают джин,
Без разумения и опасения,
Они же, Ванечка, все без пружин.*

Владимир Высоцкий
«Скучаю, Ваня, я, кругом Испания»

* * *

Памплона, Наварра, Испания, апрель 2012 года.

Сижу в приемной ректора Наваррского публичного университета.

Жду аудиенцию у главы этого престижного университета, но его нет.

Укатил куда-то, по срочным делам, и передал в свой секретариат, что страшно извиняется, и был бы рад, если я его подожду полчаса, так как ему непременно надо увидеться со мной.

Я читаю, не впервой, в этом университете мастер-класс на юридическом факультете, и все дела решаю, как обычно, с проректором университета, с которым знаком давным-давно.

Но ректору каким-то образом стало известно, что я не просто приглашенный иностранный профессор, но даже бывший посол Молдовы в Испании.

Притом, первый посол, назначенный еще до исторического материализма, который наступил в Молдавии в начале нулевых годов двадцать первого века, с приходом коммунистов к власти.

Назначил аудиенцию, а сам укатил.

В принципе, это похоже на испанцев. Я знаком с этой чертой их характера, поэтому спокойно сижу и наблюдаю за секретаршей.

Молоденькая, холеная, очень уверенная в себе.

Так и цокает пальчиками по клавиатуре компа, то отправляя куда-то и кому-то *e-майлы*, то открывая какие-

то программы, выживая оттуда какую-то информацию, которую тут же *складирует* в архив на переносном *винчестере*, передавая ее, тут же, кому-то, по *факсу*, и извещая о проделанной операции, по *скайпу*, кого-то третьего.

Короче, не секретарша – а *Целый Дом Советов*, как выражались мы когда-то, на заре моей молодости.

Или, как *Целый Белый дом*, если вернуться к реалиям сегодняшнего дня.

Хоть в Москве, хоть в Вашингтоне.

И тут звонок, по телефону.

- *Теле-фоно-грамма?*- растерянно спрашивает она, растягивая слово по слогам, и ее глаза испуганно округляются.

- От кого?

Услышав ответ от кого, она еще больше пугается.

- Не могу принять, позвоните попозже.

Глаза, просто в ужасе.

- Как кто?

С секунду молчит, потом, трясущими губами и почти плачущим голосом сообщает в трубку свое имя и должность и кладет ее, в растерянности глядя по сторонам.

Молчит, явно испуганная, и когда ее взгляд останавливается на мне, она, сморкаясь, сообщает:

- Я не знаю, как принимаются *теле-фоно-граммы*. Я не знаю, какую программу открыть, и как ею пользоваться.

От прежней спеси и холености не осталось ни следа.

Выпученные глаза и трясущиеся от волнения губы.

- Меня уволят!!!

Рьдания, сопли, слюни...

Пытаясь успокоить ее, интересуюсь, кто же звонил, и что хотел передать.

- Они попросили меня представиться, и записали мою фамилию и должность, спросив, кто принял информацию...

И, сморкаясь, продолжает:

- И сказали, что это о-о-очень срочно из аэропорта, и они это письмом по почте не могут отправить, и по e-mailу, также не могут, и смс-ку не могут, и по факсу не могут, поэтому звонят из автомата и посылают ТЕЛЕ-ФОНО-ГРАММУ!!!

Снова рыдания, снова сопли, снова слюни ...

- Это какой-то новый вид сообщений? Да??? – пучит она на меня заплаканные глаза.

И, не ожидая ответа:

- А где же мне взять компьютерную программу, чтобы принять эти ТЕЛЕ-ФОНО-ГРАММЫ???

Минут десять я ей объясняю, что *телефонограмма* это совсем не новый, а очень старый метод сообщений, та же смс-ка, и тоже по телефону передается, только устная, вербальная, а не в письменном виде, и поэтому ее надо написать, вручную, куда-то, желательно на бумагу, чтоб не забыть, кто и что передал.

Но еще минут сорок, пока не появился, наконец, ректор, она не могла поверить в то, что ранее, до ее рождения, срочная информация передавалась именно ТЕЛЕ-ФОНО-ГРАММОЙ.

Тут, уже рыдал я.

Бравичи, Молдавия, июнь 2012 года.

Из цикла „Заграница, заграница“

Там у них уклад особый –
нам так сразу не понять, –
Ты уж их, браток, попробуй
хоть немного уважать.

Будут с водкою дебаты - отвечай:
"Нет, ребята-демократы, - только чай!"
От подарков их сурово отвернись:
"У самих добра такого - завались!"

Буржуазная зараза
Там всюду ходит по пятам,
Опасайся пуце глаза
Ты внебрачных связей там.

Там шипёнки с крепким телом,
Ты их в дверь – они в окно!
Говори, что с этим делом
Мы покончили давно.

И ещё: живя в комфорте –
Экономь, но не дури.
И гляди, не выкинь фортель –
С сухомятки не помри!

Владимир Высоцкий
«Инструкция перед поездкой за рубеж»

* * *

Пасо Каноас, Панама, 1994 год.

Погранпост на границе Панама – Коста-Рика.

Совершаю командировку по странам Латинской Америки, с целью расширения связей моей страны со странами этого региона.

Задача не из легких, так как Молдавия совсем недавно снова появилась на карте мира в качестве независимого государства, отсутствуя, на этих самых картах, несколько веков, из-за того, что оказалась сначала оккупированной, а потом и разделенной на три части Османской, Австрийской и Российской империями.

Поэтому, о моей Родине пока мало что известно в мире, особенно в этой части глобуса.

Более того, со многими латиноамериканскими странами у нас даже еще не установлены дипломатические отношения, поэтому я пытаюсь их растормозить и заинтересовать в установление и расширение торгово-экономических и культурных связей с моей страной.

Поездка намечена на восемь стран: Мексика, Коста-Рика, Панама, Перу, Боливия, Чили, Аргентина, Уругвай.

Из этих стран, я раньше не бывал лишь в Панаме и в Коста-Рике.

Поэтому, при планировке командировки я постарался, чтобы эти страны, по возможности, проехал

на автомобиле, чтобы лучше распознать их, решив добраться до остальных стран авиатранспортом.

Справившись со своей задачей в южной части континента, в каждой стране в отдельности, я добрался самолетом из Лимы до Панама-сити, столицы Панамы, откуда собирался уже на автомобиле добраться до Сан-Хосе, столицы Коста-Рики, и оттуда, снова самолетом, до Мехико-сити.

Однако, когда попытался взять в аренду автомобиль в местных компаниях «Рентакар» я столкнулся с непонятным для меня нежеланием идти мне навстречу, когда менеджеры этих компаний узнавали, что я собираюсь в Коста-Рику.

- Нет, что Вы, сеньор, - мотали они головами, удивленно зрея на меня. – Это невозможно!

- Почему, невозможно? – пытался я разузнать у них причину столь резкого отказа, но внятного ответа не получал.

Лишь позже я узнал, что связано это было с тотальной борьбой с наркотрафиком, объявленной в Панаме после снятия Норвеги, и местные бизнесмены, занимающиеся автотранспортом, просто боялись, что могут быть нечаянно втянуты в какие-то незаконные махинации по перевозке *наркотической дури*, из Колумбии в США, по Панамериканскому шоссе.

Что ж, как говорят, береженного бог бережет.

Однако я, не ведая об этом, помыкавшись с полдня по разным компаниям, и получая везде стандартный отказ, вспомнил, наконец, что в нашем университете, дружбы народов, имени Патриса Лумумбы, учились студенты из Панамы, и было бы неестественно, чтобы я не обратился к ним за помощью.

После нескольких телефонных звонков мне удалось разыскать моего коллегу по факультету, Пабло Армуэллеса Кинтеро, директора Института Панамского канала, который узнав, что я тоже *лумумбовец*, сразу же пригласил к себе в гости.

И хотя мы учились в УДН в разные годы, и до этого лично не были знакомы, дух «*дружбы народов*» и синдром *университетского братства* работал.

Услышав про мои перипетии, он, недолго думая, предложил мне свой автомобиль, с условием, что я его по прибытии в Сан-Хосе оставлю у его друга, с которым тут же договорился об этом по телефону.

- Но, бензин, за твой счет, *компаньеро*, - разводя руки в стороны, объявляет мне Пабло.

- И бензин, и *могорыч*, за мой счет, - киваю я головой в ответ, и он весело смеется.

До Сан-Хосе около 900 километров, расстояние не ахти какое, и я надеюсь добраться туда менее чем за сутки.

Правда, предупредили, что могут быть задержки на границе, так как процесс оформления довольно долог, особенно для пассажиров автобусов, но я не обратил на это внимание, так как не собирался туда автобусом, а на отдельном автомобиле.

Панамериканское шоссе, по которой я собирался добраться из Панамы до Сан-Хосе, является самой длинной дорогой в мире.

Это теоретически, так как, на практике, есть так называемый Дарьенский пробел, небольшой участок в 87 километров, располагающийся в джунглях, на границе Панамы и Колумбии через который, на стандартных

транспортных средствах, проехать между Центральной и Южной Америкой невозможно.

Шоссе строили в разные годы и строили не вместе, а каждая страна свой участок, в отдельности, исходя из своих стандартов и своих финансовых возможностей.

Поэтому, выезжая из одной страны в другую, сразу же чувствуется перемена, и временами даже и не похоже, что следуешь по одному и тому же шоссе.

Я с этим сталкивался раньше, когда приходилось добираться автомобилем из Перу в Чили, Боливию, или Аргентину.

Панамский участок шоссе был сравнительно неплохим по качеству, и оборудован довольно сносно, если исходить из европейских или американских стандартов, и я за три с половиной часа добрался до Пасо Каноас, небольшой городок расположенный в двух странах, и в Панаме, и в Коста-Рике, служа одновременно и пограничным постом, как с одной, так и с другой стороны границы.

Дальние переезды я люблю делать по ночам, так как дороги свободны и транспорта намного меньше, чем днем, поэтому тронулся в путь в начале третьего и к шести утра уже приближался к границе.

Уже на подступах к погранпосту я догнал автобус, и помня предупреждение о том, что их особенно *трясут* пограничники и таможенники, я попытался обогнать его, но тщетно.

Водитель автобуса никак не хотел меня пропустить на обгон, вилляя по шоссе как *бандюги* в американских боевиках, когда за ними гонятся полицейские.

Я решил не испытать судьбу, и покорно проследовал за ним, пока не въехали на территорию погранпоста.

Тем более, что меня предупредили перед поездкой, что на территории основного погранпоста проводятся какие-то строительные работы, поэтому он закрыт, и действуют несколько временных погранпостов.

На мой вопрос, относительно того, как мне найти эти временные погранпосты, мне ответили, правда не очень уверенно, что наверняка есть указательные знаки к ним, но лучше всего будет, если я пристроюсь за каким-нибудь туристическим автобусом, так как их водители, как обычно, в курсе всего, что там происходит.

Вспомнив этот мудрый совет, я последовал ему, и бесконечно вилля за автобусом по каким-то закоулкам, где и не пахло дорожными указательными знаками, мы добрались, наконец, до временного пограничного поста.

Однако, пропустив автобус, передо мной опустили шлагбаум, дав понять, что должен ждать, пока все пассажиры автобуса не пройдут пограничный и таможенный контроль.

Я высказался, мысленно, конечно, что думаю по этому поводу, но не очень-то расстроился, так как все равно собирался узнать об этих странах как можно больше, и наблюдение со стороны иногда дает намного больше информации, чем целые энциклопедии.

Поэтому, устроившись в кресле поудобнее, достал термос с кофе, закурил, и начал наблюдать через ветровое стекло автомобиля на процесс пропуска из одной страны в другую.

Как только автобус остановился перед небольшим зданием погранпоста, с огромными буквами «Свободная зона» на крыше, откуда-то, сбоку, вероятно из другого здания, расположенного чуть в стороне, появились человек десять пограничников, все в форме, с

автоматическими американскими винтовками М-16 наперевес.

Один из них, даже держал за поводок собаку, немецкую овчарку, которая спокойно заняла стойку и невозмутимо смотрела на происходящее.

Они сформировали что-то наподобие кордона вокруг автобуса, из которого начали выходить все пассажиры, которые, сначала столпились в кучу, а потом реорганизовались в очередь.

Каждый из них подходил в одиночку к вынесенному на улицу столу, за которым восседал офицер-пограничник, заполнял какой-то бланк, протягивал его офицеру, тот проверял, и ставил выездной штампик в паспорт.

После этого, пассажир автобуса направлялся пешком к границе, переходил ее, и занимал очередь уже к костариканскому пограничному офицеру, который также проверял тут же заполненный пассажиром бланк и ставил въездной штампик в паспорт.

В это время, из автобуса разгрузили весь багаж пассажиров и начали его досматривать, предварительно складировав его по калибру и форме: сумки, чемоданы, баулы, мешки и прочая дребедень.

Проверка проходила больше для виду, хотя пару раз и вызвали нескольких из очереди: хозяина какого-то баула или чемодана, и собственника какого-то мешка, заставляя их переключивать содержимое.

Наконец, это представление заканчивается и передо мной поднимается шлагбаум.

Пока я ввинчиваю колпак термоса и завожу двигатель автомобиля, все пограничники, включая собаку и офицера, куда-то улетучились, как будто их и не было, и я подъезжаю к одиноко стоящему пограничнику,

который, после некоторого раздумья, берет на козырек, и просит сесть за стол и заполнить бланк миграционной карты.

Я сажусь, быстро заполняю, и передаю ему бланк, вложенный в мой молдавский дипломатический паспорт, черного цвета.

Он берет паспорт и начинает внимательно его изучать, приподнимая временами удивленно брови, сморщив при этом губы в своеобразную гримасу, которая, скорее всего, означает и интерес, и недоумение.

Я не сомневаюсь в том, что он и понятие не имеет, где эта самая Молдавия, гражданин которой стоит перед ним, но признаться в этом, вряд ли будет, представитель погранслужбы, все-таки, поэтому я молча ожидаю дальнейшее развитие событий.

Он листает паспорт, находит панамскую визу, берет бланк и сверяет данные, потом, с размахом, бухает штампик о выезде, и собирается вернуть мне паспорт.

Но вдруг раздумывает, снова открывает паспорт, и начинает его листать, явно ища что-то.

Прodelывая эту операцию два раза, он поднимает на меня удивленные глаза и молвит:

- Визы нет.

- Как это, визы нет, - хмыкаю я иронично. - А как же я попал сюда, без визы?

- Панамская виза есть, тут все в порядке. Но у Вас нет коста-риканской визы. Вы же, в Коста-Рику собираетесь?

- А-а-а-а..., - доходит до меня. - Извините, она в другом паспорте.

И забираю из его рук мой паспорт, сую его в карман, а из другого кармана достаю такой же паспорт, черный, молдавский дипломатический, и протягиваю его ему.

Пограничник ошарашенно смотрит на паспорт, потом на меня, потом снова на паспорт.

Берет его, сличает фотографию с моей физиономией. Смотрит на обложку паспорта, перелистывает страницы.

Снова сличает фото с паспорта с моей физиономией.

И все это молча.

- Фиу! - вдруг свистит он, довольно громко, одними губами, сложив их трубочкой.

Я тоже так могу.

Научился еще в детстве, когда убежал из детского садика, а родители, чтоб отучить меня от этого, решили припугнуть, объявив, что если и впредь буду убегать, то ничего не добьюсь в жизни.

Ну, самое больше, чего добьюсь, так это стать чабаном, профессия не ахти какая престижная в Молдавии в те времена.

Впрочем, как и сейчас.

И с этой целью, то есть для наглядности, даже купили козу, в надежде, что этим отобьют у меня желание быть *хроническим детсадовским беглецом*.

Но я, в ответ, стал прилежно пасти козу, научившись одними свистками управлять ею.

Учитывая их буйный козий нрав, а также их смекалку и чисто звериную сообразительность, это было немалое достижение.

Ведь, умея мастерски свистеть, мне не приходилось постоянно бегать за ней, возвращая с соседских огородов и виноградников, куда она постоянно пыталась совершать свои набеги, в поисках наивкуснейшей и сочной травы, которая, как известно, и *даже козе понятно*, растет на чужих, а не на своих огородах.

Кроме того, мы с ребятами устраивали состязания, кто громче и помудрее свистнет, так что я мог свистеть не

только губами, но и двумя пальцами, а то и четырьмя, двумя руками.

Поэтому, услышав сейчас свист пограничника, мне так и захотелось ответить ему трелью, однако не успеваю этого делать, так как буквально в течение полминуты нас окружает целое войско пограничников, человек пять или шесть.

Половина из них одеты по форме, то есть в гимнастерках, в брюках и при ботинках, как и были они одеты во время проверки автобуса.

Однако остальные – голые по пояс, а один даже босой.

Вероятно, свист застал их за разными занятиями, так как наверняка предполагали, что смогут отдохнуть после проверки автобуса, и пришлось собраться по тревоге, кто в чем был.

Вместе с тем, все держат автоматические винтовки наперевес и подозрительно смотрят на меня.

- Другой паспорт, - молвит дежурный пограничник, держа мой паспорт в левой руке и указательным пальцем правой руки указывая на карман моего пиджака, куда я сунул прежний паспорт.

Я, совершенно спокойно, вытаскиваю свой второй паспорт из кармана и, с улыбкой, протягиваю ему.

Он долго, не издавая ни звука, изучает их.

Сначала один, потом второй, потом оба, переворачивая страницы, делая при этом насмешливые гримасы, лишь губами, и пуча удивленно глаза.

- Фиу, фиу!! – снова свистит он, но уже два раза, не меняя позу и внимательно глядя на меня из-под своих густых бровей.

Я ожидаю, что же будет дальше, поскольку *пограничное войско*, окружившее нас, не меняет позу, продолжая

подозрительно на меня смотреть, и я делаю вывод, что свист обращен не к ним, а к кому-то другому.

Не мне же, свистит он!

Так оно и есть, поскольку минуты через три-четыре из здания погранпоста выходит офицер, который не спеша направляется к нам.

Ему объясняют, в чем дело, он молча слушает, и поднимает на меня вопросительный взгляд.

- У меня командировка в восьми странах Латинской Америки, - начинаю я, - и для того чтобы получить визы во всех странах надо ждать чуть ли не год, так как в каждом посольстве процедура выдачи визы занимает от месяца до полутора.

Он молча кивает головой.

- А для того, чтобы ускорить процесс, если командировка запланирована на несколько стран, мы даем в разные посольства разные паспорта, и получаем необходимые визы за полтора-два месяца.

Он недоуменно смотрит на меня.

- Приходится выписать некоторым дипломатам по два-три паспорта, - объясняю я ему, разводя руки в стороны, что означает, в моем понимании, безвыходность ситуации. - Но это общепринято. Так делают и в других странах.

- Так у Вас два, или три паспорта? - уточняет офицер-пограничник.

- Три, - отвечаю я, доставая из кармана еще один, такой же паспорт, и протягиваю его ему.

Он берет все три паспорта и принимается сличать их.

Во всех паспортах красуется моя фотография, во всех указана моя фамилия и мое имя, во всех указана моя должность - заместитель министра иностранных дел.

Лишь визы разные, в разных паспортах, но если собрать их воедино, учитывая сроки пребывания во всех восьми странах, то получается общая картина моей командировки.

Офицер с минутку о чем-то размышляет, потом коротко кивает утвердительно головой, поворачивается, и так же, не спеша, как и появился, возвращается в здание погранпоста.

Пограничное войско расслабляется.

Винтовки, которые до сих пор держались наперевес, спускаются на землю, прикладом к правой ноге.

Взгляды теплеют и смотрят на меня уже не враждебно.

Я перевожу взгляд с их физиономий на дежурного пограничника и замечаю, что он также изменил свое отношение ко мне, так как довольно приветливо протягивает мне все три паспорта.

- Фиу, фиу, фиу??? – свищу я три раза, по-мастерски, одними губами, сложив их трубочкой и вопросительно глядя ему в глаза.

При этом, по-хулигански, моргаю левым глазом и маханием головы показываю в сторону Коста-Рики.

Лицо его расплывается в улыбке, в глазах сверкают искорки, и он резко, по-залихватски, берет на козырек, отдавая честь.

Я уважительно склоняю голову, делаю приветственный кивок головы в сторону *пограничного войска*, которые выправились и стоят смирно, держа винтовки к ноге.

Потом сажусь в автомобиль и трогаюсь с места.

После этого, с полсотни метров, наблюдаю их в зеркале заднего вида, как они махают мне руками, в знак

приветствия и прощания, одновременно о чем-то бурно беседуя, или что-то выясняя между собой.

До сих пор думаю, что же их больше удивило, то, что у меня целых три паспорта в кармане, или мое умение свистеть.

Бравичи, Молдавия, июнь 2011 года.

Из цикла
«Латиноамериканские страсти»

*Чистый мёд, как нектар из пыльцы,
Пью и думаю, стоя у рынка:
Злую шутку сыграли жрецы
С золотыми индейцами Инка.*

Владимир Высоцкий
«Чистый мёд, как нектар из пыльцы»

* * *

Кочабабма, Боливия, май 1995 года.

Сажу с Андреем Фроловым на террасе в ожидание кофе, обещанного нам не очень прытким официантом, который давно ушел, и никак не появляется, ни с кофе, ни без кофе.

Это у них что-то вроде национального вида спорта: как только увидят белого иностранца, сразу же пускаются на всякие хитрости, с тем, чтобы выяснить, кто же, черт-побери, он такой, и откуда появился.

Начинается все, как обычно, с невинного вопроса, после того, как был сделан заказ на кофе:

- Вам настоящий кофе, или американский?

Не дай бог, заказать американский.

Тебя сразу же причисляют к *янки*, которых здесь почему-то недолюбливают, и твое дальнейшее пребывание в этом городе обречено, поскольку весть о твоей принадлежности к *бледнолицым янки* распространяется с быстротой молнии.

Используются, наверное, какие-то неведомые нам средства передачи информации об этом.

То ли беспроводный телеграф, то ли биологическая радиосвязь, то ли еще какие-то немыслимые виды связи, так как при подходе к следующей террасе уже никто не спрашивает, какой кофе ты предпочитаешь, а сразу же ставят перед тобой литровую чашку *американо*, которая на вкус – настоящее пойло.

Решив при себе, что ты *янки*, они мстят тебе с какой-то иезуитской последовательностью за непонятно какие грешки, непонятно, когда и непонятно кем сделанные.

Во всяком случае, не добиться от них правильного ответа на вопрос о том, где находится та, или иная улица, или как называется то, или иное растение.

Неприменно укажут в другую сторону, совершенно противоположную той улице, которую ты ищешь, или скажут совершенно другое название растения, которое тебя интересует, чаще всего используя нецензурную лексику.

Это абсолютно непонятно, так как, насколько я знаю, Боливия никогда не воевала с Америкой и ненавидеть *янки* вроде бы не за что.

Другое дело отношение к европейцам.

Тут – полная противоположность: уважение, снисходительность и даже трепет.

Особенно к испанцам.

Хотя, казалось бы, триста лет под их владычеством, *конкиста* и *реконкиста*, и так далее, и тому подобное.

Когда я первый раз попал в Боливию, они, почему-то, приняли меня за испанца.

То ли, из-за моего кастильского произношения, между прочим, не такого уж и совершенного, как им казалось, то ли из-за моего вида.

Непонятно.

Но, величали только «Доном», а не «Сеньором», как остальных смертных, и буквально шаркали ногой при моем появлении.

Не скажу, что это мне нравилось, даже как-то смущало, может, из-за незаслуженно приобретённого

титула «Дон», поэтому, как-то признался им, что я не испанец, а *советико*, то есть, из Советского Союза.

Боливия никогда и не дружила, и не враждовала, ни с Россией, ни с Советским Союзом, поэтому их познания о нашей стране были весьма сумбурными, и я стал для них что-то вроде *марсианина*.

То есть, далекого и не очень понятного типа, с которым лучше держать дистанцию.

Но, существо, обладающее, все-таки, качествами все понимать и даже многое знать, и, главное, дружелюбно настроенное к ним.

К тому же, им было известно, все-таки, что страна, представителем которой я являлся, не дружит, а даже враждует с *янки*, поэтому, я как-бы априори являлся если не их другом, то уж, во всяком случае, не врагом.

Позже же, когда Союз распался, и я появился в Боливии уже как представитель Молдавии, на мое заявление о том, что я молдаванин, они забеспокоились.

Не то, чтоб очень сильно, но потерю контакта с ними я сразу почувствовал.

Наверное, посчитали, что Молдавия это какой-нибудь новый, 51-й штат США: ведь эти *янки* постоянно с кем-то воюют и постоянно расширяют свое влияние. Вот, *проглотили* и Молдавию!

Когда же я им объяснил, что Молдавия – это бывший Советский Союз, они сразу же успокоились, и я снова стал *марсианином*.

Правда, с испанскими корнями, так как продолжали, и продолжают, величать меня «Доном».

Боливия, на этот раз, была частью моей большой командировки по восьми странам Латинской Америки.

Цель этой поездки заключалась в том, чтобы убедить латиноамериканцев установить дипломатические

отношения с Молдовой, а также развивать, насколько это возможно, экономические, культурные, научные и другие связи между нашими странами.

Но если в Аргентине и Чили я практически сразу нашел общий язык с местными дипломатами, то в Ла-Пасе этого не удалось.

Они почтительно кивали головами, уважительно улыбались, но каких-либо прорывов я не достиг.

Возможно, это было связано с тем, что отсутствовал замминистра, который курировал Европу, и им не хотелось ввязываться не в свою епархию до его приезда, возможно, это было связано с чем-то иным.

Единственное, что они сделали без какого-либо усилия, это то, что предложили мне, за их счет, совершить путешествие по Боливии, выделив для этого путеводителя-переводчицу.

Может, в надежде на то, что за это время вернется из командировки отсутствующий замминистра, поскольку никто толком не знал, когда же он вернется.

Не знаю, из каких соображений, но переводчица предложила совершить поездку в деревушку Ла-Игера, где в шестидесятые годы расстреляли Эрнесто Че Гвару де ла Серна, кубинского революционера аргентинского происхождения, который мечтал разжечь мировую революцию, превратив Латинскую Америку в единую, Боливарианскую Республику, которая дала бы последний бой проклятым империалистам.

Когда же я сообщил ей, что уже побывал, раньше, в этой местности, она ничуть не смутилась, объявив, что даже совсем неплохо съездить туда еще раз, для того чтоб «освежить» свои ощущения.

Кроме того, обещала познакомить меня с Наталией Кардоне, с которой якобы были подружками и каждое воскресенье пили *кофе на будершафт*.

Правда, не уточнила, связано ли это с поездкой в Ла-Игера, или нет.

Тем не менее, я согласился, так как Наталию Кардоне, до этого, я видел только по телевизору, и познакомиться с ней, был не прочь.

И вот, сижу уже в Кочабамбе.

Еще не пришедший в себя после поездки в Ла-Игера. А также, не пришедший в себя, после невероятной тряске по бездорожью, от Ла-Игера до Сукре, и такой же тряской, уже в самолете, которого наверняка видели еще братья Райт, так как был он не просто старым, но еще и рыхлым, хоть и выполнял стандартный рейс, а не чартерный, по маршруту Сукре-Кочабамба.

В Кочабамбе мы договорились встретиться с Андреем Фроловым, поскольку я знал, что он здесь *кантуется* в последнее время, а потом рвануть вместе в Лиму, где у меня была предусмотрена такая же операция, как и в Чили, Аргентине и Боливии.

Для Андрея же Перу был чуть ли не роднее России, поскольку бывал он здесь неоднократно, а в последнее время умудрился даже какой-то бизнес там открыть, впрочем, как и в Боливии.

Я надеялся, что смогу использовать его связи и поддержку и этим облегчу себе задачу, так как знал, что перуанцы непростые в переговорном процессе, и если боливийцы иногда и пасуют, то перуанцы борются до последнего, отстаивая свои позиции и интересы.

С Андреем мы были знакомы более десяти лет, поскольку вместе работали в аппарате ЦК КПСС.

Правда, Андрея сначала привлекали лишь в качестве переводчика, поскольку его основная работа была в ГРУ, где занимался он, наверное, шпионажем, как и все их шпионское братство, размещенное в каком-то *Аквариуме*, как поведал всему миру известный беглец Виктор Суворов.

Дослужился там Андрей до майора, или даже до подполковника.

Понятие не имею, так как не привык задавать моим знакомым и друзьям вопросы относительно званий, титулов и звездочек на погонах.

Но подул ветерок перемен, началась *перестройка*, и Андрея пригласили на постоянную работу в Международный отдел ЦК КПСС, в Латиноамериканский сектор, прикрепив за ним Перу и Боливию.

Андрей с радостью согласился, поскольку, как он как-то выразился, «надоело, до чертиков, шпионить и шпионить».

Я же, сначала поработав в протокольной службе ЦК КПСС, после защиты кандидатской диссертации также перебрался в Международный отдел, где сначала занимался «звездными войнами» и сокращением вооружений, а потом – Аргентиной и Чили в том же Латиноамериканском секторе.

И вот, сидим с Андреем и ждем кофе.

Наконец появляется пропавший официант, неся, чинно и важно, поднос, на котором две *турочки* с кофе.

- Ну, Саня, это высший класс! Такой кофе - они не каждому поднесут, - молвит Андрей.

Я вспоминаю, что, когда заказал кофе, и официант спросил, *настоящий* или *американо*, я ответил ему:

«двойной настоящий», на что тот среагировал сначала немножко растерянно, а потом, подумав, утвердительно кивнул головой и решительно направился на кухню.

Наверное, поискал в энциклопедии, какой еще бывает кофе, и вот порадовал нас.

Мы приступаем к кофепитию и Андрей начинает разговор о предстоящей поездке в Перу.

- Хочешь, я познакомлю тебя с Хорхе. Ты знаешь, какой он хороший парень? – спрашивает он меня.

Очень серьезно, и с каким-то особенным значением глядя мне в глаза.

Хорхе – это Хорхе дель Прадо, Генсек Компартии Перу, с которым Андрей, по его словам, на короткой ноге, поскольку работал с ним, будучи референтом международного отдела ЦК КПСС.

Я также работал когда-то с генсеками, сначала с Атосом Фавой, генсеком Компартии Аргентины, а потом – с Луисом Корваланом, или *Лучо*, генсеком Компартии Чили.

Однако, в отличие от Андрея, я не считаюсь с ними на короткой ноге, хотя и поддерживаю приятельские отношения с ними и даже, иногда, заходим друг к другу в гости, если есть такая возможность.

- Нет, не знаю, какой он хороший парень, - говорю я, - поскольку не знаком с ним. Но, как-то имел возможность быть свидетелем того, как до него не дошел подарок Леонида Ильича Брежнева.

- Я слышал, краешком уха, об этом, но подробности не знаю, - сверкает на меня своими очками Андрей. - Расскажи!

И я ему рассказываю, с подробностями, невероятную историю, произошедшую в нашей протокольной службе ЦК.

Короче, у перуанских коммунистов должен был состояться очередной партийный съезд, а может, и внеочередной, на котором были приглашены и иностранные гости, в первую очередь от КПСС.

Ну, поскольку вопрос касался межпартийных связей, и поэтому был архиважным, обсуждался он на политбюро ЦК КПСС, и там дружно решили, что главой делегации будет Гришин Виктор Васильевич, первый секретарь Московского горкома партии, кандидат в члены политбюро ЦК КПСС.

На такие мероприятия принято, по протоколу, преподнести и какой-нибудь памятный подарок.

После недолгих обсуждений, по предложению дорогого Леонида Ильича, решили подарить перуанским друзьям картину «Ленин в Разливе», кабинетного формата.

Наверное, чтобы перуанские коммунисты усвоили практические уроки, как жить в шалаше, в случае ухода в подполье.

Намек, может, и не такой бессмысленный, как может показаться на первый взгляд.

В протокольной службе достали отобранную картину, завернули ее в специальную пергаментную бумагу, и обрамили, по периметру, добротной фанерой, чтобы исключить ее возможную порчу при авиатранспортировке.

Но гвоздь программы состоял в том, что Гришину не полагался спецсамолет из 235-го авиаотряда, который осуществлял перевозку наших партийных бонз по всему миру, так как был он не членом политбюро, которым полагались такие спецсамолеты, а только кандидатом.

А кандидатам в члены политбюро полагалось лететь за рубеж на рейсовых самолетах, вместе с другими, обычными, смертными.

Но Виктор Васильевич Гришин был непростым кандидатом в члены политбюро, а довольно амбициозным, и не мог просто так, сесть в самолет, и лететь, вместе с *массами*, на важное задание.

Он придумал какую-то встречу в Париже, которую якобы никак нельзя было откладывать, и которая совпадала, как назло, с его командировкой в Перу, на съезд Перуанской компартии.

Поэтому, решил он лететь в Лиму не просто через Париж, но даже и не рейсовым самолетом «Аэрофлота».

А буржуйским, «Эр-Франсом», поскольку это было престижнее, сделав остановку на два дня в Париже, чтобы провести ту самую встречу, которую никак нельзя было откладывать, и лишь потом рвануть в Перу, в объятия местных коммунистов.

И хотя этот вопрос не обсуждался на политбюро, в протокольной службе не стали возражать, и начали подготовку к отправке делегации.

Без больших проблем зарезервировали билеты на рейсы «Эр-Франс» Москва-Париж и Париж-Лима, туда и обратно, оформили въездные-выездные визы для всей делегации и во Францию, и в Перу.

Но возникали определенные опасения относительно возможностей загрузки картины в люк-багаж самолета, так как была она довольно приличных размеров, где-то два, на два с половиной метра.

Чтобы избежать неприятностей, Юрий Иванович Петров, заместитель начальника протокольной службы ЦК, распорядился, чтобы Толя Дударь, ответственный работник этой службы, поехал в аэропорт Шереметьево-

1 к моменту прибытия из Парижа рейсового самолета «Эр-Франс», подошел к самолету, и рулеткой, отмерить размеры дверей люк-багажа.

Просто, как и все гениальное.

Дударь так и сделал, и вернулся из Шереметьево с доброй вестью, что картина влезет в люк-багаж.

У всех не душе стало спокойно, так как Гришин был скандальным дядькой, и никто не хотел иметь с ним проблемы.

И вот, день отъезда.

Протокольная служба, естественно, заранее прибыла в Шереметьево-1, связалась со всеми службами аэропорта и начала приводить в действие свои, уже отработанные, механизмы, по отправке за рубеж делегаций на высоком уровне.

К уже прибывшему самолету подогнали специальный трап, к трапу расстелили ковер, а загрузчики депутатского зала приступили к погрузке в самолет багажа делегации и, главное, картины.

Но тут вышла заминка, так как Боинг-727, прибывший на этот раз из Парижа, был другой компоновки, чем тот, люк-багаж которого мерил Толя Дударь накануне, и в него никак не лезла картина, поскольку двери багажного люка оказались меньшего размера.

Короче, это у нас могли клепать самолеты одной и той же компоновки пятьдесят лет подряд, без каких-либо изменений.

У буржуев, оказывается, все было по-другому.

У них могли производить 10 самолетов в такой компоновке, еще 50 самолетов – в другой компоновке, потом еще один или два в какой-то специальной компоновке, и так далее, и тому подобное.

То есть, маленькие партии, по конкретному заказу.

И вот, заработал закон *подлости*, и именно в тот день, когда вылетал Гришин, французы направили в Москву самолет с невероятно узкими дверями багажного люка, в которые никак не лезла *картина-подарок* одного генсека другому генсеку.

Шутка шуткой, но выход из положения надо было искать.

И его нашли.

Оперативным порядком были осуществлены замеры всех дверей самолета, как основных, так и запасных, и аварийных, и оказалось, что если картину протащить в самолет боком, при определенном наклоне, то она *пролазит* туда через главные двери, предназначенные для входа и выхода пассажиров в пассажирский салон.

Сразу же связались со службой регистрации пассажиров и выяснили, что самолет заполнен лишь наполовину, поскольку билеты на «Эр-Франс» были раза в три дороже, чем на «Аэрофлот», и летали этим рейсом только буржуи, у которых, как известно, деньги куры не клюют.

Служба протокола обратилась к службе регистрации, чтобы всех пассажиров общего зала перерегистрировали и пересадили в передней части самолета, оставив незаполненной его хвостовую часть, куда и затащили, не без труда, злополучную картину.

Ее привязали веревками к подлокотникам пассажирских кресел, умудряясь, при этом, даже оставить узкий проход к заднему туалету и к задним аварийным дверям.

Однако, по французским правилам, командир экипажа входит в самолет первым, перед посадкой

пассажиров, не то, что у нас, и проверяет порядок на борту самолета.

И, лишь удостоверившись в том, что все в порядке, он дает *добро* на посадку пассажиров в самолет.

Зайдя в самолет, командир экипажа сразу заметил непонятный предмет в хвосте самолета, привязанный к подлокотникам кресел, и поинтересовался, что же это за *херня* такая, которая может сорваться оттуда и ранить пассажиров в случае *болтанки*, при попадании самолета в возможные воздушные ямы.

Ему объяснили, что это очень важный груз очень важного пассажира, но француз, не до конца вник в суть сказанного.

Он объявил, что любой груз, каким бы важным он ни был, должен быть загружен в багажно-грузовой отсек самолета, а не в пассажирский салон, и распорядился, чтобы сразу же убрать сей *херню* с воздушного лайнера, которым ему французская Родина доверила командовать.

Сказано – сделано.

Бортпроводницы тут же вызвали загрузчиков.

Однако, по своей наивности, обратились они в общую службу загрузки и разгрузки багажа аэропорта, которая и понятие не имела, о чем идет речь, а не в зал ВИП, загрузчики которого загружали картину в самолет.

А поскольку рейс был *литерный*, летел-то на нем кандидат в члены политбюро, то вызванные загрузчики общего зала мигом появились в самолет и также мигом разгрузили злополучную картину оттуда, хотя в других случаях, медлительнее и ленивее их бывают лишь копатели могил на кладбищах.

Однако, не будучи в курсе, кто ее хозяин, и что делать дальше с этим грузом, они, не мудрствуя лукаво, просто оставили заколоченную фанерой картину около самолета, прямо на стоянке, прислонив ее к какой-то металлической лестнице, которая является непременным атрибутом любой стоянке в любой аэропорт мира.

После чего, вернулись они на своих рабочих местах в общем багажном отделении аэропорта, с чувством исполненного долга.

Сразу же была дана команда на посадку в самолет всех пассажиров и, после выполнения этой операции, протокольной службе сообщили, что все в порядке и борт ждет делегацию.

Тут же эту информацию донесли до товарища Гришина *энд Компани*, которые сидели в комнате ЦК на втором этаже зала ВИП, и те, не спеша, и деловито рассуждая о государственных и партийных делах, направились к самолету.

Дойдя до трапа, они остановились на ковровой дорожке, повернулись лицом к провожающим и помахали ручками в знак приветствия и прощания одновременно.

На фоне самолета авиакомпании «Эр-Франс», естественно.

Фотографы ТАСС тут же запечатлели сей исторический момент, делегация повернулась к трапу и последовала в салон самолета.

Загрузчики зала ВИП тут же свернули в рулон ковровую дорожку, трап был отогнан, и самолет, мигая розоцветными габаритными огнями, вырулил к взлетно-посадочной полосе.

Провожаящие еще продолжали махать руками, когда один из водителей протокольной службы, Володя Окунев, вдруг заметил не только что покинутой стоянке знакомую большую фанерку, прислоненную к какой-то металлической лестнице, страшно напоминающую ему, им же привезенную сюда картину-подарок высокопоставленной делегации.

Он тут же потрогал по плечу Юрия Ивановича Петрова, заместителя начальника протокольной службы ЦК, и секундой позже – Пал Палыч Безушко, начальника этой службы, спросив, а не наша ли картина та фанерка, что маячит на стоянке.

Внимательно посмотрев на фанерку, на которую указывал палец Володи Окунева, Юрий Иванович лишь хмыкнул, но Пал Палыч, после того, как понял, о чем идет речь, буквально потерял сознание, в связи с чем пришлось вызвать скорую помощь прямо на летное поле.

В Париже Гришина встречали всем посольством, однако на багаж не очень-то и обратили внимание, поскольку был он оформлен транзитом прямо на Лиму.

Однако к вечеру, французские службы доставки багажа забили тревогу, так как обнаружили несоответствие в реестре, с наличием багажа.

Связались с посольством, и после некоторых препирательств, обнаружили, что нет в наличие картины-подарка.

Гришин устроил настоящую истерику, и объявил, что без подарка на съезд перуанских коммунистов не полетит.

В Москву полетели шифровки, притом не только от посла, но и от резидентов, как ПГУ, так и ГРУ.

Высказывались различные версии о причинах пропажи подарка. Но главная идея состояла в том, что скорее всего, это *идеологическая диверсия*, с целью *дискредитировать* главу делегации, и тем самым, всю КПСС.

Кем организована эта диверсия, пока было неясно, но под подозрение сразу же попало несколько секретных служб, начиная, естественно, с французской, и кончая, разумеется, ЦРУ.

Однако, в ходе обмена шифровками, стало известно, что картина-подарок, обшитая фанерой, находится в безопасности Москве, а в ЦРУ, БНД, Моссад, и, естественно, в французской разведке, даже и понятия не имеют, насколько важный груз они *профукали*.

Гришин, узнав, что подарок еще в Москве, тут же распорядился, чтоб его доставили в Париж.

Протокольная служба, однако, сразу же после отлета делегации, проанализировав ситуацию, решила отправить картину-подарок в Лиму грузовым рейсом «Аэрофлота», который как раз планировался туда, и груз должен был бы достигнуть набережную Тихого океана даже раньше делегации.

Летал туда «сарай», как все любовно называли ИЛ-86, в котором можно было загрузить не то, что картину кабинетного формата, но еще и штук десять финских домов, уже в собранном виде, а не в разобранном, да еще и пару танков в придачу, с годовым запасом топлива и амуниции к ним.

Однако требование Гришина, отправить немедленно картину в Париж, было выше логики, и протокольная служба, подчиняясь требованию кандидата в члены политбюро, выгрузила картину из уже выгруливающего

к взлетно-посадочной полосе ИЛ-86, и начала искать возможности отправить ее в Париж.

Однако, рейсы на Париж в тот день уже были выполнены, так что все отложили на второй день.

А на второй день из Парижа опять прибыл Боинг-727 в такой же компоновке, как и накануне.

То есть, в котором никак не лазила картина.

А рейс «Аэрофлота» в тот день выполнял Ту-134, у которого люк-багаж был примерно таких же размеров, как и у Боинга, и в котором, также никак не помещалась злополучная картина.

Пришлось снова искать другие варианты, и они нашлись.

Из Воронежа вылетал какой-то грузовой борт на Лион, в который и погрузили картину, дав летчику наставление попросить экстренную посадку в Париже.

Он так и сделал, но французы отказались выгрузить фанерку в Париже, ссылаясь на то, что весь груз должен быть доставлен сначала в Лион, поскольку так было указано в сопроводительных документах, и лишь оттуда, в другие города Франции, в том числе и в Париж.

Гришин так и не дождался подарка и вылетел в Лиму без него, а посольские работники, дождавшись, наконец, прибытие драгоценного груза из Лиона, еще две недели после этого пытались отправлять его в Лиму.

По возвращении в Москву Гришин бушевал, жаловался и требовал наказать виновных.

Дело дошло даже до политбюро, когда слушали его отчет о командировке.

Но точку в споре поставил генсек.

Что бы ни говорили о Брежнев, и как бы его ни критиковали, иногда и справедливо, но чаще всего, без

каких-либо на то оснований, обладал он и чувством юмора, и здравым смыслом.

- А чё, полетел на буржуйском самолете? – иронично посмотрел на Гришина Леонид Ильич. - Мог бы и на нашем лететь! И коньячку налили бы побольше, и картина бы, долетела вовремя.

Гришин, говорят, стусевался, и больше не заикался об этом случае.

Услышав мой рассказ, Андрей засверкал очками, и поинтересовался:

- И Дударю, было что-нибудь за это?

- Нет, конечно, - смеюсь я, - а почему спрашиваешь?

- Дык, за это, же, не гладили по головке.

- Не гладили, - соглашаюсь я, - но случай с Дударем, был простым рабочим инцидентом. За что же, наказать его? И, тем более, за что, снять? Прав был Брежнев: Гришину надо было лететь нашим самолетом, и никаких приключений и не произошло бы.

- В общем-то, да, - соглашается Андрей.

Мы еще какое-то время обмениваемся новостями и воспоминаниями, а потом удаляемся каждый в свою гостиницу.

А утром, едем в Лиму, пытаемся установить контакты с местным истэблишментом, но перуанцы трудно идут на контакт, так как о моей стране не очень наслышаны.

Андрей знакомит меня с Хорхе, мы пьем кофе у него дома, в патио, но у главаря местных коммунистов не ахти какое влияние на местный МИД, поэтому мы прощаемся, клянемся в вечной дружбе, и возвращаемся в гостиницу.

А на следующий день меня разыскивают из Боливийского МИД, и сообщают, что хорошо было бы снова приехать к ним, потому что появился тот

заместитель министра, который ведет Молдавию, и который отсутствовал во время моего визита к ним, и он страшно переживал, что нам не удалось встретиться.

Поэтому, не проявлю ли я любезность приехать к ним снова, и встретиться с господином заместителем министра.

Ну, разве можно отказать такому приглашению? Хотя я и предполагаю, что разговоры будут общие и явного прорыва в двусторонних отношениях вряд ли будет

Но я решаюсь возвращаться в Ла-Пас на пару дней, и это совпадает, как ни странно, с планами Андрея, у которого в Боливии свои интересы и свой бизнес.

Я встречаюсь со своим омологом, мы обговариваем некоторые вопросы, представляющие взаимный интерес, и даже подписываем какой-то протокол о намерениях.

И я, свободен.

Андрей тут же предлагает показать мне неизведанные еще мною в Боливии места, и мы идем на *Меркадо индио*, местный индейский рынок.

Описать этот рынок нужно в отдельной книге, поскольку обилие красок, товаров и человеческих особей настолько разнообразно, что наши глаза так и бегают во все стороны, не имея возможность на что-то конкретно сконцентрироваться.

Мы здесь, как две белые вороны, поскольку и продавцы, и покупатели – индейцы.

Поголовно.

Но к нам, именно поэтому, интерес особый, так как появляется, наконец, реальная возможность что-то продать.

Притом, продать так, чтобы выиграть как можно больше.

За счет покупателя, естественно.

В принципе, желание *лохануть* покупателя есть у каждого продавца.

Хоть в Старом свете, хоть в Новом.

Но *лохануть бледнолицого*, для индейца – это большая честь.

Поэтому, нас щупают на предмет наших знаний в области ценообразования постоянно, называя баснословные цены на самый никчемный товар.

Но мы тертые, особенно Андрей, и сбавляем цены при торгах, оперируя десятикратными уравнениями, и очень скоро доходим до приемлемой, для обеих сторон, цены, которая позволяет приобрести ту, или иную, понравившуюся нам вещь.

Мы почти исчерпали свои потребности, вернее потребности наших близких, для которых и покупаются эти сувениры и товары, и собираемся уходить, но тут, Андрею понравились какие-то *финтифлюшки*, которые продавал малец-индеец, лет двенадцати.

Малец был бойкий, не по годам развит, острый на язык и с явными чертами урожденного торговца, черты, которые наверняка передаются генами.

В нем проглядывалась не только индейская кровь, а и какая-то заокеанская, поскольку был он не коротконогим, как все остальные индейцы, а стройным, с правильными пропорциями тела, и хитрющими глазами, которые так и стреляли по нас, оценивая, насколько мы *лохи*, и как можно наживаться на этом.

Был он похож, скорее на цыганенка, с одесского Привоза, или киевского Бессарабского рынка, чем на потомка индейцев, и торговался очень умело и деловито.

Но Андрея трудно было обойти, или сбить с толку, поскольку торговаться он также умел, не то, что я, и он очень быстро снизил первоначально названную цену *финтифлюшек* до их реальной стоимости в пять *боливиано*, хотя местные продавцы называют цены не в *боливиано*, а в *песо*, так как с 1963 по 1987 годы *песо* было денежной единицей Боливии.

Пять *боливиано* равняются примерно одному американскому доллару.

То есть, это тот предел, ниже которого местные торговцы не опускают цену ни при каких условиях.

Но Андрей вошел в раж, и продолжал нажимать на *мальца*, чтобы тот еще ниже опустил цену.

Но тот уперся, покраснел, и твердил одно и то же:

- Синко песос, сеньор.

Андрей опрять нажимает, и получает тот же ответ:

- Синко песос, сеньор.

Андрей неумолим, но и малец не сдается.

Так длится минут десять, а то и пятнадцать, и малец, устав от нажима Андрея, поднимает на него взгляд и решительно заявляет:

- Синко песос, и *ни*деу!*

Мы с Андреем в транс.

Весь разговор велся только на испанском.

Мы ни разу не обмолвились с Андреем, даже в разговорах между собой, ни одним словом на русском.

По нашему виду, по одежде, по манере поведения и общения, вряд ли можно определить, что мы русские.

Разумеется, мы не местные, а европейцы или янки. Скорее всего, испанцы, или итальянцы, если судить по мне. Или немцы, а возможно, датчане, если судить по Андрею.

Но, никак не русские.

- А ты откуда знаешь такие слова? – спрашивает Андрей.

- Какие слова? – удивляется малец.

- Ну..., - теряется Андрей, - *ни*деу*, например.

- Аааа, - хмыкает малец. – Так это *хахаль* моей мамы, когда не согласен с чем-то, и ставит точку в разговоре, так и говорит: *ни*деу!*

- А что, *хахаль* твоей мамы русский? – интересуется Андрей.

- Да нет, что Вы, сеньор, - удивляется малец. – Он *совиетико*, а никакой не русский.

Мы многозначительно смотрим друг на друга, но малец продолжает дальше свои пояснения:

- У него, его страна, куда-то пропала. Ну, та страна, откуда он прибыл к нам. Вроде Атлантиды.

И уточняет у нас:

- Вы, слышали про Атлантиду?

Мы киваем головами, как истуканы.

- Так вот, - продолжает малец. – Атлантида пропала куда-то. Давно. И его страна, тоже куда-то пропала. Не так давно, но тоже пропала. Совсем. И он остался без Родины, и ему некуда возвращаться.

Мы, молча, киваем головами, что мол, все поняли.

- И он остался у нас *хахалем* мамы.

- А *хахаль*, - как-то, поделикатнее, пытается выяснить Андрей, - это тоже его слово?

- Да, - подтверждает малец, - он сам так себя называет. Это, что-то наподобие мужа, но... - не совсем мужа. Компренде, сеньор?

- Компрендо, компрендо, - ворчит Андрей. – Так, ты продаешь нам свои *финтифлюшки*?

- Конечно, сеньор! Синко песос!

- На тебе, десять песос, - милостиво протягивает ему деньги Андрей, хотя, до этого, ему и пять песос казалось много.

- Сеньор - *настоящий пацан*, - радостно сообщает ему малец, и заворачивает покупку в пергаментную бумагу местного производства.

Мы пускаемся в хохот и начинаем искать выход с рынка, чтобы спуститься в город.

Наконец, находим его, и начинаем свой спуск в город, с *Меркадо Инка*, короткой дорогой, по индейской тропе.

Это идея Андрея, и она не самая лучшая.

Могли бы спускаться и обычной дорогой, которая также имеет очень крутую наклонность вниз, но все же, асфальтирована.

Нет, он решил мне доказать, что он *крутой*, знает здесь все тропы и ему не страшны любые спуски и подъемчики.

Короче, *настоящий пацан*, как выразился малец-индеец.

Спуски крутые, временами приходится прямо держаться за кусты, или деревья, чтобы не скатиться вниз, как в бобслее, используя вместо санок свою задницу.

Это совсем непросто.

Во-первых, мы не скалолазы, и хоть нас, кое-кто, иногда, и называет *козлами*, козлы-то мы не горные, а городские, притом европейские, так что на индейской тропе мы совсем чужие и не к месту.

Во-вторых, мы нагружены, как настоящие ишаки, поскольку на индейском рынке разные великолепные вещи из шерсти ламы, викуньи и альпаки

для своих девочек, и это еще больше усугубляет наш спуск вниз.

Свитера, куртки, вязанные шапочки, шарфы, перчатки и рукавицы индейского производства, а также множество других товаров и сувениров местного производства, разобраны и расставлены по разным тюкам, которыми мы махаем, как жонглеры в цирке, для того чтобы не терять равновесие при опасных поворотах и слишком уж крутых спусках индейской тропы.

Андрей идет впереди, и для того, чтобы поддерживать разговор со мной, ему приходится постоянно поворачивать голову назад, в мою сторону.

Это неудобно.

К тому же, опасно.

Но он, как бы хозяин, поскольку это его епархия.

И постоянно рассказывает мне разные вещи о городе, о строениях, о разных памятниках и необычных местах, не говоря уж о традициях и специфичности характеров местного населения.

- Вот, я трачу свое время, показываю тебе разные *значные места* в Империи инков, а ты ни разу не показывал мне свою Аргентину, - ворчит Андрей, поворачивая свои сверкающие очки в мою сторону.

- Смотри вперед, а то сейчас шлепнешься, - недовольно вторю я ему.

- Ну, шлепнусь, так шлепнусь, - беззаботно отвечает он. - Что, впервые?

- Вряд ли, - смеюсь я.

- А давай привал сделаем, и покурим по *сигарилло*.

- Вот, наконец, и умная мысль появилась в твоей головке, а то, подай ему Аргентину, подай ему Аргентину...

Мы останавливаемся, находим местечко поудобнее, раскладываем вокруг себя тюки и авоськи с покупками, зажигаем сигариллю местного производства, пускаем дым, по-индейски, через ноздри, и продолжаем прерванный разговор.

- Вот, Чили ты мне показал, а Аргентину не хочешь, - недовольно смотрит на меня Андрей.

После развала Союза и «закрытия КПСС», Андрей остался без работы, и мыкался по разным инстанциям и фирмам, пока сталелитейная компания «Азовсталь» не согласилась использовать его связи в Латинской Америке для продажи своей продукции.

Чем он их охмурил, непонятно, но они нагрузили целый корабль со своей металлической продукцией и дали Андрею карт-бланш продавать ее кому угодно.

Андрей, обуреваемый чувствами молодого Рокфеллера, пересек на предоставленном ему корабле Атлантический океан, перебрался через Панамский канал в Тихий океан, и начал свою торговую деятельность.

Однако, ни в Колумбии, ни в Эквадоре, покупателей он не нашел.

Более того, местные торговцы грозилась, что задержат корабль, конфискуют весь товар, а Андрея упрячут в каталажку.

Андрей покинул негостеприимные берега, добрался до Перу, где у него, действительно, были неплохие связи среди местных деловых людей, и продал, с горю пополам, часть товара.

Однако оставалось еще больше половины непроданного металла, а покупателей совсем не было.

К тому же, моряки с зафрахтованного корабля, больше половины из которых были с Молдаванки и имели крутой нрав, пригрозили, что устроят бунт, если им не дадут причитающую им долю, или хотя бы зарплату, а Андрея прикрепят к мачте, водрузив на нее, сверху, пиратский флаг.

Но откуда могла быть у Андрея доля, или даже зарплата для них, если товар не продавался?

Ситуация складывалась патовая, но Андрею удалось уговорить их снять якорь и двинуть к берегам Чили, где у него есть друг, который поможет.

Этим другом, разумеется, был я, совершенно случайно оказавшись именно в это время в командировке в Чили.

Каким-то образом он меня разыскал и поведал о своем незавидном положении.

- Саша, помоги мне, если можешь, а то мне – каюк, - закончил Андрей повествование, глядя на меня молящими глазами.

Я был в хороших отношениях с Марио Паредесом, чилийским архитектором, который был учеником Оскара Нимейера, и который был владельцем крупного холдинга в Сантьяго де Чили.

В этот холдинг входила и известная чилийская компания «Металл-Пар», которая производила автобусы, и которая могла быть заинтересована в покупке металла.

Поэтому, я попросил Марио оказать поддержку и способствовать, насколько это возможно, в решение вопросов Андрея.

Марио прислал своего представителя в Вальпараисо, где и находился злополучный корабль Андрея, нашпигованный демпинговым металлом, и они

достигли компромисса, лишив, тем самым, доблестных моряков с Молдаванки возможности вешать Андрея на рее, как в старые добрые времена.

Поведав мне о состоявшемся товарообмене, Андрей раскрыл и некоторые скобки, которые характеризовали деловую хватку чилийцев, а также их отношение ко мне.

Оказывается, после того как Андрей расхвалил свой товар и назвал цену, чилиец посмотрел на него как-то странно, и изрек:

- Знаете, сеньор, мы покупаем металл у Крупша. Мой дед покупал металл у Крупша, мой отец покупал металл у Крупша, и вот я, также покупаю металл у Крупша. Мы покупаем металл у Крупша не только потому, что это лучший металл в мире, а и потому, что Крупш всегда продавал, продает и будет продавать нам металл. Несмотря на кризисы и войны, несмотря на то, правят ли Германией фашисты, коммунисты, либералы или антилибералы, и невзирая на то, что их страной командует Гитлер, Аденауэр, Хонеккер или Коль. Они продавали, продают, и будут продавать нам свой металл. Поэтому, мы не собираемся менять своего контрагента, Крупша, даже если нам и предлагают очень хороший метал по баснословным низким ценам. Но нас, попросил помочь Вам, Дон Алехандро, и мы, в порядке исключения, купим у Вас этот металл. Но только в этот раз, и больше никогда.

Повернулся, и ушел.

Этот монолог произвел на Андрея неизгладимое впечатление.

Он перестал в дальнейшем продавать металл, переориентируясь на другие виды бизнеса, а меня

сильно зауважал, и нет-нет, да и напомним об этом случае.

Вот, и сейчас, вспомнил о Чили, правда, уже вкупе с Аргентиной.

- Так, когда же покажешь мне свою Аргентину? - невозмутимо смотрит он на меня.

- Зачем, скажите, Вам чужая Аргентина? - делаю я круглые глаза.

- Да ну тебя, Саня, - машет он рукой, - тебе, лишь бы шутить, да вставлять, где надо, и куда не надо, словечки Высоцкого

- Между прочим, это спорный вопрос, - хмыкаю я.

- И никакой не спорный! - сверкает очками Андрей.

- Спорный, спорный, - опять хмыкаю я.

Андрей смотрит на меня растерянно

- Это я насчет стихов «про чужую Аргентину», - объясняю я, видя его недоуменный взгляд. - Нет точности в том, что это именно стихи Высоцкого, а не какого-то другого автора. А ты, о чем подумал?

- Ну, вот, опять ушел от ответа, почему не показываешь мне свою Аргентину, - ворчит Андрей, неодобрительно качая головой.

Мы поднимаемся, собираем разбросанные вокруг тюки и авоськи с сувенирами и индейскими товарами, и пускаемся снова, по индейской тропе, вниз, к славному городу Ла-Пас.

Бравичи, Молдавия, июнь 2011 года.

Из цикла „Нет, ребята, все не так“

*В сон мне – желтые огни, и хриплю во сне я:
– Повремени, повремени, – Утро мудренее!
Но и утром всё не так, нет того веселья:
Или куришь натощак, или пьешь с похмелья.*

*В кабаках – зеленый штоф, белые салфетки.
Рай для нищих и шутов, мне ж – как птице в клетке!
В церкви смрад и полумрак, дьяки курят ладан.
Нет! И в церкви все не так, все не так, как надо.*

*Я тогда по полю, вдоль реки. Света – тьма, нет бога!
А в чистом поле васильки, дальняя дорога.
Вдоль дороги – лес густой с Бабами-Ягами,
А в конце дороги той – Плаха с топорами.*

*Где-то кони пляшут в такт, нехотя и плавно.
Вдоль дороги все не так, а в конце – подавно.
И ни церковь, ни кабак – Ничего не свято!
Нет, ребята, все не так, все не так, ребята!*

Владимир Высоцкий
«В сон мне — жёлтые огни...»

* * *

Сантьяго де Чили, 1995 год.

Сидим в кабинете у *Лучо*, в его доме, в пригороде Сантьяго де Чили, и пьем *пуэро*, наикрепчайший чилийский кофе.

Лучо, это партийный псевдоним Луиса Альберто Корвалана Лепеса, чилийского политика, Генерального секретаря Коммунистической партии Чили с 1958 по 1989 годы, обмененный на Владимира Буковского в процессе обмена политзаключённых.

Это о нем, пели частушки, в конце семидесятых:

*Обменяли хулигана
На Луиса Корвалана
Где бы взять такую бл*дь
Чтоб, и Лёню поменять.*

С Луисом Корваланом я познакомился осенью 1980 года, в аэропорту Шереметьево 2.

Олимпиада отодвинула многие партийные мероприятия на более поздние сроки, и осень выдалась тяжелой, поскольку делегаций и одиночных гостей было уйма, и протокольная служба ЦК КПСС никак не справлялась с таким объемом работы.

Поэтому, Петров Юрий Иванович, заместитель начальника этой службы, обратился в МГИМО и в УДН с просьбой, чтобы студентов, которые работали на

Олимпиаде-80 с зарубежными официальными делегациями, направили снова, на подмогу, в эту службу.

Я был одним из таких студентов, и с удовольствием подключился к процессу встреч и проводов зарубежных гостей ЦК КПСС.

Поскольку, не всегда было известно, кто, когда и откуда прилетит, задумано было наше дежурство в аэропортах, и мы сидели там, иногда сутками, встречая и провожая делегации и отдельных индивидуумов.

И вот, в один из дней, когда было мое дежурство, мне звонят пограничники с зала прилета, и говорят, что какой-то дядя желает встретиться с представителем ЦК.

Так и сказали: *какой-то дядя*.

Поскольку, других представителей ЦК правящей тогда в СССР партии в Шереметьево не было, мне пришлось спуститься в пограничную зону контроля, где и увидел дядю.

Это был, разумеется, *Лучо*, и я его сразу узнал, так как его фотографии пестрели не только во всех газетах и журналах, но красовались даже на заборах, а также на витринах магазинов.

Прибыл он из какого-то своего очередного вояжа, добираясь до нас через пять-шесть стран, путая следы, изменяя внешность и меняя паспорта.

По-русски он не говорил, визы для въезда в СССР не имел, в наших списках по прилету *не значился*, поэтому, когда пограничники поинтересовались, кто он такой, он вытащил маленький лист бумаги и написал на нем, по-русски, вероятно наизусть выученную фразу: «*Прошу встреча представитель ЦК КПСС*».

Я заговорил с ним по-испански, что страшно его обрадовало, вывел из пограничной зоны, провел в зал

ВИП, связался по телефону с Игорем Евгеньевичем Рыбалкиным, который был тогда его куратором в международном отделе ЦК, вызвал машину, и отправил *Лучо* в Москву.

После этого, я встречался с ним несколько раз.

Он меня узнавал, что было приятно, здоровался, интересовался, как идет учеба, поскольку был в курсе того, что я еще студент, и все шутил, когда же я закончу, наконец, университет, и перейду на работу в международный отдел, став его референтом.

Но, на шутке все и кончалось.

Однако в конце восьмидесятых, когда я уже окончил не только университет, но успел защитить и кандидатскую диссертацию, и работал в секторе международных связей ИМЛ, ко мне стал все чаще и чаще обращаться Кудачкин Михаил Федорович, заведующий Латиноамериканским сектором международного отдела ЦК, с разными просьбами от *Лучо*.

В то время его референтом был уже Саша Игнатъев, так как Игорь Рыбалкин, или *Егор*, как звал его Петров Юрий Иванович, работал советником советского посольства в Чили.

В 1989 году *Лучо* добровольно сложил с себя полномочия генерального секретаря, передав бразды правления чилийскими коммунистами Володе Тейтельбойму, чилийскому писателю и политику с украинским корнями, жена которого имела интересную фамилию – Алла Кишиневская.

В 1990 году *Лучо* перебрался в Чили, и обосновался здесь навсегда, приступив к подготовке к изданию своих мемуаров.

И вот, сидим в его кабинете, и пьем кофе.

Он простужен, шея завязана большим шерстяным шарфом, из которого выглядывают только усы и очки, и страшно недоволен.

- Такую страну потеряли! Да что, потеряли, про*рали!
И смотрит сердито в одну точку.

- Как же, так, Сача? – переводит он взгляд на меня.

Сачей, а не Сашей, меня зовут все латиноамериканцы. Почему-то, им никак не удастся это звукосочетание, хотя в других словах свободно произносят звук *ш*.

Я развожу руки в стороны, так как нечего отвечать на его определения.

Но он, не успокаивается:

- Ну, нельзя было так, ребята! Нельзя было!!!

Я пытаюсь объяснить, что, вероятно, в ходе перестройки были потеряны какие-то ориентиры, а может, их и не было, и страна была ввергнута в хаос, а потом и перестала существовать.

- Во-во! – приподнимается он со стула. – *Ни фига*, никаких ориентиров, не было у Горбачева! Я так ему и сказал, а он взял и обиделся.

И хмыкает.

- Он, вообще, обидчивый, я и раньше замечал это. Любит, чтобы его хвалили... А чё, его хвалить?

И недовольно смотрит на меня, будто я сторонник того, чтобы Горбачева хвалили.

- Я, и Альенде никогда не хвалил, даже когда он был президентом. И Брежнева не хвалил, хотя он и вызволил меня из тюрьмы хунты, обменяв меня на этого хулигана. Хотя, я и был против такого обмена, так как, хулиган, как и вор, должен сидеть в тюрьме.

И смотрит на меня строго.

Я молчу, а *Луcho* возмущается, дальше:

- Вот, и нахвалились!!!

Потом, через паузу, с горьким сожалением:

- Нет, ребята, все Вы не так делали! Надо было снять его, к чертовой матери, и двигаться дальше! А, Вы...

И машет рукой, сокрушенно качая головой.

Потом, отходит, все-таки, и мы начинаем обсуждать возможности опубликования его мемуаров в Молдавии, так как он не хочется связываться, с бандитом Ельциным, как он выражается.

Ему 79 лет, но он очень активен, подвижен и старается все делать сам.

Мемуары лично готовит к изданию, делая их правку на персональном компьютере, который тут же находится, в кабинете, заваленный со всех сторон разными книгами, атласами и таблицами, апеллируя, и то, лишь иногда, к помощи дочери.

Умер на 94-м году жизни, прожив яркую жизнь, не клянясь никому и стараясь быть самим собою даже в самые страшные и трагические моменты своей жизни.

О нем написано много небьлиц, но время расставит все на свои места, и *Лучо* займет свое заслуженное место среди государственных деятелей и мыслителей 20-го века.

Бравичи, Молдавия, июнь 2011 года.

Из цикла
"Времена и нравы"

*Тишина на белом свете, тишина,
Я иду и размышляю, не спеша,
То ли стать мне президентом США,
То ли взять, да и закончить ВПШ.*

Владимир Высоцкий
«Тишина на белом свете, тишина»

Испания, Валенсия. Август 1992 года.

Михаил Горбачев осуществляет неофициальный визит в Испанию.

Он уже не президент СССР, да, собственно говоря, и самого СССР уже нет.

Из-за этого у Горбачева, на просторах бывшего Союза, огромное количество недругов, если не считать врагов, которых, наверное, еще больше.

Но за границей его помнят и почитают. Приглашают в визиты. Просят читать лекции.

Он охотно этим пользуется, и, для этих целей, организовал даже специальный фонд – «Горбачев-Фонд».

«Скромно и красиво», дала определение названию фонда Раиса Максимовна. Думаю, с этим многие не согласны, но фонд то их, и название они вправе подыскивать сами, не спрашивая других. В принципе, они именно так и поступили.

Так вот, именно этот фонд и организовал этот визит в Испанию. И, поскольку в этом фонде работали мои давние знакомые и друзья, с которыми мы когда-то работали в одной организации, тоже канувшей в лету, - Международном отделе ЦК КПСС, они меня разыскали, и пригласили принять участие в этом визите. В качестве, так сказать, «иностранного гостя», поскольку я, к тому времени, уже был гражданином Молдавии и, тем более, депутатом Молдавского парламента.

Визит, хоть и был неофициальным, был организован по всем правилам дипломатического протокола, и Михаилу Сергеевичу оказывали все почести, как главе государства, хотя он, повторюсь, уже не был действующим президентом, да и страна, которой он управлял когда-то, ушла в небытие.

Визит заканчивался ужином, устроенным в честь Горбачева одним из самых крупных банков Испании – «Бансаја», и должен был он проходить в Валенсии. На ужин было приглашено большое количество банкиров, человек шестьдесят, из разных банковских группировок, так как предполагалось, что они, услышав речь Горбачева, ринутся вложить свои деньги в российскую экономику.

Идея, сама по себе, неплохая. Но абсолютно невыполнимая. Что интересно, что это понимали практически все, кроме самого Горбачева. Ну, и Раисы Максимовны, естественно.

Гости расселись на заранее зарезервированные места, официанты разлили шампанское по бокалам, блюда с закусками уже были расставлены на столах, и все стали ждать Михаила Сергеевича и Раису Максимовну.

Но, так как они задерживались, гости перекидывались невинными фразами, разглядывая друг друга и, разумеется, весь антураж.

Мы, бывшие советские, расселись подальше от всех, в уголочек, за одним столиком, как в старые добрые времена, так как хотелось поговорить и делиться новостями, поскольку давненько не встречались.

Мы – это, разумеется, я, Игорь Шматов, Андрей Жуков, Алексей Подберезкин, Дима Рогозин и Виктор Кувалдин. С Виктора, собственно говоря, и надо было бы

начинать перечисление, так как он был главным виновником нашего пребывания на этом банкете, поскольку в то время, а, по-моему, и сейчас, трудился в «Горбачев-Фонде».

Наконец появились виновники торжества, и все гости встали, приветствуя их. Раиса Максимовна заняла место в первый ряд, набросив на плечи накидку, а Михаил Сергеевич поднялся на импровизированный подиум, со стаканом шампанского в руках, поскольку было запланировано, что он скажет тост, после чего и начнется сама трапеза.

И Михаил Сергеевич начал. Сначала с пафосом, он это умел, с хорошо поставленными фразами и интонацией, а потом втянулся, забылся, и... *«процесс пошел»*, как процедил сквозь зубы его же советник, Витя Кувалдин, используя, ставшей крылатой, фразу самого Горбачева.

Он отвечал за организацию этого банкета, все расписал по минутам, а тут, Михаил Сергеевич впал в «ховорильню», как он сам выражался, и начал нести околлицу, и про путч, и про перестройку, и про указ антиалкогольный, и про многое другое, нарушив весь расклад, так мастерски составленный Кувалдиным.

Витя подымался уже несколько раз, показывая Михаилу Сергеевичу на циферблат своих часов, мол, время для «ховорильни» истекло, но Горбачев настолько впал в транс, что не обращал внимания ни на что и ни на кого.

Разочек Витя даже приблизился к Раисе Максимовне, так как лишь она могла бы его остановить, но Раиса, сидя в своем кресле в первом ряду, со сплетенными перед лицом руками, замороженно следила за своим кумиром, и на шепоты Кувалдина лишь нервно дергала головой,

будто отгоняла назойливую муху. Видя это, Витя махнул рукой и вернулся к нашему столу.

Гости, которые сначала внимательно слушали речь «перестройщика», начали постепенно терять интерес к нему, так как зал не был оборудован для синхронного перевода, и приходилось сначала говорить Горбачеву, а потом переводчице. И, разумеется, когда говорил Михаил Сергеевич, они, не понимая ничего по-русски, обменивались впечатлениями, и ждали очередную порцию перевода. Горбачеву же, казалось, что его невнимательно слушают, злился, и гнул дальше свою ахинею, которая никак не тянула на тост.

Так продолжается целые пятьдесят две минуты, которые заканчиваются фразой Михаила Сергеевича:

- Это первое, что я хотел сказать.

В это время, переводчица уронила ручку, которой она делала записи, чтоб не путать чего-нибудь при переводе, и полезла под стол за нею.

В зале устанавливается тишина, так как все ждут перевода, а переводчица в это время ищет свою упавшую ручку.

И вот, в этой тишине, весь зал слышит фразу Вити Кувалдина, сказанную шепотом, для нас, сидевших вместе с ним за одним столом:

- Твою мать!

Все гости поворачиваются к нам, потом к переводчице, которая уже достала свою злополучную ручку, в ожидание перевода сказанного.

Посмотрел на нас и Михаил Сергеевич, хотя ему и не нужен был перевод.

Повернулась к нам и Раиса Максимовна, наградив каждого из нас холодным, рыбьим взглядом.

Мы все, втянули головы в плечи, и молча рассматриваем узоры на скатерти банкетного стола.

Как ни странно, выход из положения нашла переводчица, хоть и молоденькая, и неопытная, но с хорошей и здоровой интуицией, которая, сделав реверанс, объявила банкирам, что Его Превосходительство, Дон Горбачев, приглашает их выпить.

Михаил Сергеевич, хоть и собирался продолжить свой «спич», так как остановился лишь на «во-первых», оценил ситуацию и, подняв бокал над головой, потряс им два раза, что, скорее всего, означало в его понимании «давайте, выпим!».

Испанцы, народ горячий, но разумный, не стали допытываться что именно сказал кто-то из русских, а налегли на закуски и напитки, благо, и одни, и другие были отменного качества.

Михаил Сергеевич, с бокалом в руке, обошел всех гостей, умудряясь сказать каждому гостю по несколько слов, и не выпить, при этом, ни капли.

Подошел и к нашему столу. Сел. Посмотрел на каждого из нас. Мы все выдержали его взгляд и он, не сказав ни слова, поднялся и пошел дальше.

После банкета к нам приперлась Раиса Максимовна. Взвинченная, раздраженная, вся в слезах.

- Да как, вы могли?

Мы молча смотрим на нее, а это ее раздражает, даже бесит.

Она допытывается, у всех вместе, и у каждого в отдельности:

- Кто это сказал? Кто произнес эти *страшные слова*?

Но мы упорно молчим, и Витю так и не выдаем.

Ну, как ей объяснить, что фраза Вити относилась к обстановке, сложившейся в зале, а не к самому Михаилу Сергеевичу? Она же, *ни хрена*, не поймет. И, тем более, не поверит.

Поэтому, на все ее вопросы, отвечаем одной и той же фразой:

- Кто-то из нас, но кто – не обратил внимание. Я речь Михаила Сергеевича слушал.

Это еще больше выводит ее из себя, но мы были стойкими, и все кончилось тем, она, заплаканная и несчастная, оставила нас и пошла к Мише.

Горбачеву, разумеется.

Чтобы ни говорили о ней, но она его действительно любила. По-настоящему.

А Михаил Сергеевич, несмотря на то, что его так сильно любили, умудрился развалить страну, которую доверили руководить.

Такую страну...

Бравичи, Молдавия, июнь 2010 года.

Из цикла „Тяга к перемене мест“

Дорога, а в дороге – МАЗ,
Который по уши увяз,
В кабине – тьма, напарник третий час молчит,
Хоть бы кричал, аж зло берёт:
Назад пятьсот, пятьсот вперёд,
А он зубами "Танец с саблями" стучит!

"Глуши мотор, – он говорит, –
Пусть этот МАЗ огнём горит!"
Мол видишь сам – тут больше нечего ловить.
Мол, видишь сам – кругом пятьсот,
И к ночи точно занесёт,
Так заровняет, что не надо хоронить!

Я отвечаю: "Не канючь!"
А он – за гаечный за ключ
И волком смотрит (он вообще бывает крут).
А что ему – кругом пятьсот,
И кто кого переживёт,
Тот и докажет, кто был прав, когда припрут!

Владимир Высоцкий
«Дорожная история»

* * *

Молдавия, весна 1978 года.

Работаю электриком в Производственном комбинате Госкино Молдавии.

Работа временная, поскольку до этого я успел окончить педагогическое училище, годочек поработать учителем в Солтанештской восьмилетней школе Ниспоренского района, два года отслужить в РВСН.

После этого, целые три с половиной года я учительствовал в родных Бравичах, где преподавал историю в местной средней школе, а также в вечерней школе рабочей молодежи.

Работа нравилась, с учениками ладил, отношения с коллегами по работе были дружескими и, казалось, что все уже определено в моей жизни.

Однако, не поладил я с школьным начальством, явление не такое уж и редкое в любые времена и при любых властях.

Мелких стычек с начальством было не так уж и много, но даже если и случались, то они не очень-то влияли на мое настроение, так как был я не из пугливых, за словом в карман не лез и мог дать отпор любому.

К тому же, я неплохо разбирался в школьных программах и методических рекомендациях и требованиях тех времен, и ставить меня *в угол* было не так уж и просто, несмотря на то, что в школьных интригах я не очень-то разбирался, да и жизненного опыта было маловато.

Но, поймали меня, все-таки, *на живца*, и хотя расправиться со мной не удалось, в *колею*, все-таки, они меня загнали.

Притом, в такую колею, из которой совсем непросто было выбраться.

Дело было связано с преподаванием курса истории в школе, где я умудрился поменять местами курс истории СССР и курс истории Молдавии, что было расценено хоть и не как *идеологическая диверсия*, но дальнейшей легкой жизни не предвещало.

Обстоятельно подумав, а также досконально изучив ситуацию и все возможные последствия этого инцидента, я пришел к твердому убеждению, что мне надо будет уходить из школы, так как какая-либо положительная перспектива в моей дальнейшей карьере учителя не намечалась.

Дело было в том, что в сталинские времена мой отец сидел в ГУЛАГЕ и вкупе с уже моими *геройствами*, которые в любой момент могли быть переквалифицированы в *националистические* и даже *антисоветские*, твердо ставило меня в разряд неблагонадежных лиц, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Более того, терялся смысл моей учебы на заочном отделении исторического факультета Кишиневского университета, третий курс которого я заканчивал.

К этому времени мои родители уже перешли в мир иной, и я был свободен в своих решениях, поэтому, я написал заявление об уходе с работы по собственному желанию, решив сменить не только профессию, но даже направление деятельности, поскольку еще с детства мечтал побывать в разных странах, а в армии

закрепилась мысль о том, чтобы заняться международными отношениями.

Были у меня, в связи с этим, определенные планы относительно будущей учебы в Москве, но для выполнения этого замысла, для начала, надо было бы найти временную работу.

Как раз в это время, мой приятель и хороший друг, Володя Орз, работавший киномехаником в Бравичском Доме культуры, собирался устроиться киноинженером в Производственный комбинат Госкино Молдавии, поскольку незадолго до этого он заочно окончил Калининградский кинотехникум и собирался начать взобраться по кино-инженерной карьерной лестнице.

С Володей я был знаком давно, еще с детства, но подружились мы лишь после моего возвращения из армии.

Столкнулись мы с ним в одной из Бравичских библиотек, а было их у нас тогда целых три: районная, сельская и школьная.

Ну, о школьной, и нечего говорить, поскольку там были одни учебники для оболтусов, с 1-го по 10-й класс, а те книжки, которые не являлись учебниками, не представляли для нас никакого интереса, так как мы уже давно вышли из того возраста.

Сельская библиотека, которую к тому времени уже преобразовали в детскую, хоть и имела неплохие книжные фонды, после ее реорганизации получала лишь книжки для малышей, и ходили мы туда, только потому, что библиотекарем был там Толя Лефтер.

Он был славным парнем, очень грамотный и начитанный, с которым мы пили тоннами кофе, рассуждая об Атлантиде, о космических болидах, о

недороде в Северной Африке, об Индо-пакистанском инциденте, о королевских пингвинах, и, конечно, о Бермудском треугольнике.

И о многом-многом другом, перебравшись иногда, вместе с кофейником, разумеется, в кинобудку, где орудовал Володя, показывая местному населению незабвенные индийские фильмы, поскольку детская библиотека и кинотеатр находились в одном здании, Бравичском доме культуры.

Районная же библиотека отличалась от остальных тем, что там, действительно, был очень хороший книжный фонд, в большинстве своем на русском языке, поэтому практически не очень-то и освоен местным населением, которое только-только входило во вкус читать на русском.

К тому же, там, помимо обычных библиотечных фондов, был и спецфонд.

Были такие специальные фонды в советские времена в больших библиотеках, в которых закрывалась от посторонних глаз крамольная литература.

Доступ в эти спецфонды мог дать только райком партии, после соответствующей консультации с Кишиневом.

И, естественно, «органы».

Конечно, КГБ, а не МВД.

Но, кому охота обращаться в такие организации, за разрешение на доступ в спецфонд?

Ведь, занесут в какие-то списки, и потом, даже внукам не отмыться и не оправдаться, от подозрений в лобознательности своих предков.

Поэтому, мы с Володией нашли более простой метод доступа к запрещенной литературе.

Спецфондом в Бравичской районной библиотеке командовал Валера Боровицкий, парень начитанный, всезнающий, холостой и не в меру пьющий.

Именно это последнее его качество и решили мы с Володей использовать для получения доступа к спецфонду, поскольку Валере был закрыт в Бравичах доступ к другому фонду, спиртных напитков, для других граждан вполне открытый и доступный.

Дело в том, что начал он прикладываться к бутылке все чаще и чаще, и его мамаша, Тамара Александровна, решила закрыть для него этот доступ, напугав всех продавщиц всех бравичских продуктовых магазинов, что запрячет их в Сибирь, если хоть одна чекушка водки попадет в руки ее драгоценного чада.

Спорить с ней никто не стал, так как была она бабкой вздорной и скандальной, и любая стычка с ней могла бы кончиться неизвестно чем.

Она, когда-то, была заведующим Бравичским РОНО, и легенды, о ее подвигах, особенно, о ее походах в местную баню вместе с кишиневскими начальниками, зачистившими, почему-то, с проверками именно в Бравичское РОНО, заняли прочное и достойное место в бравичском фольклоре.

Даже, по прошествии двадцати лет, что минуло со времен ее начальствования в РОНО, находились такие, которые клялись на библию, что они были личными свидетелями того, как она делала это самое, в бане, с кишиневскими начальниками.

Ну, вы же понимаете, о чем идет речь.

И так, делала она это, и раз этак, делала это, и снова так.

А потом, еще как-то очень мудрено, словами не опишешь, только показывать можно. И потом, снова, так, и раз этак.

И, еще много-много раз.

А потом, еще раз, как пел Высоцкий.

Но она стойко воспринимала всякие сплетни и слухи, будучи обеспокоенной лишь своими чадами, а было их у нее двое, а не как в сказке, трое.

Хотя, именно как в сказке, один был путевый, старший, а другой, младший, непутевый.

Путевый сын, после окончания Бравичской средней школы, окончил Ленинградскую военно-медицинскую академию по очень редкой тогда специальности, космическая медицина, женился, и укатил в бескрайние казахстанские степи, на какой-то архисекретный полигон.

Приезжал он в Бравичи раз в год, в отпуск, вместе с женой-пампушкой, и двумя карапузами.

Но, даже несмотря на китель подполковника медицинской службы, вид у него был какой-то усталый, даже загнанный, и никак не подходил он на счастливого папашу и успешного медицинского светила, образ которого пыталась нам внушить его мамаша.

Непутевое чадо, то есть Валера, окончил Кишиневский университет по специальности библиотекведение, устроился на работу в Бравичской районной библиотеке и заведовал там спецфондом.

По правде говоря, заведовать было нечем, поскольку фонд был закрыт для всех и на книгах, журналах и фолиантах кровавых сталинских времен пыль собралась толщиной с палец, что было неоспоримым доказательством того, что их не трогали, давным-давно, ни враги, ни друзья советской власти.

Последний раз туда заходили лет десять с чем-то до описываемых событий, аккурат после снятия Никиты Хрущева, когда какие-то типы в серых плащах затащили туда всю крамольную литературу, в которых описывались геройства борца с культом личности и проводника кукурузы на необъятных просторах нашей родины.

Валера ходил по улицам Бравич какой-то хмурый и неприветливый, переживая недоступность к *зеленому змию*, и мы с Володей решились обратиться к нему с деловым предложением, которое, враз бы решило все его проблемы.

Деловое предложение было простым, как и все гениальное.

Мы обязались поставлять ему по бутылке водки, а также местного портвейна с Бравичского винзавода, за какое-то количество книг из спецфонда, которые он предоставит в наше распоряжение, с тем, чтобы мы досконально ознакомились с ними.

С возвратом, конечно, поскольку собственность была государственной, а за хищение народной и социалистической собственности в те времена запросто можно было угодить в Сибирь.

Не то, что сейчас.

Мы, почему-то, даже и не думали, и не опасались, что за простое чтение этих самых книг, нам обеспечена бесплатная дорога в ту же самую Сибирь, правда, по более серьезным статьям и на более долгие сроки.

Как бы то ни было, но главный вопрос состоял в том, сколько бутылок за сколько книг предлагать, и Валера тут оказался совершенно неопытным, поскольку мы

были первыми, и наверняка единственными, желающими ознакомиться с таким видом литературы.

При том, когда во время переговоров упоминалось слово «*бутылка*», у Валеры загорались глаза, которые так и шарили по нашим карманам и пазухам, в поисках спрятанного запрещенного продукта, и у него возникал лишь один вопрос «*где?*», прочно забывая такие понятия как *сколько*, и *когда*.

Но, после недолгих переговоров, мы пришли к взаимоприемлемому варианту: одна бутылка водки и две бутылки портвейна, против десяти книг из спецфонда, независимо от года их издания, а также от толщины томов.

Валера согласился, мы заключили соглашение, обмыли, втроем, сей исторический момент, и приступили к практической реализации положений заключенного контракта.

Тут, как раз, и возникали трудности, поскольку нас могли заметить *бдительные* граждане и *стукануть*, куда надо, об этом.

Поэтому, мы таскали эти книги в мешках, по ночам, совершая по несколько заходов за ночь, поскольку они были тяжелыми, заразы, и более четырех-пяти энциклопедических томов за один раз было невозможно таскать, несмотря на нашу молодость и нехилое здоровье.

Потом, долгими вечерами, сидели дома, или у меня, или у Володи, и штудировали эту, не для всех доступную литературу, которая, конечно, расширяла наш кругозор, хотя и делала нас более незащитными перед системой, поскольку много знать, не нравится любой правящей системе.

Чего там, в этом спецфонде, только не было.

Разумеется, полное собрание сочинений вождя всех народов, Иосифа Виссарионовича Сталина.

А также, все его отдельные публикации, от самых-самых ранних, до самых последних.

Было, конечно, интересно узнать, что же такого он написал.

Некоторые работы другого вождя, Владимира Ильича Ленина, которые почему-то прятались в спецфонде а не включались в полное собрание его сочинений, которые пылились на всех полках всех книжных магазинов и всех библиотек всей нашей необъятной страны.

Это тоже представляло интерес. То есть, не столько работы, а почему их не включили в очередной выпуск его публикаций.

Были там и целые груды книг, написанных и изданных такими личностями как Берия, Лысенко, Вознесенский, Кузнецов, Попков, и прочая, и прочая, о которых не то, что простые обыватели, но даже и многие ученые-историки в середине семидесятых и понятия не имели.

Не говоря уж о писателях, таких как Зощенко, Платонов, Пастернак, Бунин, и многие-многие другие, книги которых также прятались в спецфонде.

Особый интерес представляла Большая Советская Энциклопедия, поскольку в спецфонде размещались все ее тома первого и второго издания.

Надо отметить, что в открытом доступе, для всех, в библиотеках и книжных магазинах тогда было лишь третье издание БСЭ, начавшая выходить уже в брежневские времена.

Сведения, которые мы черпали из этих книг, были не только энциклопедическими, но и бесценными,

поскольку одни и те же события трактовались иногда совершенно по-разному, в разных томах БСЭ, в зависимости от года издания, а также от личности, которая правила тогда страной, не говоря уже о политических течениях и политической моды, которые существовали на том или ином этапе.

То же самое касалось и информации о людях, биографии которых корректировались, в разных томах по-разному, а иногда просто вырывались оттуда листы.

Первый том первого издания БСЭ вышел в 1926 году, а последний том второго издания – в 1961 году, томов обеих изданий БСЭ было больше сотни, так что, нам было, чем заниматься.

И вот, приключился мой конфликтный случай с школьным начальством, и мы с Володей, посоветовавшись, решили вместе, вдвоем, устроится на работу в Госкино, хотя было ясно, что мое участие временное, поскольку я собирался *«на царя учиться»*, как образно выражался мой армейский начальник, майор Осьмухин Николай Федорович, правда, по другому случаю, и относительно другой персоны.

Директором Производственного комбината Госкино Молдавии был тогда Кольцов Михаил Иванович, человек спокойный и порядочный, но ничего не смысливший в работе комбината, а летевший *в киношные облака*, поскольку, с утра до вечера просиживал на киностудии «Молдова-фильм», вместо того, чтоб заниматься делами своего комбината.

Заправлял же всеми делами комбината Вася Кэлдаре, выпускник Ленинградского института киноинженеров и главный инженер этого заведения, с которым мы были не просто односельчанами, но и хорошими приятелями.

Дело в том, что мы, втроем, начиная с третьего класса, посещали клуб юных фотолюбителей в Бравичском Доме пионеров, занимаясь *фотошопом*, еще тогда, в докомпьютерскую эру, правда, не с помощью специальных компьютерских программ, а простых ножниц, клея, различных фотографий и, разумеется, фотоаппарата.

Нас зачислили на работу, Володю – киноинженером, а меня, после соответствующего квалификационного экзамена – электриком, нам выделили кинолабораторию УАЗ-452, и мы с Володией начали свои вояжи по республике, проверяя техническое состояние киноустановок во всех населенных пунктах Молдавии.

Он занимался киноаппаратурой, начиная от оптики и кончая механикой, я же концентрировался на электрической составляющей нашей работы, проверяя стандарты подключения киноустановок к сети и устраняя найденные неполадки.

Они, в большинстве своем, касались отсутствия контура заземления, которого мы с Володией делали вместе, поскольку приходилось орудовать десятикилограммовой кувалдой, а это не шутки, да плюс электросварочный аппарат, с которым также нельзя шутить.

Случались у нас и курьезные случаи, которые как бы проверяли нашу дружбу на прочность.

Как-то в конце февраля ударили сильные морозы, градусов под минус 20-25, а ночью доходило даже до минус 30.

Наша машина не была специально оборудована для таких условий, поэтому приходилось, по утрам подогревать воду для радиатора и разогревать картер и коробку

передач паяльной лампой, с тем, чтобы можно было завести двигатель и тронуться с места.

Занятие не так уж приятное, и совсем не простое. Особенно при морозе.

К тому же, приходилось действовать быстро и слаженно, притом параллельно, в четыре руки, так как любое промедление или нарушение очередности какой-либо из операций заканчивалось тем, что приходилось делать все снова.

Если один, например, замешкался и слишком долго возился с картером или коробкой передач, то за это время замерзала подогретая вода для радиатора, а пока приходилось ее снова разогревать, то масло в коробке передач настолько твердело, что сдвинуть рычаг переключения скоростей было уже совершенно невозможно.

Разумеется, в такие случаи срывались и эпитеты, а то и слова покрепче, и потом, с полдня, косились молча друг на друга.

Потом осознавали нелепость положения, и ржали, кивая друг на друга и, с юмором, вспоминая острые словечки и высказывания, ляпнутые сгоряча.

В один из таких морозных дней мы задержались допоздна на какой-то киноустановке в Сорокском районе и двинулись к райцентру уже поздно вечером.

Транспорта на дорогах не было совершенно, и Володя предложил, чтобы за руль УАЗ-а перешел я, для того, чтобы упрочить свои шоферские навыки, так как водителем был я начинающим.

Я сначала заартачился, ссылаясь на то, что неразумно и даже опасно начать учебу, вернее продолжить ее, в такие условия, так как дорога вся была обледенелой и очень скользкой.

Но он настоял на то, что именно так нарабатываются навыки настоящего водителя и я занял место за руль.

Километров десять я неплохо справился с вождением, хотя ухабы и извилистость дороги были сложнейшими и двигался я лишь на первой и второй передаче.

Но на каком-то повороте проглядел песочную кучку, из тех, что дорожная служба выбрасывает по периметру проезжей части в качестве против-гололёдного средства, резко взял руль вправо, чтобы обойти ее, и на полном ходу пустил УАЗ в овраг, глубиной в 3-4 метра, который тянулся параллельно к шоссе.

Несмотря на отсутствие опыта, мне удалось, все-таки, удержать машину, интуитивно оценивая угол и направление расширения котловины оврага с направлением движения нашего автомобиля, избежав, тем самым, опасность перевернуться, двигаясь, по инерции, еще метров 20-25 по неровному снежному покрову дна оврага.

Выйдя из машины, мы осмотрели ее и вздохнули с облегчением, так как не только поломок, но даже и царапин, на ней не было видно.

Однако, рассмотрев овраг, а также его края, которые поднимались к насыпи шоссе градусов под 35-40, мы приуныли, так как шансы выйти оттуда, да еще ночью – были минимальны, если не сказать, что их совсем не было.

Оставлять машину и идти пешком к райцентру, до которого оставалось километров семь-восемь, не было ни охоты, ни резона.

Вряд ли можно было найти какой-то тягач до утра, который бы вытащил нас оттуда.

К тому же, в машине была аппаратура, очень дорогая и уникальная по тем временам, и оставлять ее без присмотра было бы не только неразумно, но и опасно, так как нельзя было исключить, что кто-то случайно набредет на нее и захочет наживаться.

Оставалось *куковать* в машине до утра, включая время от времени двигатель, хотя было ясно, что бензина не хватит, чтобы согреть машину постоянно, а также самих себя, чтоб не замерзнуть, так как мороз все крепчал да крепчал, да и снежок начал валить, как по команде.

Оценив нерадостную ситуацию, мы не стали предъявлять друг другу претензии и обвинения, так как они и так были очевидными, а молча сели в УАЗ, хлопая, все-таки, в сердцах, ее дверцами.

Просидели с часик, не об-молвив ни слово, уныло глядя в не просветную и невидимую даль через ветровое окно, которое начало заносить снегом, все выше и выше, пока я иронично не хмыкнул, оценивая наше идиотское молчание и не прочитал вслух, по памяти, стихи Высоцкого «Кругом пятьсот».

- Ты, это к чему? – повернул на меня хмурый взгляд Володя.

- К тому, что у них кругом было пятьсот, а у нас лишь восемь, от силы десять, километров, – хмыкнул я.

- А что? – встрепенулся он. – Может, попробуем?

- Давай! – кивнул я.

Мы разобрали наше лабораторное хозяйство, которое было довольно разнообразным, поскольку, среди прочего, мы делали контуры заземления для киноустановок, а их приходилось соорудить с помощью лопаты, лома, кувалды, электросварки и других приспособлений, и все эти инструменты как раз были к месту.

За какие-то полтора часа мы соорудили нехитрое инженерное приспособление, которое связывало дно оврага с насыпью шоссе и, включив демультипликатор и пониженные передачи УАЗ-а, мы успешно вскарабкались на трассу, оставляя позади не только глубокую колею, но и наши тревоги и опасения.

В другой раз, уже в середине марта, после того как мы закончили наладочные работы на киноустановке КН-16 в Красношенах Теленештского района, встал вопрос о том, какой дорогой нам возвращаться оттуда.

Дело в том, что мы успели справиться с поставленными задачами раньше времени, и в нашем распоряжении оставалось еще три-четыре дня за счет командировки.

Эти дни, по логике, можно было бы использовать по своему разумению, в наши Бравичи, а не в Кишиневе, куда мы должны были вернуться лишь к официальному окончанию срока командировки.

А расстояние от Красношен до Бравичи было ровно десять километров по прямой, лесной дороге, и почти 200 километров по шоссе, поскольку приходилось делать большой круг.

Разумеется, хотелось попасть в Бравичи побыстрее, да и не было охоты тратить бензин впустую, так что мысль отправиться в путь по прямой была естественной, хотя климатические условия и не располагали к этому, поскольку таял снег, и местный лесной чернозем преобразился в непроходимую черную вязкую массу, которая прилипала ко всему.

К тому же, дорога по прямой на каком-то отрезке шла в гору, по довольно крутому склону, длиной примерно в

три километра, откуда уже начинался спуск к нашим Бравичам.

Добравшись до окраины Красношен, откуда начинался этот крутой подъем, я выразил сомнение в разумности пойти этой дорогой, так как там была слишком широкая колея для нашего УАЗ-а.

Буквально впереди нас туда, в гору, полез ГАЗ-66, у которого колея задних колес была значительно шире, в связи с чем и возникали опасения, что вряд ли нам благополучно удастся взобраться на вершину холма.

Но Володя заерепенился, объявив, что «УАЗ – это машина-зверь», что у нее есть демумльтипликатор и пониженные передачи, и нам не страшны любые преграды.

Я, нехотя, согласился, и мы полезли в гору.

Но, проехав километра полтора, мы достигли место, где ехавший перед нами ГАЗ-66 забуксовал, и пробиваясь наверх расширил и так слишком широкую для нас колею, которая была наполнена до краев густой и вязкой, как творог со сметаной, грязью, которая прилипла к нашим колесам увеличивая их размеры чуть ли не в два раза, и не давая возможность им крутиться дальше.

Приходилось спускаться, и с помощью монтировок и лопат, очищать колеса от грязи, с тем, чтобы не прерывать движение.

К тому же, имея исключительные проходимые качества, а также вполне удачную коробку передач и ходовую, УАЗ был оснащен довольно слабым двигателем.

На нем стоял карбюраторный двигатель от «Волги-ГАЗ-21» мощностью в 90 лошадиных сил, что явно было маловато для машины с такой массой, поэтому, при пониженных передачах, но больших оборотах мотор

буквально был, издавая невообразимые звуки, будто жаловался на нас и на наше упрямство.

Промучились мы около часа на этом отрезке склона, преодолев лишь метров 50-70 вверх, поскольку вода в радиаторе нагревалась до 100-110 градусов, и приходилось, временами, глушить мотор, с тем, чтобы охладить его.

И вот, заглушив мотор в очередной раз, уже Володя процитировал вслух, по памяти, известные стихи Высоцкого о колее.

Ситуация была очень поучительной для нас, к тому же, патовой, поскольку развернуться было никак нельзя, а дать задним ходом не представлялось возможным из-за того, что за нами буквально *по уши увяз* ГАЗ-63, который перекрывал наш возможный отход назад через проложенную нами совместную колею.

У него колея задних колес была *шире* чем у нашего УАЗ-а, но *уже*, чем у шедшего впереди нас ГАЗ-66, поэтому его водителю приходилось маневрировать еще труднее чем нам, тем более, что и двигатель его машины был слабоват для такой массы автомобиля.

Когда же нам удалось, с большим трудом, пробраться через крутой и разухабистый бугорок, тормозивший наше движение навверх столько времени, и угол склона стал менее крутым, мы остановились на перекур и внимательно обследовали дорогу, выискивая возможность выхода из колеи, проложенной ГАЗ-66.

И мы нашли решение, выйдя из чужой колеи и делая уже свою, собственную, и буквально минут через десять стояли на самой вершине склона, откуда начинался спуск к пойме речки Кула, через которой и находились наши Бравичи.

Таких неординарных случаев было немало, что нас еще больше сблизило и сдружило.

И вот, едем мы как-то с Володей по улице Ильяшенко (теперь – улица Албишоара), параллельная с речкой Бык, что в Кишиневе.

За рулем нашего УАЗ-452, естественно, Володя, поскольку по городу в основном водит машину он, а не я, так как несмотря на кое-какой водительский опыт, я не горю желанием портить свои отношения с столичными орудовцами.

Говорим, конечно, о всякой чепухе.

О женщинах, о жизни, о ценах, о Высоцком.

И, хотя мы с Володей друзья, практически *не разлей вода*, и по многим и многим вопросам мыслим одинаково, все-таки мы разные, и взгляды у нас разные на многие вещи.

Володя старше меня на несколько лет, и хотя эта разница не очень и заметна, он обременен другими заботами, чем я.

Он женат, у него есть сын, и семейные заботы оставляют свой отпечаток на его поведение, хотя своенравность характера, а также какая-то детская авантюризм, делают его, временами, непредсказуемым.

К тому же, он довольно часто, глазеет по сторонам на проходящие мимо девицы и молодые женщины, оценивая разглядывая их *буфера*, и сопровождая это свое занятие меткими эпитетами, а иногда и вздохами.

Я же разведен, и не жаждою новых приключений.

Из моей памяти еще не стерта информация о том, как моя бывшая супруга ревновала меня не только ко всему женскому полу, и в целом, и по отдельности, без разбору

и без каких-либо оснований, но даже, образно говоря, к столбам.

Хоть телеграфных, хоть электрических, проверяя наличие на них каких-нибудь записочек, адресованных мне, типа: «место встречи изменить нельзя».

Как-то раз, после какого-то комсомольского собрания, на котором присутствовала, конечно, и она, и где мне пришлось выступить перед микрофоном, объясняя аудитории насколько важны те задачи, которые стоят перед золотой советской молодежью, и насколько важно их выполнять не только в срок, но и со знаком качества, вернувшись домой, моя драгоценная супруга, абсолютно ничего не объясняя, разрубила топором на мелкие-мелкие кусочки, мой единственный парадный костюм, сшитый по заказу в ателье.

- Чтоб не гадали всякие бл*ди на моего мужа, оценивая, какой он умный, красивый, высокий и стройный! И как ему идет костюм, сшитый на заказ! – победоносно объявила она, глядя с вызовом на меня.

Потом, не добавив ни слова, отвернулась и, грациозно дергая плечиком, а также демонстративно виляя определенной частью тела, удалилась с места брани.

Вероятно, топор, оставленный ею на плахе, вызвал у меня определенные ассоциации, превратившись потом в тот весомый аргумент, который и послужил причиной того, что через пару дней я подал на развод, получил его, и стал одинок, почти как коза Робинзона Крузо, как метко выражался О. Генри.

Разумеется, интерес к прекрасному полу у меня не пропал, но, в отличие от Володи, я был более сдержанным и щепетильным в этом вопросе, так как, нет-нет, да и замаячит перед глазами плаха с топорами.

Поэтому, к его повышенному интересу к женскому полу я относился иронично и часто, с сарказмом, давал не очень лестные характеристики его похождениям, что, впрочем, никак не отражалось на наши с ним взаимоотношения.

И вот, движемся мы по Кишиневу, а Володя на этот раз почему-то не глазеет по сторонам, а сосредоточенно глядит вперед, по курсу движения машины, будто в ожидание чего-то важного.

И, когда въезжаем под мост, по которому проходит трасса от цирка к проспекту Молодежи, Володя нажимает на автомобильный клаксон и окрестности наливаются резонансным звуковым сигналом нашего УАЗ-ика, а эхо отдаёт, волнами, какой-то непередаваемый звук.

Володя, прямо замер, вслушавшись в него.

Он, вероятно специально для этого случая, пораньше опустил стекло левой двери, направив соответствующее, левое ухо, к нему, чтобы лучше были слышны издаваемые звуки.

Лицо – сплошное удовольствие, а глазки – сверкают, точь-в-точь как у его кота, после того, как тот расправился с банкой сметаны, нечаянно забытой Евгенией Павловной, его женой, на кухонном столе.

- Прямо, *детсад* какой-то! – ворчу я.

- Хе-хе, - довольно хмыкает Володя, весело качая головой.

И, невозмутимо, крутит дальше свою баранку.

Прошло 35 лет.

Едем по улице Албишоара (бывшая Ильяшенко).

За рулем, уже не УАЗ-а, а Фольксвагена, тот же Володя, хотя я – уже опытный водитель, успевший объездить

полмира на своих, и не только своих, *драндулетах*, и мог бы и сам сесть за руль.

Ему - уже далеко за шестьдесят.

Но, ему, уже даже и в голову не приходит крамольная мысль глазеть по сторонам на дефилирующие по тротуару беззаботные девицы, одетых в, обтягивающие их *буфера*, джинсах.

Даже, боковым зрением.

Он успел за это время пережить инфаркт, и даже инсульт.

Время было такое, что не всем удавалось приспособиться к ее стремительным и радикальным изменениям.

После развала Союза наступил настоящий экономический крах на всем постсоветском пространстве, и киноиндустрия приказала долго жить, оставив без работы практически всех работающих когда-то в этой отрасли.

Маялся и он, как и другие, в поисках работы, чтобы содержать семью, которая состояла уже из четырех человек, так как родилась и дочь.

Кем только не пришлось работать Володе за это время.

И водилой, на грузовых трейлерах, и грузчиком на товарном железнодорожном узле, и даже *развозчиком людей*, как шутил он, так как таксистом не хотел себя называть.

Пытался он это сделать на своем ЗИС-110, купленным, по случаю, в Краснодаре, в середине восьмидесятых, после каких-то масштабных киносъемках, в которых участвовала и киностудия «Молдова-фильм».

Первоначально киностудия выразила желание приобрести этот автомобиль, но потом отказались от

этой идеи, предложив своим сотрудникам, по желанию, стать его обладателем.

Вот, Володя и стал тем счастливецом, который завладел этой музейной редкостью.

Говорили, что это автомобиль самого Молотова.

Вячеслава Михайловича, естественно.

Хотя, никаких доказательств, что это именно так – не было.

Впрочем, как и обратных контрдоказательств не было, то есть, что это был не его автомобиль, а кого-то другого.

Но Володя почему-то считал, что на таких автомобилях разъезжали только члены политбюро ЦК ВКП (б), и хозяином, в любом случае, должен был бы быть кто-то из бонз партийных.

Так ему сказали, когда ему продали автомобиль, он в это поверил, и хотел получить доказательства.

И добивался он получить эти доказательства от меня, вернее через меня, притом неоднократно, так как знал, что я работаю в аппарате ЦК КПСС, и ему казалось, что мне доступно все.

Ну, абсолютно все!

Я, конечно, обратился к начальнику транспортной части ЦК КПСС, с которым был в хороших отношениях, а потом и к начальнику ГОН, гаража особого назначения Кремля, с которым был знаком, но ничего путного они мне не сказали.

Оно и понятно, поскольку автомобили ЗИС-110 использовались не только для обслуживания госучреждений, но и в таксопарках в качестве маршрутных такси на междугородных линиях Москва-Симферополь, Москва-Владимир и Москва-Рязань.

В московской таксомоторной службе ЗИС-110 использовались в 1947-58 годах. ЗИС-110-такси

окрашивались в двойной цвет: белый верх, коричневый низ, Володин экземпляр же изначально был черного цвета, как и любые правительственные *тачки* тех времен, и это еще больше будоражило его воображение и рождало неоправданные иллюзии.

Правда, по оснащенности и экипировке его ЗИС-110 никак не подходил под такси, но время сказало свое слово и автомобиль нуждался в серьезном ремонте, а ремонт стоил бешенные деньги, которых у Володи не было, поэтому использовать машину в качестве транспортного средства можно было лишь в окрестностях Бравичи, да и то, лишь для походов в лес, и на шашлыки.

Поэтому, стал он *развозчиком* лишь после того, как я подарил ему, на день рождения, подержанный «Москвич-412», купленный мной специально для этого случая, в один из моих приездов в Кишинев из Германии, где я был тогда послом Молдавии.

Потом, работал он даже и заправщиком на «Каталане», самой *крутой* заправке Кишинева в середине девяностых.

Там, между прочим, платили неплохо, по сравнению с мизерными зарплатами остальных молдаван по всей нашей стране, так что очень скоро он поправил свои дела и взгляд стал веселее, все чаще и чаще обращая его по сторонам, отмечая метаморфозные изменения представительниц прекрасного пола, к которому так и оставался совсем равнодушным.

Потом ему удалось устроиться на работу даже по специальности – киноинженером в кинотеатре «Патрия-Лукойл», что на Рышкановке, и жизнь почти совсем наладилась, хотя, за это время, успел он, конечно, так испортить отношения с женой, что даже и жили

раздельно какое-то время, хотя, позже, помирились, все-таки, и снова стали жить вместе.

И вот, едем мы снова, как и раньше, но уже на его автомобиле, по Кишиневу.

Едем, и не спеша разговариваем.

О жизни, о ценах, о Высоцком.

О женщинах, он уже даже и не заикается, и я лишаюсь, таким образом, возможности иронично вставлять какие-нибудь едкие замечания, на любимую им, когда-то, тему.

Но я, не в обиде.

Он, кстати, тоже.

Заезжаем под мост, на улице Абишоара, по которому проходит трасса от цирка к проспекту, уже не Молодежи, а Григоре Виеру.

И, как ни в чем не бывало, клаксон.

Автомобильный, разумеется.

И нажимает на кнопку клаксона – тот же Володя.

И снова трель, и снова необычный отзвук эхо, и снова подставляет он свое левое ухо под, специально для этого, опущенное ветряное стекло левой дверцы автомобиля...

- Прямо, *детский сад*, - ворчу я.

Как тогда.

- Хе-хе, - довольно хмыкает он, невозмутимо крутя свою баранку.

Тоже, как тогда.

Точь, в точь.

Что ж, гены, они гены и есть, что бы ни говорили по этому поводу.

И, как ни странно, времени и возрасту - они не подвластны.

Бравичи, Молдавия, июнь 2012 года.

Из цикла
„Бродят по свету люди разные“

*Нынче очень сложный век.
Вот – прохожий... Кто же он?
Может, просто человек,
Ну а может быть, шпион!*

Владимир Высоцкий
«Нынче очень сложный век»

* * *

Лима, Перу, июль 1998 года.

Нахожусь в очередной командировке, в Перу.

Дел немного, и справившись с ними, решаюсь прогуляться до набережной Тихого океана, излюбленное место моциона жителей Лимы и иностранных туристов, так как город находится на плато, высоко над уровнем воды, и с наблюдательной террасы открывается великолепное зрелище.

Город я знаю неплохо, но придерживаюсь, все-таки, оживленных улиц и магистралей, поскольку уровень преступности довольно высок, и иностранцы занимают не последнее место в разборках местной каморры.

Иду не спеша, наблюдая за прохожими, за фасадами домов, за проезжающими мимо автомобилями.

В ближайшем киоске покупаю мороженное, которое ем, двигаясь дальше по улице.

Короче, *валяю дурака*, как выражается моя дочь, так как спешить некуда, времени – целый вагон, а до набережной, рукой подать.

На каком-то перекрестке вижу какого-то азиата, то ли китайца, то ли корейца, то ли японца, короче, узкоглазого, который смотрит в какую-то картонку, которую держит перед глазами.

То ли планшет, какой-то, то ли карта.

Одет он в джинсах и в куртке спортивного типа. Обут в мокасинах. За спиной небольшой рюкзачок.

Я прохожу мимо, не задерживаясь, держа направление к набережной, однако шагов через 20-25

китаец, а может японец или кореец, нагоняет меня и, суя мне под нос карту, на довольно плохом испанском, просит показать, где находится какая-то улица.

Я объясняю, что неместный, и плохо знаю город, поэтому понятия не имею, где находится та улица, которой он интересуется.

И двигаюсь дальше, оставляя его посередине тротуара с картой в руках.

Однако, еще метров через 50-70, передо мной снова появляется тот же китаец, а может кореец или японец, и объявляет мне, что он, наконец, нашел на карте ту улицу, которую искал, однако не может найти на карте то место, где он сейчас находится.

Поэтому, он и понятия не имеет, в какую сторону двигать, чтобы правильно составить маршрут передвижения.

И, не буду ли я любезен, показать ему на карте то место, в котором мы сейчас находимся.

И, снова, сует мне под нос карту.

Я, *святая простота*, наклоняюсь над картой, и пытаюсь найти на ней место, где мы находимся.

Узкоглазый также наклоняется над картой, и мы уже вместе пытаемся ориентироваться на местности.

В это время около нас останавливается маленький «Фольксваген»-букашка.

Из него выскакивают два здоровенных мужика, и с криками «Полиция анти-дрога» бросаются на китайца, а может, корейца, или японца, выворачивают ему руки, надевают на них наручники, рыскают в рюкзачке и вытаскивают оттуда здоровенный диверсантский нож, и какие-то пакетики, охают, театрально кивая головами и

поднимая руки к небу, и запихивают свою добычу на заднее сиденье «Фольксвагена»-букашки.

Потом вздыхают облегченно, и обращаются ко мне, так и застывшему, в нерешительности, на тротуаре:

- Это, Ваш друг?

- Да нет, - улыбаюсь я. – Первый раз его вижу.

- И, до этого, ни разу с ним не встречались? – смотрит на меня один из них, и показывает, на всякий случай, удостоверение полицейского.

Я понимаю, что это означает.

Поэтому, объясняю, что увидел задержанного типа на каком-то перекрестке, потом он подошел ко мне с вопросом, чтоб показал на карте какую-то улицу, но я сказал, что неместный, и не знаю, где находится та улица, а потом он снова подошел, и снова попросил показать, уже место, где мы находимся.

- И Вы можете проехать с нами в полицейский участок для того, чтобы подтвердить Ваши показания? – интересуется второй полицейский.

- А почему бы и нет? – улыбаюсь я. – Конечно, если это так необходимо.

Полицейские, довольные, кивают головами.

Один из них садится на заднем сиденье «Фольксвагена», рядом с узкоглазым, который немигающим взглядом смотрит на меня, второй поправляет переднее пассажирское сиденье и показывает мне занять там место, а сам, обходя «Букашку», садится за руль, включает зажигание, и мы трогаемся в путь.

- Так, Вы говорите, что неместный? – интересуется полицейский, что за рулем. – Американец?

- Да нет, - смеюсь я, - не американец.

- Да, для американца Вы слишком хорошо говорите по-испански, - голосит полицейский, что сзади. - Испанец?

- Да нет, молдаванин я.

- Молдаванин? - поражается полицейский, что за рулем, и по участившему дыханию того, что сзади, догадываюсь, что оба и понятия не имеют о том, кто такие молдаване, и где они обитают.

- Молдаванин, из Молдавии, - объясняю я.

Но видя, что на их физиономиях не произошли какие-либо изменения, которые бы доказывали, что они знают, где Молдавия, продолжаю:

- Молдавия - это бывший Советский Союз.

- Аааа..., - радостно голосят оба. - *Советико!*

- *Экс-советико*, - поправляю я их.

- Да! - соглашаются они, радостно кивая головами.

- И по какому поводу приехали к нам? - интересуется полицейский, что за рулем.

Видимо, он старший, потому что имеет приоритет в очередности задавать вопросы.

- Да так, по делам, - уклончиво отвечаю я.

- Вы бизнесмен? - пытается раскрутить меня тот, что сзади.

- Значительно хуже, - хмыкаю я. - Государственный служащий.

Они оценивают мой сарказм, понимающе кивают головами, но профессионализм берет верх, и постукает следующий вопрос:

- И в какой области государственной деятельности Вы заняты?

- Я - дипломат, - спокойно объявляю я им, но не успеваю повернуть голову и следить за их реакцией, так

как, услышав мои слова, тот, что за рулем, сразу же нажимает, со всей силой, на педали тормоза и сцепления, и «Букашка», ужасно скрипя всеми четырьмя колесами, буквально становится на дыбы, остановившись посередине дороги.

Я утыкаюсь физиономией в переднее панно машины, полицейский, что спереди, буквально насаждает на руль, а сзади, на нас наваливаются, будто сверху, как многотонная океанская волна на пляже, второй полицейский и узкоглазый.

С трудом приводим себя в порядок, и вдруг, полицейский, что за рулем, выдает:

- Извините, мы не имеем право задерживать дипломатов.

- Но, Вы же меня не задержали. Просто попросили выступить в качестве свидетеля.

- Это, мы тоже не имеем право делать, - еще больше пугается тот, который сзади.

- И не говорите, пожалуйста, никому, о том, что случилось, а то у нас будут большие неприятности, - молящим голосом просит тот, что спереди.

И выскакивает, как игрушечный волчок типа юла, из-за руля, обходит машину спереди, открывает дверцу справа и приглашает, жестом руки, подняться и выйти из машины.

Я выхожу, а он, сразу же закрывает дверцу, хлопком, обходит машину, на этот раз сзади, садится за руль, включает зажигание и с визгом трогается с места, пропав за поворотом буквально через пару секунд.

Я в недоумении сжимаю плечами, и трогаюсь в направлении к набережной, но потом раздумываю, и возвращаюсь в гостиницу.

Не доходя метров 100-120 до гостиницы, ко мне еще раз обращаются за помощью, подсказать, где есть поблизости хорошая и недорогая гостиница.

На этот раз, это молодая девушка, также азиатского типа, скорее всего, японка, которая держит одной рукой ручку чемоданчика на колесиках, а в другой – карту Лимы.

На вид, вроде бы только что из аэропорта, так как на чемоданчике красуется бирка какой-то авиакомпания, но одета она в длинном вечернем платье, с разрезом сбоку, который дает возможность отлично обозреть ее длинные и стройные ноги.

У меня непроизвольно мелькает мысль, что вряд ли такая одежда может быть удобной для путешествий.

К тому же, как обычно, из аэропорта туристы добираются до города на такси, водители которых отлично знают расположение гостиниц, и не оставляют посередине дороги своих пассажиров, а довозят их до назначения.

Поэтому, помня о недавнем курьезном случае, произошедшем со мной буквально несколько минут тому назад, я отказываюсь блеснуть перед дамой своими знаниями относительно расположения гостиниц в департаменте Мирафлорес города Лимы, и даю ей *от ворот поворот*, объявляя, что и понятия не имею, что такое гостиница, вообще, так как живу в своем частном доме и не интересуюсь, где проживают другие граждане.

Она, еще что-то пытается сказать, даже хватать меня, якобы в отчаяние, за руку, но я, даже не вникая в ее бормотание, *по-спринтерски*, направляюсь в гостиницу и не выхожу оттуда до следующего утра.

Честно сказать, мне до сих пор непонятны эти истории.

Взаимосвязаны ли были они, или каждая проходила по своему отдельному сценарию.

Была ли это обычная операция местной полиции по борьбе с наркобизнесом, в которой я попал совершенно случайно, или же это была какая-то инсценировка или подстава, или, что-то еще.

Ведь, самое удивительное, что полицейские даже не проверили, есть ли у меня дипломатический паспорт, или я блефую.

Да и девица, явно уж не была похожа на тех, которые ходят по городу пешком, таская за собой чемодан, на роликах, в поисках дешевой, но хорошей гостиницы.

Слишком уж холенной, да и уверенной в себе, она была.

Как бы то ни было, но с тех пор, я стал менее отзывчивым на просьбы показать на карте что-то, или отвечать на вопросы, где находится та, или иная улица.

Хоть мужикам, хоть представительницам прекрасного пола.

Где бы это ни было.

Даже, в родных Бравичах.

Разумеется, если обращаются совершенно незнакомые люди, поскольку если обращаются знакомые, а их пруд пруди, то, как им откажешь?

Бравичи, Молдавия, июнь 2011 года.

Из цикла
„Бывает, ведь, такое...“

*Если правда оно,
Ну, хотя бы на треть,
Остается одно:
Только лечь, помереть.*

Владимир Высоцкий
«Ой, где был я вчера»

* * *

Москва, 2014 год.

Остановка троллейбуса.

Стоит молодая женщина, длинноногая, стройная.

Ей лет 30. Серьезная, собранная, деловая.

Умный, интеллигентный взгляд.

Одега элегантно, сдержанно, со вкусом.

Подходит дядька, с какой-то большой картиной в руках, и прикрывает часть ее фигуры от меня.

Видна лишь ее голова и ноги.

Голова гордо посажена. Волосы собраны в аккуратный пучок, заколотый какой-то длинной заколкой. На шее завязан легкий шифоновый шарф.

Ноги стройные, крепкие, гладенькие, обутые в туфельки на высоком каблучке.

Вспоминаю Шукшинскую «Калину красную», где его герой, только что вернувшись из мест не столь отдаленных, и одичавший от отсутствия женского облика, так же, увидел женские ноги, и захотел их потрогать.

Просто потрогать, чтобы удостовериться, что это не мираж.

У меня, почему-то, возникает такое же желание.

Хмыкаю, и поднимаю взгляд на нее.

Ее карие, красивые глаза иронично смотрят на меня.

Вероятно, заметила не только мой взгляд, но поняла и намерение, вернее неосознанное желание.

Не возмущается, не строит из себя недотрогу.
Но и не кокетничает и, главное, не жеманится.
Лишь смотрит иронично и изучающе.
Потом, поднимает левую бровь.

Это, вероятно, означает то, что у нее сформировалось определенное мнение обо мне и о моем взгляде на ее ноги и желает высказаться по этому поводу.

В это время подходит троллейбус, но не наш, так как она, просмотрев на его номер, не трогается с места.

Дядя с картиной садится на нем, оставляя нас одних на остановке.

Я пытаюсь оправдаться:

- Вспомнил «Калину красную» Шукшина.

Она теряется.

- Ну, - пытаюсь я объяснить, - тот момент, когда...

- Я знаю - прерывает она меня.

Уже пришла в себя и, снова, рассудительная и взвешенная.

Но взгляд уже не ироничен, а какой-то будничным, будто мы знакомы сто лет и, вот, снова встретились.

- Просто, Вы второй человек в моей жизни, который разглядывая мои ноги, говорит про кинокартину Шукшина.

Тут уже теряюсь я, но нахожусь:

- И, что с первым стало?

- А что могло с ним стать? Я, конечно, вышла за него замуж.

- Значит, никаких перспектив, - пытаюсь я отшучиваться.

- Почему же? - смеется она. - Я с ним развелась. И сейчас совершенно одна.

Я снова теряюсь.

Как ни странно, это похоже на правду.

Видя это, она уточняет:

- Но, он потрогал, а Вы лишь посмотрели.

То ли укор, то ли разочарование.

А может, подсказка.

- Но, все равно, приятно было, - добавляет она.

Взгляд также серьезный, но ироничность совсем пропала.

Я, как истукан, киваю головой и мямлю:

- Мне, тоже.

У нее снова левая бровь лезет вверх. Как-то, ободряюще, что ли.

Не ожидает ли она, что я тоже потрогаю ее туфельки, а может, и ножки, прямо здесь, на остановке, мелькает у меня крамольная мысль, но тут подходит троллейбус.

Это явно наш номер, поскольку здесь ходят только два троллейбуса, а прежнего она пропустила, как и я.

Но сесть в троллейбус, вместе с ней, у меня, почему-то, нет охоты. Слишком уж пугающие перспективы маячат.

- Так, Вы не сядете? – осведомляется она, видя, что я продолжаю стоять на своем месте, как и прежде, никак не демонстрируя хоть какое-то желание сесть в троллейбус.

Похоже на приглашение.

- Нет, - дипломатично ухожу я из приближающегося клинча, - я, вообще, не троллейбус ждал. Друг должен подъехать, на машине.

Она понимающе кивает головой.

Еще пару секунд смотрит на меня и, не видя реакции, добавляет:

- Мне, на самом деле, было приятно! Всех благ Вам!

И, не ожидая моего ответа, который полагается по этикету, заходит в троллейбус, но не садится на пустующие кресла, а становится у заднего окна.

Александр Буриан. Блокнот в "Norton commander".

Поправляет легкий шарф, элегантно завязанный на шее, легкими движениями руки выбивает какие-то невидимые, воображаемые пылинки с груди, чуть нагибается и поправляет то ли юбку, то ли что-то еще, выпрямляется и поднимает на меня глаза.

Взгляд серьезный, уравновешенный, нейтральный.

И когда троллейбус трогается в путь, и я машу ей рукой, в знак прощания, а может благодарности за встречу, она кивает в ответ гордо посаженной головкой и также поднимает руку в ответный жест приветствия.

Но, ее взгляд лишь на протяжении каких-то мгновений нейтральный, так как левая бровь снова лезет вверх, и ироничность возвращается.

Еще бы.

Любителей пялиться на женские прелести хоть пруд пруди, а толку с них, как с козла молока.

А вот, если бы, потрогать...

Бравичи, Молдавия, июнь 2015 года.

БУРИАН Александр Дмитриевич

Доктор юридических наук, профессор, президент Молдавской Ассоциации международного права, директор Института стратегических исследований Европейского Университета Молдовы.

Родился 25 января 1953 года, в селе Бравичи, Каларашского района, Молдавской ССР.

В 1971 г. Окончил Оргеевское педагогическое училище, в 1975-1978 гг. учился на историческом факультете Кишиневского госуниверситета.

В 1984 г. окончил факультет экономики и права Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы по специальности «международное право», а в 1987 г. - Аспирантуру Института государства и права АН СССР, по специальности «международное публичное право».

В 1971-1972 гг. работал учителем начальных классов в Солтанештской восьмилетней школе, Ниспоренского района, МССР, в 1972-1974 гг. проходил действительную военную службу в Вооруженных Силах СССР.

В 1974-1978 гг. преподавал историю в Бравичской средней школе, Каларашского района, МССР.

С января по август 1978 года работал электриком в Производственном Комбинате Госкино МССР.

В 1978-1984 гг. учился на дневном отделении в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

В 1979-1983 гг. - внештатный сотрудник Протокольного сектора Управления делами ЦК КПСС.

В 1983-1988 гг. - сотрудник Протокольной службы Управления делами ЦК КПСС, в том числе, в 1986-1987 гг. директор гостиницы «Октябрьская-2» УД ЦК КПСС (ныне - гостиница «Арбат», администрации президента РФ) и заместитель директора гостиницы «Октябрьская» УД ЦК КПСС (ныне - гостиница «Президент-отель», администрации президента РФ).

В 1988-1990 гг. - референт международного отдела ЦК КПСС, старший научный сотрудник сектора международных связей ИМЛ при ЦК КПСС.

В 1990-1994 гг. - депутат Парламента Республики Молдова, в 1993-1994 гг. - председатель Комиссии по международным связям Парламента Республики Молдова, руководитель молдавской парламентской делегации в ПАСЕ (Страсбург).

С апреля 1994 года по август 1995 года - заместитель министра иностранных дел Республики Молдова.

В 1995-1997 гг. - Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Молдова в Федеративной Республике Германия, Королевстве Испания и Королевстве Дания.

Был руководителем молдавских правительственных делегаций на переговоры с Ираном (1994 г.), Кубой (1994 г.), Китаем (1994 г.), Румынией (1995 г.), (Россией (1995 г.), Мексикой (1995 г.), Перу (1995 г.), Боливией (1995 г.), Аргентиной (1995 г.), Мальтой (1996 г.).

В 2005-2009 гг. был директором Института истории, государства и права АН Молдовы.

В 2017-2018 гг. был Председателем Национального Совета по Аттестации и Аккредитации Республики Молдова (ВАК Молдовы).

Автор более 300 научных работ, в том числе более 50 монографий, учебников и курсов лекций для

университетов в области международного публичного права, теории международных отношений, дипломатического и консульского права, космического права, геополитики современного мира, дипломатического протокола и церемониала.

Преподает *Дипломатическое право, Космическое право* и *Геополитику современного мира* в различных университетах Молдавии, России, Украины, Румынии, Словакии, Испании.

Награжден высшей государственной наградой Республики Молдова, **Орденом Республики** (№ 3031, Указ Президента РМ № 450-VII от 28.12.2012 г.); **Орденом «Богдан-Основатель»** (№ 4177, Указ Президента РМ № 1089-VIII от 02.02.2019 г.); **Орденом «Трудовая слава»** (№ 1656, Указ Президента РМ № 1496-IV от 31.01.2008 г.); Медалью **«За гражданские заслуги»** (№ 00825, Уд. № 01963 от 22.08.1996 г.).

Александр Буриан. Блокнот в "Norton commander".

Литературно-художественное издание

Александр Буриан

«Блокнот» в "Norton Commander".
Избранные заметки из записных книжек. Том 5.
Шестое издание.

Подписано в печать 02.10.2023.

Формат издания 60x84/16

Усл. печ. л. 13,37.

Печать высокая. Гарнитура *Book Antiqua*

Заказ № 285. Тираж 500 экз. (1-й лот – 100 экз.)

Отпечатано в издательском центре МолдГУ

Centrul Editorial-Poligrafic al USM

MD 2009, Chişinău, Republica Moldova, str. A. Mateevici, 60.

Tel: +37379451426;

E-mail: usmcep@mail.ru